

Тексты устных рассказов русских старожилов о традиции веснования и осенования в Приангарье, опубликованных в многотомном «Словаре говоров русских старожилов Байкальской Сибири»
(тома 1 – 26)

Количество рассказов: 132.

Количество носителей: 76.

Автор фиксации: директор ГБУК ИО «Региональный центр русского языка, фольклора и этнографии» Медведева Галина Витальевна. 1980-2001, 2003 – 2005, 2007, 2008, 2011 гг.

Место фиксации: 24 населенных пункта Иркутской области, Красноярского края.

Место хранения:

1. ГБУК ИО «Региональный центр русского языка, фольклора и этнографии» по адресу: г. Иркутск, ул. Халтурина, 2;

2. Педагогический институт Иркутского государственного университета по адресу: г. Иркутск, ул. Сухэ Батора, 9.

3. Личный архив Медведевой Г.В.

Публикация: Афанасьева-Медведева Г. В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири.

Примечание:

В квадратных скобках обозначены: первой цифрой – номер текста, второй цифрой – номер тома «Словаря говоров русских старожилов Байкальской Сибири», в котором этот текст опубликован. Например, [450 (21)] – 450 – номер текста, 21 – номер тома.

В круглых скобках обозначены: первой цифрой – номер источника в разделе «Литература», второй цифрой – номер страницы цитируемого текста. Например, (5, С. 4) – 5 – номер источника, 4 – номер страницы.

(ЛА) – личный архив Г. В. Медведевой.

(ФА ИГПУ) – в настоящее время архив Педагогического института Иркутского государственного университета.

АШЕУЛЬНИЦА, -ы, ж. То же, что **АШАУЛЬНИЦА.**

Но хлеб-то жали. Там через Ангару переедут на остров. Как *Мозговá*, а там остров. Мы там снопы вязали, *житьём* тоже жили. Там баня, бараки, там всё, там *анбары* под зерно, там всё было. Но были столы-то, повар был у нас там. Молодёжь вся там. Большие столы стояли, длинные. А она наредится, *ашеульница* была, эта Нинка-то, наредится, оденет лохмотья каки-то, *наздеёт* на себя, ага. И без штанов, *никоо* не стесняются.

А мы все сидим, ребята, девки — полно́ там. Она тут как встанет, у стола, и начнёт вертеться по столам, начнёт вертеться по столам, через голову, через голову, а жопа-то голая остаётся. Ой, да так хохотались мы над ней! Такая *ашеульница* была! Всё время шучила она. А мы хохотали. То наденется старичонком, наредится, бязит, всё наголе у ней, бежит. Старичонком наредится, ага, бежит голая. *Токо* жопа сверкат.

<...>. Мы же кажний день работали, кажний, на работе с ночи до ночи. Вот *токо* ночью успевали, шучили. Лампочки горели, лампы горели такие, зажигалки эти, зажигали керосинные. Но. Вот там успевали.

[— ...Её как звали-то? — Собир.]

Нина. Захряпина *фамиль* у неё.

[— ...Фамилия-то мозговскáя, да? — Собир.]

Но.

[665 (2)]. Записано в 1987 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Екатерины Павловны Волошиной (1926 г.р.), с. Заледеево Кежемского района Красноярского края (ЛА).

АЯКА́Н². Микротопоним. Название пашни в с. Яркино Кежемского района

Красноярского края.

Пашни-то здесь кругом были. Там ровно всё, всё ровно. Раньше, когда жили *по одиноличестеу*, у каждого были свои пашни. Их же много там. *Аякán* пашня, *Потакíль*, *Лебяжсья*, *Мыс*, *Чуктукóн* пашня. *Постанóшина*, Большой, *Вíлы*. Это *Вíлы*, значит, называется между озером, в серёдке тако озерко, туды запашено поле и туды поле, и получатся как развiлина, ну, *Вíлы* (...). *Задúшин*. *Аякán*. *Тактыкán*. Кажно поле *со* своим *прозвáньем*. Говорели, вот, мол:

— Ехай к *Аякáну*, там бяри зарод сена (...).

[— ...А сколько Вам было лет, Степан Кондратьевич, когда вы стали работать? — Собир.].

Дак я с девяти лет. А с десяти я уже *полный работник* был. А *счас* как?! Он маленький, ему уже двенадцать-пятнадцать лет, он всё маленький. А я, мне было девять лет, я *навёршино* не боронил, я пахал. Раньше же *навёршино борончикí* маленькие, чтоб лошадь не давить. А я парень *ёмкий* был — меня сразу за плуг. В двенадцать лет я уже пахал вовсю. По гéктару на день сеяли (...).

Вот один раз получилось на посявной в войну-то. Мы с другом, отправили нас двоих *на Аякán* (там хороши пашни, дедовски), сеять *токо* осталось, пахать — вспахали, всё. И уехали, запрягли, *забороздiлись*, но и:

— *Счас* завтريكать будем.

Выпрягли и как лягли — и на двое суток не просыпаясь! Те приехали, отсеялись, приехали к нам:

— Вы чаго делаете?

А солнце — тоже как завтрик...

— Дак а чё?! Мы *токо* легли. *Еишио* солнце, вон оно.

— Какой завтрик? Это вы, вашу мать, уж два дня спитё!

<...>. До того намучились! Старики нас будят (...). Проспали.

[677 (2)]. Записано в 1987 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Степана Кондратьевича Рукосуева (1932 г.р.), с. Заледеево Кежемского района Красноярского края (ЛА).

БАБЛЁННЫЙ, -ая, -ое. Принятый повивальной бабкой (о ребёнке).

Рожали-то чё?! Прямо на поле. Мама меня *на Курéйном* родила, на острову́ прямо, ага. Тятя всё:

— Надо жать, жать!

До последнего жала. Прихватило — так она *на полосе* и родила. Но я всё рамно *баблёная*, тётя Рая Чарковых, её невестка *стáрша*, она роды принимала у мамы (...). Родила — и опеть жать и чарёмуху собирать.

[— ...Сразу? — Собир.].

Сразу, сразу, сразу! Ну а куды деваться-то? Вот оне на куст на чарёмушный привяжут *зы́бку-ту*. Травой всё тама-ка, сырую траву нарвёт мама-ту и разожёт, чтоб меня *мо́шки-то*, комары-то не ели-то. Но а сама-то чарёмуху собирает. А принимали чарёмуху-ту. Она то пелёнок купит на меня, то то, то друго. Вот так и жили. Тяжело было. Кулями чарёмуху собирали, сушили *с тятей*. Тятя в *Ванавáру* свозил всё на лошаде́: то чарёмуху везёт, то *пáтоку* везёт. *Чандáльск*, *Ванавáра* — туда дальше <...>.

Тятя работал, молотилка, а мама опеть *во́шкатся*, тоже помогают. А меня то с тем пяхнут, то с тем пяхнут, вот так вот! То две-три собярётся их тама-ка, *женшиины*. Одна водится старушонка с нами. Во так, Галя! *Пу́шше* я всё на островах *подымалася*: *на Курéйном*, *на Басковом*. Потом *тятя* дома не жил, всё по островам.

Детство *нече* вспомнить, Галя, *нече* вспомнить! Вот Нинка Гафнер, тоже *баушка* Катерина была, тоже рано овдовела. Тоже *на Басковом* с нам всё жила. А мы будто побогаче жили. Мама *еишио* была *с тятей*. Так вот то молока мама даст, то смятанки даст, ага. Даст:

— Катеринка, с Лушкой сиди, — на меня-то, — гляди там, приглядывай. Нынче плавать поедем.

Привезут рыбы — ей дадут рыбки опеть.
[759 (2)]. Записано в 1982 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Марфы Платоновны Вороновой (1923 г.р.), пос. Кежма Кежемского района Красноярского края (ЛА).

БАДА́РМИНСКИЙ КЛЮЧ. Гидроним. Бьющий из земли источник, родник у с. Бадарма Усть-Илимского района Иркутской области.

Вот этот дедушка Петрован, которого кулачили, у того опеть была «всяйский» присказка. Чё это было? Вот мы если́ работаем с ём, война, у нас мельница сломалась. Вот нас, девчонок, всех насобирали. Мы жили на острову́, а на той стороне был ручей, бил из-под земли *Бадарминский ключ*. Да такой был сильный! Бил из-под скалы. И вот оне захотели там построить мельницу хлеб молотъ. Вот эти два старика, три старика. Третий старик — оставили дома — покос, а этот старик поехал. Дедушка Петрован, дедушка Иван, дедушка Максим. Поехал с нам. И вот, вы знаете, этот ключ такой — холодная вода, ломит ноги. Он нас заставил разуться:

— Ну, *всяйские*, девчонки, разувайтесь!

Он берёт за один конец бревна, мы трое — за второй. И нам надо бродить по этому по рúччу.

— Дедушка Петрован, у нас ноги замёрзли.

— *Всяйские*, девчонки, вода хорошая, вы не заболаете!

— Дедушка, мы *обкашляем*ся!

— Ничего, *всяйские*. Ну-ка, выскакавайте на *камешок*, други́ давайте!

Други́ опеть три девчонки прыгают. Мы на *камешке́* босиком стоим, греемся. В июле месяце <...>.

Нам надо к осени построить мельницу, *сто́пу выгнать*. Ну а пока низко, нас таких малых, а потом-то там больших брали девок. И вот он нам всё:

— Ну, *всяйские*, девчонки, погрелись? Давайте, эти пускай погреваются!

<...>. Ну, хоть бы кто болел! Хоть бы кто кашлянул!

[820 (2)]. Записано в 1980 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Анны Михайловны Жмуровой (1924 г.р.), пос. Невон Усть-Илимского района Иркутской области (ЛА).

БАРА́ННИК. Топоним. Остров на р. Ангаре близ пос. Кежма Кежемского района Красноярского края.

А здесь же раньше *бёгали бечевой-то*. Я сам таскал лодку. Вот на покос на остров, двадцать три человека, и до острова десять километров. Вот *Баранник*. И там у нас были покосы. Косили сено, жили там, домой не ездили. *Поку́ль* покос не кончится — делать нечего в деревне.

Вот уже покосы пошли с десятого июля. И вот *поку́ль* не кончишь, живёшь на острову́ там. Потом с острова с этого с *Баранника* съезжаешь, опеть дома убираешь, в первую очередь на острову́ убирали.

[— ...А туда шли, что туда везли? Бечевой-то? — Собир.]

Грабли. Косилки. Вилы. Всё в лодку нагружаешь — и попёр. Или лошадьё, вот потом большу *перевозню* (называется больша лодка, она здорова-то, тонны три грузили *на её*), и вот на лошаде́ опеть тянули, берег. Тонны три *грузини́*.

[— ...Вы с кем? Не один же вы были? — Собир.]

Нет. Человек тридцать, двадцать пять са́мо ма́ло, уязжали *на Баранник*, на острову́ жили.

[1022 (2)]. Записано в 1982 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Василия Абакумовича Кулакова (1934 г.р.), с. Сыромолотово Кежемского района Красноярского края (ЛА).

БАСКОВО́Й. Топоним. Название острова на р. Ангаре вблизи с. Паново Кежемского района Красноярского края.

До́йками были, *весновáли*, *осеновáли на Басковом*, на острову́. И там *селингинские до́йки*

жили, на *верхней изголови*, там тоже избушечки, доярки жили. А мы вот здесь в *на нижней изголови*, в середине *на Басковом* же у Федюнкиных. Это *жильё* было. Мы вот у Федюнкиных живём. А тут Ерёнины были, другие избушки. Там уж бригадир сам уж здесь жили тоже.

Старики сами себе избушки строили. Ну, такие небольшие, как зимовьё, только побóлше, ну, как изба, бывает, сделают печь русскую, там всё, такая избушечка. *Весновáли, осеновáли* там. Осенью туда уедут и там жили, пока река не замёрзнет.

[— ...А что делали осенью? — Собир.]

И *жнитво-то* там, всё было на островах. Оне уедут туда, там молотёба, там молотют и скирды возят. Оне из-за этого *осеновáли* там. А *весновáть* там едут пахут. Тогда же пахали тоже на лошадях.

[— ...Так *осеновáли* до какого времени? — Собир.]

Пока река не станет (...). И река станет, ездили туда молотить. Молотилка там. У нас всё на острову́: покосы на островах, надо туда везти, через две реки.

[— ...Вы потом пришли сюда домой и потом уходили? — Собир.]

Мы если уйдём, ну, *весновáть*, и мы всё лето живём. Там у нас пока река. С острова на другой остров перевезём коров, и там с ними, коровами, живём (...). Даже бывало, что туда уедем мы с ребяташками.

У нас животновод был Иван Егорович, и он уехал. У него пятеро ребяташек, и он там с ребяташками. И я со своими ездила туда. Уеду туда, и их с собой, и оне у меня там на острову́. И я уеду, пока не приеду домой, оне всё у меня там, всё по острову́ ходят, как телята колхозные. По лугу все бегают, цветочки рвут. Никто там не задавит, никого.

А коров возили *на Коровой*, остров. Ну, этот *Коровой*, вот мимо едете. *Коровой*. А овечек — *на Нишáгу*. Вот тут *Нишáга*. У нас там коровы.

Когда там посеют, станут хлеба всходить на острову́ *на Курейном* (там не загорожено было), оттуда перевозим *на Коровой*. Там уже никаких *пастбишше*в нету, а только *пастбишше* коровье, там ни покосов, никого нету, одни коровы живут.

А овечек увязём *на Нишáгу*. Это колхозное стада возили. И до колхозов так же. Там и до колхоза избы-то стояли. Оне *поскóтины*, старики-то, *городили*, коров отпустят *вóльно*, *поскóтину* *городили*. Избушки, а поля как будто туда, за бором.

Нишáга, она и раньше была, овцы там, сами пьют, едят. И не воровали. *Мётки* делали на ушах. *Пятнали*.

— Давай, — говорит, — *запятнай* овечку. Иди, — говорит, — *запятнай* овечку.

Вот у меня правая разрежется, а левая срезается. У кого там внизу, всё, чтобы потом, осенью, не путали. По два обреза делали. На ушах.

Я любила *на Басковом* острову́ жить. *Басковой*, он вот рядом, тама-ка и зиму, и лето. Оне в *Пановой* не жили, там *ухóдницы* ходили за овечками, оне там ягнились, там тоже *зáгородка* была. И оне там их пасли рядом. Оне с нашими овечками не ходили. *На Басковом* делали *зáгородь* из жардей-то, *поскóтину* *городили*, чтобы овечки ходили.

[1059 (2)]. Записано в 1982 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Анны Алексеевны Усольцевой (1925 г.р.), с. Паново Кежемского района Красноярского края (ЛА).

БЕСКРЫ́ШНЫЙ, -ая, -ое. **Бездомный**. Ср.: **БЕЗДВО́РЫЙ**, **БЕЗЫЗБЫЙ**, **БЕСКРЫ́ШИЙ**, **БЕСПРИТУ́ЛЬНЫЙ**.

У нас два старичка *бескры́шные* жили в *Пановой*, оне сосланы были. На берегу их подобрали. Оне *бёглые* у нас *шиштал*ися. По баням жили. Бани протопят, там вымоются, хозяин-то, — оне в тёплой бане ночевали. От одного к другому ходили. У одного были култышки — по пальцы обрезанные ноги, видно, отморозил. *Дак* а бегал-то?! Мы переехали

с Курейного, с острова, осеновали там, коров перевезли, корова побяжала, и я мимо их, и этот как раз был заулочек. Я туды. Дак он за мной — и стал передо мной, фуражку вот так взял и об пол:

Фуражка шита,
Об пол не бита.

И мама мне *встрёчу* бяжит, заругала его. Вот он такой был. *Говрели*, он потом с белыми уходил. И вот он такой был. А потом я не знаю, куда он дьявался. Или его убили, или увязли ли, не знаю, куда дьявался.

[401 (3)]. Записано в 1996 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Матрены Тимофеевны Пановой (1925 г.р.), с. Паново Кежемского района Красноярского края (ЛА).

БЕЛОВОДЬЕ, -я, ср. Никем не заселённая, свободная земля.

На островах-то чё?! *Беловодье!* Зёмли-то оне ж никем не заняты были. Наши же старики её в работу пускали, доставали землю. В Сизовой всех лучше земля. Вот на острову. А в *Бадарме* была, там два острова. На островах была *пешшана* и в деревне тоже *пешшана*. А что эти бугры пошли, всё глина.

Первы года *беловодье* хлеб хороший родит. Но и пары пахали. На три ряда конями пахали. Первый-то раз в мае пахали. Ну, вот после посевной, как кончится... А второй в июне. И перед осенью в августе. А чтобы земля-то не зарастала. И потом на три-то ряда спашешь, и когда посевну-то посеешь, хлеба-то росли как! Земля-то отдохат. Сразу, как посевну кончат, а где жнива, на пары-то, сразу пахать, эту жниву запахать. А она же тоже гниёт в земле-то. Потом дадут ей урасти маленько, чтобы *не том*, что чёрна была, а травой заросла не шибко. И эту траву опять запахывают, она там тоже гниёт же.

И потом уже на третьи пары, как пашет, потом она уже к посевной стоит чиста. И в посевну её уже не пашет, а сразу боронят и сеят. Пары-то пашешь — и урожай! Знашь, каки хлеба даёт! И пшеницу сеяли, овёс, ячмень, горох. Ячмень подошёл, всё, бросает там жатки, и на жаткаф жнёшь. Я на жаткаф молоденький пошёл уже, но. Я на коняф по пять — по шесть гектар, до семи догонял. Три коня и я за день вот столь урожай убирал, жал.

А бабы за мной вязали. Вот бабам доставалось, бедным. Глянешь: в поту захлёбываются! Вот я *счас* говорю, *счас* жить вот этим бабам просто. А в ту пору захлёбывались! И это чё?! Попробуй *ручёнку* кажну завязать! По тысяче она вывязывала снопов в день. И вот попробуй! *Рысью, рысью, рысью!* А я-то на жатке коней правлю, и *сидулка* сбоку. Сидишь, на руке бич надета, коней шевелишь, чтобы больше-то выжать надо, чтобы кони *хлёшше* ходили. Но.

Вот я на *Бадарме* когда жал, *покуль* в Сизову не уехал, председателем был Алексей Васильич, председатель был горячий — и тоже всё время, чтобы ему первому по сельсовету убрать урожай. У меня было три коня, и я, второй мужик был. Разбили нам участок. Тот здоровый, тот на косилке, а я на жатке. И вот, кто вперёд свой урожай как уберёт. Ну, *гектара*. И вот и я. Он-то в годах уже, а я-то молодой. Ну и он мне говорит, председатель:

— Жми, — говорит, — чтобы ты первое место занял. И я тебе премию любой вручу.

Ну и вот и я на *Сосновом* когда жал и пробовал коней не выпрягать, с утра как запрягу

и до самой вечера, уже не видать. И *токо* вот в шесть *о́круг* дам, соскочу — скорé, попью и опеть скорé, падашь, опеть пошёл.

И вот даже их обедать не отпуская и сам не ел. Но я-то хоть, мне-то легче, а бабам-то *поисть* надо. Они меня *страмят*, *гáлят* всяко. Но а я пошёл-пошёл. *Ручёньками* всё заваливал. Пшеница была хороша. Вот одна *чичас* эта вот, Алексеева жена осталася, эта *ешио* жива, ой, доставалось ей, бедной <...>. Другой раз захлёбывалася в поту.

И по всему дню, *покуль* уборку вот не уберёшь. И бабы. Я *те* говорю, *аж* взхлёб. Да *ешио* сетку надеют на голову-то. *Мóшка-то* задавлят. *Личинку*. И вот попробуй в ней! *Аж* пот вот так ручьём. И весь день побегай-ка, бедна.

[116 (3)]. Записано в 1991 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Василия Перфильевича Москвина (1928 г.р.), пос. Невон Усть-Илимского района Иркутской области (ЛА).

***БЕЧЕВО́Й ТЯНУ́ТЬСЯ.** То же, что ***БЕЧЕВО́Й БЕЖА́ТЬ.** Устар. Тянуть лодку бечевой против течения, идя по берегу реки. Ср.: ***БЕЧЕВО́Й ИДТ́И**, ***БЕЧЕВО́Й ПОДНИМА́ТЬ**, ***БЕЧЕВО́Й ТЯНУ́ТЬ**, ***НА БЕЧЕВЕ́ ИДТ́И**, ***ПО БЕЧЕВЕ́ ИДТ́И**, ***С БЕЧЕВО́Й ХОДИ́ТЬ**, ***С БЕЧЕ́ВКОЙ ИДТ́И**, **БЕЧЕ́ВНИЧА́ТЬ.**

По Ангаре ходили, *бечевóй тяну́лися*. *Шитик-то* маленький, привязывали к нему *бечеву́* и бежали по берегу, ташились вверх. Один сидел на корме, правил, чтоб не заташило ни туда и ни сюда. А лошадьми тянули *карбазá*. *Кáрбаз* большой. Вот две лошади — и *бечеву́*.

И в Нижнеи́лимска *бечевóй тяну́лися*, возили зерно, всё тама-ка. Лошади три было. И подымали там пороги: вот этот *Сема́хинский порог*, *Зяте́йский*. Вот туда ходили. *Кáрбаз* был *крытый*, *крытая лодка* большая. А эти небольшие *шитики*, лошадей перевозили. Обрато *тяну́лись*.

Вот *Берёзов* у нас, остров он, там сеяли, на сенокосе народ. Поехали *на карбазу́*, лошадей с собой взяли, *кóпна* возить. А отсюда мы пловём, а обратно переехали на эту сторону *с Берёзового* и *бечевóй тяну́лися*. Мальчишки на лошадыф, *тягольшишки*, две лошади или на одной лошади. А тяжело же, а мы песни *ешио* поём. Везде с песнями мы жили. Везде! Всю войну с песнями. На работу — песни, с работы — песни, работают — песни. Вот такие.

[471 (3)]. Записано в 1906 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Валентины Терентьевны Анкудиновой (1926 г.р.), пос. Невон Усть-Илимского района Иркутской области (ЛА).

БО́ЛЬШО́Й О́СТРОВ. Микротопоним. Название острова на реке Ангаре в Кежемском районе Красноярского края.

На остров-то делали ледовые дороги. Ну, через реку, на остров, там же и хлеб сеяли *на Большо́м острову́*.

[— А там какие острова, вот напротив, близко к *Мозговóй*? Которые относились к *Мозговóй*? — Собир.].

К *Мозговóй*? *Талóвик*. *Большóй óстров* назывался. У нас тут один *Большóй óстров*. *Мали́нник*, *Мали́нник* здесь ещё.

[— А *Мозговáя-то* отсюда сколько? — Собир.].

Двенадцать кило́метров

На Большо́м же óстрове кто-то убил лебедя. А попало-то не лебедь сам, а самка. Они

в лодку её положили, *имя* же говорили:

— Нельзя убивать ни лебедя, ни лебедиху.

И вот он улетел-улете-е-ел в небеса, его чуть видно, и оттуда крылья поджал, вот так крылья поджал и оттуда камнем и ка-ак шмякнется — и насмерть убился. Он не мог пережить. Это же его пара была. Если *ф* лебедиха погибает, кто-то её убил, лебедь разбивается. Если *ф* лебедя кто убил, лебедиха разбивается, но жить, они друг без дружки жить не будут. Пришли старые люди, сказали:

— Возьмите, унесите на воду, отпустите, не бейте больше.

Вот так. Белые лебеди есть, белые гуси дикие, есть чёрные гуси. От, три сорта их: белые гуси, чёрные гуси и белый лебедь. Лебедь только белый бывает. Бывает лебедь и разные такие крылышки бывает. *От* так *от* он разбился. Говорят, грех убивать лебедя.

[196 (4)]. Записано в 1989 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Валентины Ивановны Косолаповой (1926 г. р.), с. Мозговая Кежемского района Красноярского края (ЛА).

На всех островах работали. Где вот этот **Большой остров**, вот, тут избушки были тоже, бригады жили. Там четыре километра ниже тоже избушки жили, тоже бригадами жили, вот. Остров он большой, там где-то *тыща* двести гектар *токо* посевной площади, не считая сенокосов, вот. Сперва всё лошадьми делали, а потом стала техника, трактора.

[— Ну, он так и называется Большой, да? — Собир.].

Большой остров, ну. Хлеб сеяли, да, *тыща* двести гектар посевной площади.

[— Это туда же всю технику перевозили, да? — Собир.].

Технику перевозили, да. Вот старались технику перегнать, чтоб по ледоставу. Когда лёд станет, тогда ещё держит, технику перегонят туда, а потом *веснуют*, когда вот весной, да, *веснуют*.

[197 (4)]. Записано в 1998 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Александра Александровича Вебер (1936 г. р.), с. Мозговая Кежемского района Красноярского края (ЛА).

БОЯРСКИЕ ВОРОТА. Узкий проход между островами Ушкánчик и Тунгусский на реке Ангаре.

Там **Боярские ворота** называли, там волна, знаете, какá была?! Там волна с двухэтажный дом, волна была (...). **Боярские ворота**, оне в *Ершовских порогах*. Там как было? Ангара, значит, разделяла два острова, *Тунгусский остров* и *Ушкánчик остров* был. Друг от друга они недалёко были, в порогах самых стояли. И вот как Ангара оттуда, с *Закурдаёвой*, текёт, и раздваивалась надвое: правый берег и левый берег. Потом чтоб поднять судоходство (мелководье же), оне взяли вот этот левый берег Ангары, протоку эту давай пересыпать. Её пересыпали, сделали перемычку. Перемычку сделали, на тридцать сантиметров подняли эту воду правого берега, и вот тогда открыли *токо* судоходство.

[— И это и было **Боярские ворота**? — Собир.].

Боярские ворота. Но. Оне и раньше были, вечно были там-ка. Вот они вот эти **Боярские ворота** как пройдут, значит, всё! *Порог спущен* уже. Там если *токо* чуть оплошал, то всё! Там из баржи из этой *токо* одне доски вылетят (...).

[— То есть **Боярские ворота** между островом *Ушкánчик*, между этим островом и *Тунгусским островом*? — Собир.].

Но. *Мéжду ими*. Там узко место, узкий проход (...).

[— Почему называли *Боя́рские ворота*? — Собир.].

Видно, *бой* воды был сильный, что ли-то, вот и *Боя́рские воро́та*, *бой* воды был сильный.

[— Это было чуть ниже *Ершо́вой*, да? — Собир.].

Как раз против *Ершо́во*. *Счас-то* всё под водой. Там место такое было, из окон было видно, как катера проходили. Вот если сплавлять катер, шесть кило́метров — шесть минут. Шесть минут! Спуск вот этого порога был, *укло́н* был десять метров. *Вишь* како́ течение было!

[— А *укло́н-то..?* — Собир.].

Ну, вот как на гору поднимаешься, вот *укло́н* называется. Резко! Вот он идёт Ангара, вот он *укло́ном* туда спускалась по скалам по этим (...).

И вот этот *Тунгусский остров*, а там самы хоро́ши поля были, он ровный был остров, красивый. Это чтоб попасть на него, заходили на вёслах. На вёслах *до Корáблика*. Вот по берегу, значит, заходили туда, а тут эти, чтоб *на Тунгусский* попасть, а она как раз на самых порогах начинался вот этот, Ангара-то, пороги вот эти вот.

Если туда затянется лодка, то всё, это конец сразу. Туда ко́нев перевозили, технику. И вот это всё на вёслах. По три мужика на каждом весле и на руле мужик. И вот стоят на ногах и гребут. Попасть надо в протоку (два островка были: *Конский остров* был, и *Овёшник* назывался), попасть надо было в протоку вот в эту, *в* эти *Боя́рские воро́та*. Если *токо* протоку эту пронесло, не попал, всё! Конец тебе! Тебя сразу затянет в эти *пороги в Ершо́вские*, и всё, и до свидания.

И вот как в протоку в эту попали, значит, и вот тут передохнут маленько. Она вниз туда текёт, лодку-то несёт туда, и вот *сколь* там, пять-шесть минут, может, передохнут (но там уже недалёко, там метров сто пятьдесят было уже *до Тунгусского*), там перегребались, выгружали вот этих ко́нев, и всё. Вот так всю жизнь, годами было.

Потом, когда перемышку-то вот эту сделали, значит, и стали по перемышке туда перегонять (комбайны уже пошли, трактора пошли первые), стали перегонять по этой по перемышке. Потом её размыло. Сколько она не держала, держала, её размыло, и всё так, и до затопления всё ушло.

[319 (4)]. *Записано в 1982 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Ефима Иннокентьевича Зарубина (1942 г. р.), с. Ершово Усть-Илимского района Иркутской области (ЛА).*

БУКО́ШИН. *Микротопоним.* **Название острова в Кежемском районе Красноярского края.**

Тут много островов-то вокруг: *Бурна́уль*, *Букóшин*. *Матерá* у нас вот, *на той Матерóй* у нас посев был. И *Сергу́шкин*. А *Бурна́уль*, там и покóсья, и посевы. Там *на Бурна́уле* три колхоза было. Он большой остров. *Усо́льские* были, и *соколóвские*, и вот *Фро́льи*. *Фро́льи-то на Бурна́уле*. Три колхоза было раньше. У каждого свой был. И *Букóшин* тоже на три части: *усо́льские*, *соколóвские*. Правда, жили мы, там как деревня была. И *соколóвские* были избушки, и *усо́льские* были, вместе. А *фро́ловские* были *на верхней изголовé*. *Фро́ловски*. *Грань* была там. Стояли столбики — *грань* чья: *усо́льска*, *соколóвска*. Поля и покосы.

[539 (4)]. *Записано в 1997 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Нины Степановны Привалихиной (1932 г. р.), пос. Кежма Кежемского района Красноярского края (ЛА).*

У нас как заимки были по островам. *На Букóшине, Букóшин* остров. И весна и осень, всё там. Как весной увозят в апреле месяце по ледоставу ещё, перед самой плохой дорогой. Увезут, со скотом со всем народ уезжает, обрабатывает пашню, сеет, там начнется покос, и пока уборошная не пройдёт, пока зерно не приберут на складах, до самого декабря месяца, до ледоставу живут на этих заимках. Ну, у нас их не заимками называли, а на островах называли. *На Басковом* одна деревня была, *на Курейном* было три деревни: *Ерёмины, Федюнькины* и *Арапова заимка*. Но уже там, наверно, её уже и нету *счас*. А тут, говорят, уже на этих островах, вот *на Басковом* и *на Курейном*, там были, там такие были амбары хлебные, вы знаете, там такие мастера выделали всё топором, тёсанные такие, языком вылизанные вот эти брёвна, это я хорошо помню.

Вот у *Федюнькиных* у нас колхозное стадо весной паслось. Кормов уже не хватает: острова же. То не заготовят, то лето плохое, да всё. А весной по плохой дороге скота угонят туда, *молокánку* всю туда увезут, молоко там всё обрабатывали на месте. Доярок и всё это, а по двенадцать доярок было... Там, *гьт*, был такой барак, доярки в одном бараке, а там холостые бы женщины. А если кто семейными, по отдельным там избушкам были <...>. Вот они там *веснуют*, что снег начинает таять, скота начинают по острову гонять: где там проталины, где чё, *по вётоши*. Скота пасли, кормить надо было всё равно. Вот.

А там *на Букóшине* была бригада. Остров-то большой, а пахотных-то земель... Всё плугами, конями, на лошадках пахали. Ребятишки там всё жили, до декабря месяца живут. Хлеба молотили. Мама говорит, веселья, *гьт*, было больше. И я помню: как-то осенью, ну, ледостав уже, это я *ешио* не училась даже, тоже с мамой на острове жила. Куда меня девать-то было, я ж... Мы с мамой вдвоём были, она уезжат и меня... Она говорит:

— Ой, я куда поеду? Ребёнка-то оставить надо.

А ей говорят:

— Чё твой ребёнок?! Можешь вон у свекрови оставить или с собой забирай.

Шибко не чикались: поезжай на остров, и всё. Вот она меня с собой забирает. Вот она до самой глубокой осени обрабатывают зерно, молотят его, там заскирдóвано оно, уберут его снопами, заскирдуют, а потом опять эти везут на тока́, там молотят, веют, веялки. Мама-то у нас на комбайне работала. Комбайны-то они самоходные *ешио* не были, их тракторами тасками. А трактора-то работали *на буклáшках* на берёзовых. Такие *буклáшки* пилили вот так вот по десять сантиметров. И туда закладывали эти *буклáшки* — трактора так вот работали. Вот они вот таскали, эти трактора.

[540 (4)]. Записано в 2003 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Нины Вениаминовны Привалихиной (1945 г. р.), пос. Невон Усть-Илимского района Иркутской области (ЛА).

БУРЕЛОМНИК, -а, м. Собр. Бурелом (лес, поваленный бурей).

Война началась, я почту стала гонять, два лета гоняла в лодке *на гребя́ф*... У нас здесь замерзат *Илим-то счас*, а раньше не замерзал. У нас как река идёт, у нас торосá были выше дома, были такие торосá. И вот только как чуть *пропéхиват*, *ешио* лёд несёт возле берег, и садисся в лодку — и пошёл! Я два лета с весны до осени каждый день тридцать шесть километров вот *на гребя́ф*, каждый Божий день. Тогда почта не задя́рживалась. Если мы в *Бадáрме*, мы ждём с *Семáхиной*, *токо бадáрминские* приходят, мы уже эту почту берём в *Карапчáнку*. В *Карапчáнку* приплываем, *невонские* уже ждут нас <...>. Вот как почта шла: ни минуты не задя́рживалась даже. А осенью опеть, зиму — на лошадях, *вёршина*, верхом на

лошадях в сёдлах <...>. А я говорю, как руки болеть не будут?

[— А как вы на лошадях-то возили? — Собир.]

А *сумины* были, их через лошадь перевесишь, сам на седле, и день и ночь. Вот *счас* я сама себе думаю, я *щас* из дома боюсь выйти. А ведь я восемнадцать километров я ночью ездила хребтом, вот *Бадарминской* стороной, хребтом. Едешь, а канавы, тайга, такой *буреломник* — *непролезимо!* Не боялись никого даже, никого не боялись. Одна еду.

Тут один раз буран был, *сколь* лесу повалило! А это с *Карапчанки*, а мы на зимнике мы там жили, дедушка Максим с нами жил, Дуся, царство ей небёсное, жила. И от зимника десять километров в *Бадарму* съездишь, а потом приедешь — опять в *Карапчанку* восемь километров, опять же *бором* едешь. Навалило лесу, *буреломник* *непролезимый* как есть. Ой, я еду, я не знаю, как объехать кругом, ни туды ни суды нельзя, всё — сосна на сосне, сосна на сосне везде. Ну, никого не боялись, вот как-то не боялись даже. Ночь-полночь — едешь. Как почта придёт, *обседлашь* коня, почту через коня и едешь. Вот так. А *осеновали* там-ко, на *Матерой*, а *осеновали* там, ага. Там *избушечка*, *зимовьюшечка* маленький был, вот там мы и *осеновали* осень. Там *ешио* одна была со своим дедом, рыбу добывали, там *налима*, а я-то ездила уже почту гоняла (...).

Ну, мы на осень забрасывали туда продукты. На осень, пока река идёт, когда она, *шуга* эта, замёрзнет, потом уж, *от* на седьмо всегда замерзала, на седьмое ноября всегда река замерзала. Охотники уже выхоят из лесу как раз, а как раз четвёртого, этот, как он, праздник, четвёртого ноября... *Казанска* <...>. На *Казанска* мужики всегда из лесу выходили.

[568 (4)]. Записано в 1998 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Екатерины Николаевны Сизых (1927 г. р.), пос. Невон Усть-Илимского района Иркутской области (ЛА).

БУРОМ, нареч. Стремительно, резко, с большой силой, лавинообразно (о потоке воды).

А раньше наводнение было, знаешь, если *ф* идёт Ангара, она идёт, вот *оттуль*-ту её несёт, а здесь-ту *заламыват* до самого дна, воде-то некуда даяться, она и прёт в *угоры*. На бугор идёт потом.

Залявало у нас-то, залявало — о-ой, у нас чё залявало! Ой-ой-ой! Брат мой *весновал* с отцом на *Иринде*, а там тоже будто высокой *угор-то* — *через* летела вода-то, больша была *потопна*. А у них до избы оставалась косая четверть, чтобы льдина-то к *ей* не подошла да не спянула бы. А дом стоял большой, на чатыре ската большой дом стоял, там бригадами жили, сенокос — народу же много было. А *оне* ехали на лошадях с покосу, и их тут перяхватило. Перяхватило их и залило. Шла вода прямо *буром*, *буром* нясло её через *угор* и... Некуда же даяться воде-то было, она и пёрла *буром* на берега на эти. Григорий-ту, брат-ту, говорит:

— Да лучше бы я был Богом, чем пионером.

Ой, всё смеялись над нём потом.

— Лучше бы я был Богом, чем пионером.

Брат-то мой... А *оне* сидели на двухэтажном амбаре, ну, там льдины-то не пошли. Льдины-то бы тоже могли спянуть, сила-то в льдине-то ведь тоже есть. А тут-то до избы-то четверть толька не дошла льдина-то и остановилась, и вода стала сбывать потом уж. Ой, слава Бог!

Коровы, пригнали коров тут, на островах доили доярки-то, пригнали, и у них там сделано на таких на пенькях мост, и на этот мост загоняли коров, телят, чтобы сохранить-ту их.

Ой! Она как вода-то идёт-ту — страшно дак! И оне рвут, коровы-то, в Аксёновой слышно, как ревут коровы! Коровы чуют, коровы тоже чуют — неохота тонуть-то никому.

[580 (4)]. Записано в 2008 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В., Деменковой Г. С. от Натальи Васильевны Брюхановой (1927 г. р.), с. Паново Кежемского района Красноярского края (ЛА).

БЫК², -а, м. Утёс, вдающийся в реку.

Я пятьсот снопов увязывала в день. С утра до ночи. Эти снопы ставили. Десять снопов, *рюхи* называли. Вот сразу три поставишь, с той стороны два, с этой стороны два, и наверх два положишь, сверху *ешио* один ложишь, чтобы не протекало туда, *дожжж*-то. И *ешио* качество подбираем. Вот эти колоски все собираем, чтобы не было колосков. А потом всё на носилках таскаем.

У нас остров большой был. У нас *бык заткнёт*, *бык*. Вот Ангара это был *бык* названье, *шивера́* там, в *Закурдаёво*, *бык* и *шивера́* была. И вот когда *бык* заткнёт рано, и у нас внизу, нам туда на остров нельзя попасть, *токо* в лодках.

[— А *бык* — что это? — Собир.].

А *бык* — это скала. Там много тонули. Кто *незнамый*, там много утопили.

[— И вы говорите, что *бык* заткнёт Ангару рано. — Собир.].

Бык рано Ангару заткнёт, внизу-то замерзат, дальше-то, а где остров, там кругом, у нас остров, кругом пороги. В одном месте *токо* проезд был. И вот мы лодками, *ши́тики* все обледенят. И вот решили приехать с Усть-Илима, это уж Усть-Илимский район, засыпать плотину. Ну, засыпали эту плотину, по этой плотине мы года два, однако, поездили.

А чё?! Быстро, быстро, и мы как раз *тятя*, там дров столько, хорошие, *сушник*, и мы на двух лошадях поехали, там напилели, ну, длинны такие. И едем всё, и гляжу, *токо* подъезжаем, а уже за нами вынесло всё, эту плотину всю выбило. И больше не стали засыпать. Вот такое у нас мученье было.

[— Про снопы. Вы собрали снопы. Что вы дальше с ними делали? — Собир.].

Потом таскали на носилках, таскали и делали, вот как сено метают, как *зароды*. И у нас один *мушина* такой пожилой был, и он складывал. А потом по зиме это всё *сваживали на гумно́*.

И вот у нас *гумно́*, молотилка там была. И вот когда мы всё сожнём, всё это в *кляди складём*, качество подберём. А потом зимой эти ребята возят. Тройку дадут лошадей, и вот оне и везут хлеб. А сколько теряют хлеба, мучение-то какое было! Или там, на месте всё сделать. А мы *на гумне́* молотим, солому убираем. Хлеб тут, и веем и всё тут. Тяжело было.

[67 (5)]. Записано в 1982 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Екатерины Фёдоровны Банициковой (1931 г.р.), пос. Эдучанка Усть-Илимского района Иркутской области (ЛА).

БЫКО́ШИН. Микротопоним. Название острова, находящегося на реке Ангаре (Кежемский район Красноярского края).

Быко́шин-то он хлебный остров (...). Там пашня хороша была. У каждого свои *чистки* были. *Анисячья чистка*, *Степанячья чистка*, там много чисток. По дедам. Вот у нас дедушку Васильем называли, Васильева Фёдоровича *чистка* <...>. *Степанята*, Стёпка как,

а оне *Степаня́та*, но вот так. *Карпузья́та*, *Гавриловы*, *Анисья́та*, *Совья́та*. Во *Фрола́х* это.

[80 (5)]. Записано в 1989 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Екатерины Александровны Торгашиной (1932 г.р.), с. Фролово Кежемского района Красноярского края (ЛА).

На *весно́вку* ходили на **Быко́шин** остров и осенью *осенова́ть* ходили. С коровами и всяко ходили (...).

На **Быко́шине** *весновать* там хорошо, изба большая была. Кругом черёмуха цветёт, красотишша! А *вёсну* дожидáли — дак не чáяли, как дождать! (...). **Быко́шин** остров, двенадцать кило́метров был от *Усо́льцевой*. Он большой остров был. Там и *Фроло́ва*, на тем краю, была.

Как весна, *лы́вы*, и сразу гоним. Раньше же рано было всё. То в апреле угонишь, то в мае, кака́ погода. Коров гнали туда, телят. Там и пашня была, там и покосы были, и всё там было. Там дом был, большой дом. И такие небольшие дома стояли, и стряпали та́ма-ко, всё, печки ру́сски были.

И мы, девчонки, жили там, и пожилые жили. Коров доили, хлеб *лопа́тили*. Там же посева́ была. И там же хлеб травили. Бочку таку сделают, насыпят отраву, перевёртывашь, засыпа́шь. И потом как проходит посева́, нагробаешь хлеб, и всё, и возят. Работы много было.

[— А где *осенова́ли*? Тоже на **Быко́шине**? — Собир.].

На **Быко́шине**, но. Скота держали, кормили.

[— И до какого месяца? — Собир.].

Ну, пока дорога не станет.

[81 (5)]. Записано в 1981 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Матрёны Алексеевны Баницковой (1930 г.р.), с. Кеуль Усть-Илимского района Иркутской области (ЛА).

Смоляны́е ямки всё по островам были. У нас вот на **Быко́шине** были, на острову́. На *матеро́й* нельзя было. И вот у нас против *Петухо́ва* (остров *Петухо́в*) *смоляны́е ямки*, в деревне не разрешали. Смо́лу гнали и дёготь гнали. А дёготь как смятана. О-о-о! Хороший дёготь! По пять — по шесть фляг выгоняли. Ямы... Вот по *угору* идёшь — всё ямки. Смо́лу дедушка гнал, и потом дедушка Иван гнал смол.

[82 (5)]. Записано в 1998 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В.С. от Екатерины Александровны Торгашиной (1932 г.р.), с. Фролово Кежемского района Красноярского края (ЛА).

Быко́шин остров у нас, там и *весновáли*, и *осенова́ли*. Три месяца весной <...>. А *осенова́ли* всего до дороги. Сожнут хлеб, его подбярют весь и закроют его, потом эту солому подбирают, и *ешишо*, может, и останется кто там, всё подбирает, это как раз, пока дорога не встанет. А чё? Раньше-то дорога-то седьмого ноября уже дорога. Пяшком-то бяги. И вот на **Быко́шине**, *прибьяжишь токо*, вот такая водичка пробегат, ну, коров, ходили пяшком.

[— А там что, проход такой есть? — Собир.].

Но. Там мелко, и иди. *Осенова́ли*. Я *стря́пкой* как раз была, хорошо, маленьчко погода, *токо* заморозилось — уж бяги домой.

Дак раньше морозы-то были, ой-ё-ё! По пятьдесят да по шестьдесят градусов! А это *коо* морозы?! Мы вот прошлый год остались здесь *осенова́ть*, и тут же тяпло, тут рыбы,

ловушки поставили и сети, и тут же вода, и не можешь попасть. Не-е-ет, *счас* тяпло идёт. *Счас* плохо.

[83 (5)]. Записано в 1989 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Екатерины Александровны Торгашиной (1932 г.р.), с. Фролово Кежемского района Красноярского края (ЛА).

А это *на Быкóшине* всё маячило, на острову́, где мы *весновáли*. Раньше же за коровами сами бегали доярки. Кака очередь, бегут, коров-то загоняют на дойку-то. Ну а бегут, *грит*, на белой лошаде́ белый человек едет свистит. Но. *Маячило*.

Ну а *щас-то* чё, всё угнали, *щас* никого нету.

[84 (5)]. Записано в 1983 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Матрёны Алексеевны Банщиковой (1930 г.р.), с. Кеуль Усть-Илимского района Иркутской области (ЛА).

БЫСТРИНА́, -ы́, жс. Место быстрого течения на реке. Ср.: БЫ́СТЕР, БЫ́СТЕРЬ, БЫ́СТРИЦА, БЫ́СТРОТА́.

Нас отправляли *весновáть* на острова, *ко́ней* туда завозили, чтоб на посевную, чтоб не перевозить лодкой, а по льду, Ангара-то *ешио* не проходит, а там надо уже сеять, землю-то готовить под посев. И вот я пацаном был тогда, *весновáл*. Ну, кто конюхом туда (за *ко́нями*-то ухаживать надо), ага, и вот я туда. А тогда Ангара замерзать не стала: когда Братскую ГЭС-то построили, вода пошла тёплая, и самые пороги вот эти не стали замерзать (...), *Ершо́вские пороги*, и вот делали *сморо́зку*, чтоб сморозить эту протоку, *быстрину́-то*, *са́мо быстри́сто* место, чтобы возить оттуда хлеб-то, больше-то хлеб-то там, *на Тунгусском* же на острову́.

И вот делали клинья с сухого дерева большие, завозили клинья, эти клинья пускали, и берёзу туда, и ёлки в эти клинья, чтоб не уносило-то, и вот её схватывало. Сегодня вот пустили два-три клина, так, ага, за ночь сморозилось, на второй день опять едут туда, опять два-три клина пустили, опять набросали вот эти все ёлки, берёзы туда, за ночь сморозилось. И вот так плотину, как бобры, плотину делали, вот то же самое *сморо́зку*.

И вот я попал туда конюхом-то когда. Ну, чё?! Кони *в вы́гонах* загорожены, их же надо держать. Если *токо* уснёшь, кони выскочат на Ангару и все потонут (...). Лёд-то уже всё, нарушился, весна приходит, и не поймашь потом никак. Ну а чё?! Молодой, пацан, боюсь, страшно боюсь! Пацан есть пацан. Выйду там *на ни́жник*, а деревню как раз видать *с ни́жника*. Приеду на коне, слышу, там на гармошках играют молодёжь, на балалайках! Наплачусь-наплачусь *вдосы́та*. Домой же охота.

Приеду в избу в эту, *ко́ням* идти надо готовить. Пока *ко́ням* эту *завáрку заварю* там всё это, сено намочу, воды *навозю́* бочкой на коне, *в колоду* всё натолку, мукой пересыплю, накормлю лошадей. И утром опять так же. Склад этот (там склад здоровый тоже был), охранять семена надо было, чтоб кто может поджечь, это *бёглые-то*, всё говорили. А что с меня охранник, какой был? Я пацаном был. Ну, так вот было, и детства не было, и старости теперь.

Ну а потом на первое мая, ну, охота же домой попасть, ну, знашь, что там праздники, такие *ма́йские ворóта* все красивые, в лапту бегают, играют, там таки игры, *аж* вся душа у меня туда!

А уже Ангара стала, готовили, как раз *акспеди́ция* была, уже готовили створу́ Усть-Илимской ГЭС, она была, должна была здесь построиться, вот у *Кора́блика*, между *Кора́бликом* и скалой (остров *Кора́блик*, ну, он как судно, *Кора́блик*, природой создано), и вот ниже *Кора́блика* была как раз *сморо́зка*, там *акспеди́ция* работала. Бронников Василий работал, *акспеди́ция* была, царство небесное. Ага. Они там бурили, *створ* искали. И вот мне

чтоб перейти туда *весновать-то*, я по этой перемышчке ползком переползал, кругом вода эта свищет, такая *быстринá!* И вот я ползком переполз по перемышчке по этой, *по сморóзке*. И вот к ним попал туда к этим-то, и там пешком уже выше порога, сюда уже, где ба́кенщики стояли, вот сюда пешком ушёл <...>.

[— А *беглый* кто был на острове? — Собир.].

А там этот Каземир был. На острову́ жил. Вот лягу спать, закроюсь, слышу: кто-то ходит, *шарабо́рит*. Вот он ходил. А чё там?! Подвалы же были, продукты же завозили, и мясо завозили, всё это. И вот приду, пакостит и пакостит. Ну, кто пакостит? Ну, никого, кроме меня-то, нету. Потом стал прислушиваться, что ходит кто-то и всё. А потом, *гыт*, его пристрелили <...>. Поймали, вроде он точно какой-то преступник был. Скрывался. А его, оказывается, искали.

[— А вот эта *сморóзка-то*, она прямо через пороги что ли? — Собир.].

Через пороги, прямо через пороги шла. Как раз начало порога было, са́мо *быстри́сто* место, *быстринá*, начало порога, вот как раз в начале порога всё это смораживали. Вот её днём клинья пустят, вечером уже, утром приезжают, уже там пешком ходят свободно. Меньше течение бьёт и быстрее схватывает. Ну, начало течения только начиналось от порога. Вот в этом месте именно смораживали. Но искали опять место, где самое узкое такое, чтоб меньше смораживать-то было. И вот *по ей* успевали всё завозить *на весно́вку*.

[— А сколько примерно метров? — Собир.].

А метров сто пятьдесят, наверно, если не больше, смораживали там. Вот эту *сморóзку* делали. И возили всё туда конями вот это, дерево, вот эти берёза, осина, ну, всё, что там есть, всё туда бросали.

[197 (5)]. Записано в 1984 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Ефима Иннокентьевича Зарубина (1942 г.р.), с. Еришово Усть-Илимского района Иркутской области (ЛА).

ВА́ТНИЦА, -ы, ж. То же, что **ВА́ТНИК**. Ср.: **ВАТНИ́ЦА**.

Весновáли. *Ка́рбаз* был, ни катеров, *ничё* не было. Пахали. Здесь вспахали, надо на О́ну везти. Кого? А *ка́рбаз*, вот знаете, вёсла-то там, знаете, какие у *ка́рбаза*? <...>. И вот меня однуё, ну, туда-то переехали, ещё лошадей, бороны, плуги перевозили, в ночь, чтоб день не пропал. В ночь, как с пахоты́, лошадей ставят и — в ночь. И вот перевёз туда, дождик идёт весной, тёплый такой, а это *счас* всё, а раньше же не было, фуфайчонку, *ва́тница* вся в заплатках, работали, никто не осуждал. И обратно. Ну-ка *по Лиственнишному* погребки-ка. Ну, заходишь-то как. Один человек на корме стоит, а Фроська-дурочка гребёт этимя по этому... Со мной здороваются, *грит*:

— Но, Ефросинья Ивановна, руки-то разработаны.

Я говорю:

— Ну а как? Он весло-то, может, десять — пятнадцать, поподнимай-ка, да надо ещё её, *ка́рбаз*-то двинуть, вёсла погрести.

[412 (5)]. Записано в 1984 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Евдокии Петровны Зарубиной (1927 г.р.), д. Е́дорма Усть-Илимского района Иркутской области (ЛА).

ВЕРЕ́ТЁЙ, -я, м. Возвышенное место; бугор. Ср.: **ВЕРЕ́ТЬЕ**.

Я двенадцати годочков пошла на работу. На покосы подбирать гоняли нас, как *ра́не* косили траву-то, вот, покосы подбিরали. Потом хлеб пололи, гоняли нас, а потом уж и наряду с большими.

[— Покосы подбিরали — это как? — Собир.].

Ну, палки на покосе нанесёт, весной-ту нанесёт, *вода-то большá*, а нанесёт на это, набьёт палок да всяких хламов. Вот нас и отправляют потом подбирать, убирать, покос чтобы чистый был косить-то.

[— Вода такая большая поднималась? — Собир.].

Больша. Больша вода поднималась. Покосы топило все, острова.

[— А покосы были на островах? — Собир.].

На островах. А тут у нас *от* прямо *Недокуры* остров.

[— А название у него какое? — Собир.].

Пáхотна. *Ешио Дёдушков* там назывался. Он остров один. Один он остров, но название, он тут пониже *Пáхотного*, там были *верётейки* такі, между ними вода заходила весной, а называли *Дёдушков*, *Дёдушков* покос. Покосы, поля были там, бугры, *веретей*.

[— Говорите, *веретей*? — Собир.].

Веретей — это повыше, повыше такая земля-то эта повыше, ну, такі были *веретки*, вот такие, но небольшие и неширокие *шибко*, а такие повыше как они были, а сюды пониже вода заходила.

[— *Веретей* он как бугор? — Собир.].

Ну.

[— А поля как назывались? — Собир.].

Поля? У нас в *Недокуре* были: в *Шемикиче* назывался, *Больша Елань* — это поле большое.

[— А что такое в *Шемикиче*? — Собир.].

Там рúчей, рúчей такой бежит, вот он назывался *Кипучий*, а это *Шемикич* назвали.

[— *Кипучий рúчей*, это место, где течёт, назвали *Шемикич*? — Собир.].

Но. *Шемикич*.

[252 (6)]. Записано в 1987 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Екатерины Ипполитовны Ивановой (1922 г.р.), с. Недокуры Кежемского района Красноярского края (ЛА).

ВЕРХ, -а, м. 8. Перен. Превосходство, преимущество.

Свекровь у меня, Галя, была немка, она честная была, сурьёзная. Немцы были у нас, оне сослáтые были на Ангару. Вот я выстираюсь, она пройдёт от начала верёвки до конца, нету ли где *на лопотине пятёнушка*. Вот чего было. Я всё стерпела. Мало что через мужа терпела, и её терпела... Саша сказал:

— С мамой, Нина, даже ни разу *не расчинáйся* ругаться. *Верх* всё равно будет её.

Всё! Я — как отрезало. Я сначала-то как будто себя защищать начала, но всё, я потом уже всё, молчала. Всегда: «мама, мама, мама». Он сказал, что у нас мамами зовут, не мамашей, как раньше у нас в Панóво мамашами звали свекровь. У нас мамами не звались, мамаша. А он сказал:

— У нас, Нина, мамой зовут.

И я:

— Мама, мама, мама, мама.

А мне вот эта Нина соседка говорит:

— А на какой собачий у тебя мама?! У каждого слова... — *осужала*, что мне и трудная жизнь, а я всё равно: «мама, мама, мама».

Всё *под её глазом было*. Её *верх*. Как она сказала, так и будет. Много лет все деньги отдавали, все, Саша и я, всё ей, она руководила. У них поверье такое. А потом уже, когда они *постáре* стали, так стали уже давать.

[— А бабушка, мать свекрови, тоже такая же строгая была? — Собир.]

Строгая, строгая была, строгая, но как-то она меня полюбила. Она сильно Сашу любила, и она меня полюбила, ничего, что немка она, а вот полюбила как-то меня. А эта-то — страшно, никаких выходных. Как воскресенье подходит, так работа: надо готовить, котлеты вертеть, то-друго. Люди-то в воскресенье-то отдыхают немножко, у ней работа: вот это, это, это.

Хлеб везть надо, хлеб навезать надо, на мельницу везти. Всё время как выходной, так работы — *выше верхушки*. Я один раз даже решила сказать, говорю:

— Мама...

Она *гыт*:

— Нина, в *запáрнике* старая заварка, — она говорит мне.

Я говорю:

— Мама, — она уже болела, — дак заварку-то уже легко сделать-то! Заполосни ты, вымой *запáрник* сама.

— Вон как ты ещё умеешь!

Ей *вдивовéжь*, что я вот так сказала, первый раз в упрёк. Осмелилась ей сказать, что это лёгкая работа-то, можно без меня сделать. Сильно требовательная была, жутко дело! (...). И не отдыхала. У меня ночь всю ребёнок сосёт, я по многу лет *сосíла*, до трёх лет ребёнка *сосíла* грудью. Так у меня Андрюша последний был, дак ему сразу две вылаживаю груди. Он-то *обмúслит* одну, надо сухую. Эту *поёт*, эта *подбыгáла* маленько, надо опять к этой. Дак забивал, прямо забивал! И я в четыре поднималась, ехала доить коров. Я всё тебе, *родной*, правду рассказываю <...>.

И в четыре я, почти что не спавши, ехала на дойку. И в обморок падала. Это же надо *выдюжить!* Весь денёк в работе. *Весновáли на Курéйном* на острову, там и коровы были стадо. У нас по двадцать две было коровы у каждой доярки. Нас было двенадцать доярок, вот, и *от* отдоим (вручную доили-то), отдоим, и две реки: *Курéйская река* и *Домашняя река* (наша *Домашняя* вот сюда, а туда *Курéйская* далёко), и мы гребли на вёслах две реки. Двадцать две коровы отдоили рукам, две реки гребли вёслам. Когда приезжала весной, я копала лопатой грядки все. Я там *весновáла* — здесь никто не делалось, здесь надо огород посадить. Ой, *родíмы матери!* <...>.

А тут навалились клопы, и я уксусом их стала прижигать, чтобы ребёнка ночью не ели, клопы по стенам, и вот эти клопы я уксусом мазала и все руки обожгла себе. У меня пузырь на пузыре был. Мне свекровь не сказала:

— Нина, пока пузыри, можно заменить тебя там.

Она говорит:

— Я с тобой буду ездить и помогать тебе, доить будем, коров не бросим.

Ездила разá три. Потом уже как будто стали подживать руки-то у меня от пузырей-то. Двадцать две коровы отдоить надо руками... Вишь, всё изработано же. В трудну семью попала... Строгость у них была.

Они же чистоплотные. У моёй у свекрови-то было двое детей, два мальчика, Кáрла и Саша. Так вот этот Кáрла-то, он восемнадцать лет учился. Он очень грамотный. А Саша мой комбайнёр и киномеханик. Дак вот этот Кáрла-то, вот уж серьёзный дак серьёзный. Вот уж любит работу-то, не могу даже высказать, как любит работу. *От* такой серьёзный муж, сурьёзный, грамотный страшно. Всё, говорит, надо обдуманно, *акономия*. *Акономысты*, спасу нет, Галя, *акономысты*! Всё как есть, чтобы ничё не пропало, всё подогреть, десять раз суп подогреть, всё, чтобы ничё не пропало. Страшные *акономысты*.

[— Гостеприимные? — Собир.].

Нет. У них этого нету. Этого нету у них, чтобы, но, мол, давайте чай пить или кого, — нету у них этого. Если человека *взлюбят*, так выйдут из комнаты к нему. А если *токо* не по ним человек пришёл, всё, гулянка будет — чаем поить совсем не выйдет, пока люди не уйдут (...).

Свекровина мать, Сашина бабушка, она мне говорит:

— Вот придёт Ёфа, — тоже немка, — и будет чего разговаривать, ты *никогда с ей* не соглашайся, всё время говори: «Нет, и нет, и нет». На любое предложение «нет и нет».

Да. Вот так вот. И Саша мой всё время идёт против каждого, *баушкино впáло* в него, в кров попало. Вот что бы ни сказала — всё против, против, всё переворачиват против. И я уже молчу. А так жизни нет, если не молчать. Я много раз, Галя, просила Господа Бога, чтобы терпения мне дал, чтобы всё это дотерпеть, много раз. Что бы я ни сказала — всё по-другому, по его чтоб было. Немцы — другая нация: всё против.

[345 (6)]. Записано в 1989 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Нины Васильевны Гафнер (1937 г.р.), с. Паново Кежемского района Красноярского края (ЛА).

ВЕСНОВА́НЬЕ, -я, ср. 1. Длительное проживание на острове в весенний период, связанное с сезонной работой (пахота, сев зерновых, молотьба). Ср.: ВЕСНО́ВКА во 2-м знач., ВЕСНУ́ШКА.

Мне было двенадцать лет, я пошла уже работать. Работала, вязали снопы, *за жнёйкой* бегали. День вязали, а ночью мы их *скирдовáли*, снопы *в скирды* таскали на себе. И постоянно я по островáм *на весновáнье*. Я дома мало жила. Подходит весна, меня — *на весновáнье*. А *весновáли-то* на островах: *на Букóшине* на острову́, *на Бурна́уле* на острову́, *на матерóй* тоже *весновáли* (...).

На плугу́ стояла и всяко. Вот дадут, бывало, пять килограмм овсяной муки. Просеял её, там чё, там совсем немножечко. Стряпали оладди, на воде завели, настряпали, поели. А чё там макать-то?! Нас четверо, да мать пятая, и дед шестой — и так и жили. Не разувались, не раздевались, вши заедали. Домой-то не пускали помыться. Были же уполномоченны. И этот уполномоченный один раз в субботу взял ведро, а у нас бани были *по угóру*, и давай заляввать эти бани. Старики уже дряхлые и маленькие пацанята, которые не могли работать, — оне бани топили. Ждут с работы, что приедут там родители — помоются. А он взял и давай заляввать.

[— Зачем? — Собир.].

Залил все бани, не давал, чтоб ехали с островов, надо, чтоб работали. И так работали день и ночь. Мужиков у нас совсем было мало. Вся работа была на ребятишках да на женщишинах и на стариках. А он и давай баню заляввать, бегал. И дошёл до нашего огорода. И у нас в огороде мой *братанник* сидел, морковку обреза́л. А мать у него *на весновáнье* на

острову работала, в барабан подавала снопы. А брат мой старший работал мотористом. И чё-то у них сломалось, и он приехал в кузницу. Брат приехал в кузницу. И вот это при нём было: бани заливал, потом до этого до пацана дошёл, пацана с огорода выгнал, ножик отобрал у него.

Ну и брат когда сделал это, и поехал обратно туда на остров. Приехал и сказал матери. Мать бросила работу, приехала домой. А у неё один-единственный сын. Приехала домой. А он, знаете, эту женщиину поставил впереди себя и командует:

— Марш в колхозную контору!

Привалихина Аксинья Михайловна была (она *счас* покойная, и сын у неё покойный), погнал её в колхозную контору, командует ей. Я говорю, над нами тогда, я *грю*, издевались. Не давали ни раздеться, ни помыться. Вши заедали. Я *грю*, пойдёшь если *ф* попыскать — рявут:

— Скорее!

Я говорю, мучали нас не знаю как. Я *грю*, я детства не видела. С двенадцати лет как начала *волóхать*, и до *сех* пор.

[545 (6)]. Записано в 1999 году Галиной Витальевной Медведевой от Нины Степановны Привалихиной (1932 г.р.), пос. Кежма Кежемского района Иркутской области (ЛА).

ВЕСНОВА́ТЬ, -нóю, -нóешь; *несов., неперех.* 1. **Жить на острове в связи с выполнением сезонной работы (пахота, сев зерновых, молотьба, заготовка дров).**

Там у нас у каждого названия, *чíстки* были: *Петряна́ чíстка*, *Еришóва чíстка* там... *чíстки* назывались.

[— Ещё какие *чíстки*? — Собир.]

Силóхины там *чíстки* есть, *Парфёновы* там есть, такая, потом *Киселёва*, *Полио́новских*, — вот дедушка мой *Полион*, — *Полио́новски* там...

<...> Раньше нас на острова перевозили [зерновые сеять. — Г.В. А.-М.]. Вот *на Сосновый*, там сто гектар, а — по льду. Ангара стоит, значит, — туда зерно завозим (там амбары есть), завозят туда всё, лошадей туда перегоняют <...>, перевозят всё это по льду и переезжают... *Пахаря́* <...>, и все. И там, значит, *веснóют*, пока Ангара... Она проходила где-то в мае, числа, может, десятого мая *токо* речка вперёд проходила [ледоход на реках, впадающих в реку Ангару, начинался раньше, чем на реке Ангаре. — Г.В. А.-М.], вот эта *Тушáма* проходила, а там Ангара стояла <...>. Вот и на островах — более-менее быстрее там это, и земля сохнет, она песчаная там.

[548 (6)]. Записано в 1993 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Григория Васильевича Еманова (1930 г.р.), с. Тушамы Усть-Илимского района Иркутской области (ЛА).

Там *избушки*, на острову-то, да, *весновáли*. Мы туда муку завозим, всё. Настряпаем и там *веснóем*, пока не посеём хлеб, пока река не пройдёт (...).

На острову жили *весновáли*, зерно мололи, дрова заготовливали. А потом мама всё (уже последний год войны), мама всё (у нас совсем голод был, совсем *исть* нечего было), мама всё поменяла в *Седáнову* вот в эту. В *Седáновой* урожай был. *К имя́м* ездили. А не все же честны были. *Оммáнывали* которы. Привезёшь зерно, а там наполовину льда. Вот оттаешь да на печке высушишь, а потом на мельницу *ташиишь*.

А на мельницу тоже надо три километра идти, чтоб смолоть этот хлеб. Мы же на острову жили, *река-то портилась* рано, а хлеб-то не успевали, и на сани нагрузишь (на лошадях

уже ездить нельзя было, запретили), на сани нагрузишь, и по три-четыре человека в сани запрягася и ташишь вот эти три километра. Там вытаскашь хлеб, оттуда стаскашь опять мешки (*тогда* же кулей не было, в мешках, *портяние* тканые мешки были), на сани, и опять *вобратно* ташишь домой. Пока потом река *распалится*, пока эти берега очистятся. На лодке же не можно будет ехать. Вот так жили.

Нам всех труднее было жить на острову. *Аникина* деревня на острову же: всё надо было на себе, всё на себе. Дрова тоже пилить пойдёшь — эти *забереги-то*, лёд-то выломатся, — вот спустился, вот так перебрёдёшь, на лёд вылезешь, отождёшь эти свои *портянтишки-то* и бежишь восемьсот метров. Там прибежишь, спустился, перебрёдёшь, и потом в лес, и костёр разожжёшь, подсушишься да и весь день пилишь опять. Месяц апрель. Холодно! А река-то не ждёт! Вот мы на острове кто жил, *весновал*, нам всех труднее было.

Какой же год-то был?.. Чё-то забыла уж, в каком году-то, не успели мы пораньше на заимку-то перебраться. В апреле месяце уже уезжашь из дома, и всё. Ну, вот переташились сюды, здесь перевезли нас на лодке через *заберегу-то*. Туда мы на *нарточках* приташили свои шмутки-то, хлеб-то да всё, да продукты-то. Одних перевезли, а остальные остались *ешио* на берегу, и реку — раз! — разорвало и понесло. Оне на льду остались. Но их потом уже, ниже туда деревни-то, на лодке забрали, перевезли.

Трудно было нам, нам на нашем... в нашей деревне жить. С заимки приедешь вечером поздно, надо всё это, плуги, всё надо туды на остров перевезти, *кода* закончишь тут пахоту-то всё-то. И вот и всю ночь и грузишься, возишь лошадей, да плуги, да бороны, да всё. Никаких ни вечеринок и никакого *весельства* не было: некогда было веселиться и вечеринки устраивать.

[— А *весновали*?.. Это *весновка* в каком месяце? В апреле? — Собир.].

Апрель, май. Ну, к пахоте. Уедешь и живёшь там.

[— И там заимка была, один дом стоял, да? — Собир.].

Два.

[— Два дома стояло. А как вы говорили? *Заходёйка*? — Собир.].

Но. Но у нас здесь не было. Это в *Седановой*.

[— В *Седановской* *заходёйка*? — Собир.].

Да, да! Это *седановские* такие. А у нас не было. У нас *Павлова Елань* была, *заимка*, и *Новая заимка*. А там весь лето живёшь. Пока посеешь, а потом вырастет — полешь ходишь, а потом покос начнётся, а потом уже *жнитво* подойдёт — жнёшь. А потом надо всё измолотить и всё сдать государству.

[549 (6)]. Записано в 1981 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. г. от Татьяны Васильевны Ведерниковой (1921 г.р.), с. Подъеланка Усть-Илимского района Иркутской области (ЛА).

ВЕСНÓВКА, -и, ж.

2. Длительное пребывание на острове в весенний период, связанное с выполнением сезонной работы (пахота, сев зерновых, молотьба). Ср.: ВЕСНОВА́НЬЕ в 1-м знач., ВЕСНУ́ШКА.

И хлеб сеяли, ездили так сразу весной, река *распалится* когда, и ездили там, и сеяли хлеб всё. На этом, на *Сосновом*, на острову, когда пройдёт, на *Сосновом*, там *весновка*, вот там *весновали*. Там оставались с конями, *весновали* там, пахали поля, на *излёт-то* вниз, там пахали, *весновали* там <...>.

[— Это ж надо всё туда перевезти. — Слуш.].

Но а чё, на коня, а чё, конями-то чё там? По льду перевозят туда, и всё. На конях всё, подъёмные плуги вот эти все. Но вот там это *весновка*. Там дом был, и вот народ там вот

эти, что на посевну, оне там *весновáли*. Хлеб сеяли, вручную же хлеб сеяли. Пахали сохами. Колхозы стали, стали плуги делать, сеялки.

[556 (6)]. *Записано в 1999 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Кристины Васильевны Сизых (1929 г.р.), проживающей в с. Кеуль Усть-Илимского района Иркутской области (ЛА).*

[— А вот нам рассказывали, говорили, *весновáли*, были на островах... **Весно́вка** — это что? — Собир.].

Весно́вка, ну, там, когда нас... на остров сеять ездим, мы там и живём, на острову́, домой уже не ездим. Река, покамест река не пройдёт. Ну, там готовим пашню, потом начинам сеять. Ну а *коды* река прошла, к нам едет уж председатель колхоза, бригадир ли:

— *Сколь* вы там посеяли?

Ну, у нас там жил человек, *групповод быдто* был, он самый старший был, над нам руководил.

[— И когда вы возвращались? — Собир.].

Ну, может быть, как посеем на острову́, через месяц — через полмесяца так. Ну, вот у нас было один год, как войне кончиться, мы девятого мая посевну закончили. Девятого мая мы посевну закончили, в сорок пятым году. Как погода.

[557 (6)]. *Записано в 1999 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Владимира Степановича Привалихина (1931 г.р.), пос. Кежда Кежемского района Красноярского края (ЛА).*

ВЕСНУ́ШКА, -и, ж. Длительное проживание на острове в весенний период, связанное с сезонной работой (пахота, сев зерновых, молотьба). Ср.: **ВЕСНОВА́НЬЕ** в 1-м знач., **ВЕСНО́ВКА** во 2-м знач.

На весну́шку ездили на острова. Кóней туды забросят, река пойдёт, и всё — и борони, и паши, сей... А кóней по́ льду *ешио* заводили, и семена по́ льду завозили, и всё. На санях. Там жили. Там *амба́рья* были, там *избушки* были, всё. Хлеба там напекут, всё, продукты возьмёшь, и всё, там живёшь, *покуль* река не пройдёт. А другой раз река-то пойдёт еслиф, где *залóмит-то* её, дак а вода-то распират, и всё, топит острова-то. Боялися.

[— Если реку *залóмит*, да? — Собир.].

А *потома-ка* вода-то подыматся, острова-то затопят.

[— А вы как там на островах? — Собир.].

А мы на этом, *тама-ка* высоко, нас-то не затопят, *избушки-то*. А поля-то низкие — затопят. *Сенно́й* тоже низкий, *Сосно́вый* низкий. Затопляло. Даже лёд шёл по полям. Потом рубили, чтоб скорé всё таяло. А река-то шла?! Как лёд её пихнёт, так, *христо́вы мои родные*, окошки в избе *говором говорят!* *Ажно* всё — у-у-у! О-о-о! Ангара пошла! А гудит-то как, ох ты, *белый свет!* А лёд-то ворочит! У-у-у! На речку вся *Туша́ма* бегат:

— О-о-о! Ангара пошла! О-о-о, Ангара пошла!

[— Говорят, бани уносило? Бани уносило? — Собир.].

Это *на низу́* где-то. *Низовскíх*, так и надо их, уродов! А у нас баня высоко стоит.

[— Ну, у вас не топило? — Собир.].

Топило. До бани, *до угóру* дойдёт, а в огороде-то нигде не было, *никода*.

[— А речка *Туша́ма* разливалась? — Собир.].

Да, тоже крепко идёт.

[— Когда ледоход-то идёт, в каком месяце? — Собир.].

В мае. Ну, первого мая посевная у нас уж всюю идёт. На своей стороне, сеют, боронют, пашут. Как Ангара пройдёт — так пошёл, так сеют.

[— Как поля вот эти очистятся, да? — Собир.].

Да, воды-то не зальёт, дак поля-то сухие. *Токо* их пропихат — паши, борони.

[— А продукты вы туда тоже запасали, да? — Собир.].

Всё завозили. У нас две реки да *ешио* проточки. Куда там...

[— А по многу человек *на веснушку* уезжало? — Собир.].

По многу. Человек по десять. Звеновод сам там, конюхи два, а тут рабочие, два *сэяльишика*. Сто четыре гектара, надо их обработать. *Христова же земля! Счас всё запустили*. Ой, какой хлеб рожался, ой-ё-ёй! А стряпаться-то, *счас* бы эту *крупчатку* не надо. Там же песчаная земля, хорошая. У нас золотые острова! Всё жалко, всё жалко. У нас хорошие места в *Тушаме*.

[573 (6)]. Записано в 1985 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Анны Сергеевны Карнауховой (1921 г.р.), с. Кеуль Усть-Илимского района Иркутской области (ЛА).

На веснушку <...> и детей с собой брали. <...> *На Петухове* [название острова. — Г.В. А.-М.] *веснуем*. И вот мы идём, детей *бярём* <...>. До войны *ешио* там ездили, сеяли всё. С ним [с мужем. — Г.В. А.-М.]. Он на плугу, я на бороне. Была в положении Галей. И вот он поедет, меня подсодит на лошадь-то, и я к избушке еду обедать. Варим там. Посменно варим. Вот *сэдня* моя очередь, завтра *друга* варит. Там не один плуг пашет. Надо же плугом-то много пахать там (...).

Уезжаем — там уж последня путь. Уезжашь — знашь уж: река чёрная, лёд чёрна. О-о-о! Мы переезжаем туда, всё. И завозим там бороны, плуги, всё туда завозим.

[574 (6)]. Записано в 1985 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Марии Иннокентьевны Сибиряковой (1921 г.р.), с. Тушамы Усть-Илимского района Иркутской области (ЛА).

ВЗАМЕСТО, предлог с род. п. **Вместо**.

В деревне бабушка была, тётя Таня в *Усольцевой*, она *баушничала*, все к ей ходили. Если хватит — её там зовут. Раньше бывало, и во дворе рожали. Я вот Ваську во дворе почти родила, телятницей там была, и пришла кое-как домой, меня на работу дожидают — а у меня Васька уж родился... Двадцать второго апреля, ну... Надо на остров гнать, туда ехать уже *весновать*, всё, а у меня Васька родился. Я на другой день *на весновку* уехала <...>.

[— Что давали ребёнку маленькому? — Собир.].

А кого давали? Кусок *начавкаем* — *чавканину* этой, хлеба да и с солью (сахара-то не было же), с солью, и дадим ему в марлечке, ну, хлеба с солью дадим в марлечке да и дадим ему, он чмокат-чмокат — этим наестся. Ну, эти-то *ешио* лучше, и хоть *чичас*, другой раз эти, которы стары-то старухи-то *ешио* дают *чавканину*, чтобы хлебом наелся он, а так-то *коо* эти всяки там смеси-то.

А раньше чё?! Гоняли на работу-то, старухи-то останутся. У нас мама была, на остров угонят, даже с острова не велели домой ехать, парнишка, *эвот* Шура у нас был маленький, а *баушка* ему даст молочка, в рожок нальёт (нынче-то бутылочки всяки, а тогда-то рог от коровы очистят тама-ка и титьку натянут коровью же), в этот рожочек налейте молочка, он сосёт *взаместо* титьки, ребёнок-то, в рожке-то в этом, пососёт, да и потом дадут *чавканинку* ему в марлечке или там в тряпичке, да и он сосёт и уснёт, вот и всё.

[125 (7)]. Записано в 1984 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Анны Алексеевны Усольцевой (1935 г.р.), с. Паново Кежемского района Красноярского края (ЛА).

ВЛÁЖИВАТЬСЯ, -аюсь, -аешься; *несов.* **Укладываться в срок, выполнять работу в указанное время.**

Вот у меня отца тоже, репрессировали его, пять лет тюрьмы дали. А за что? Дак *тогда* вот в тридцать третьем году, я как раз родился в тот год, а пашня была на острову, вот *на Куренном*, осенью, ноябрь месяц, понесло *шугу*, а им дали там хлеб сдать государству. Он не успел, надо было *влáживаться* в срок, а он не успел. По льду куда он поедет? Там на

лодке *затрёт* его. Осталось там два центра, не сдал он. Река встала, лёд. Там пошли эти *активисты*, нашли хлеб. Ну а чё?! Хлеб был в амбаре сложенный: река встанет, дорога будет — привёз бы. И всё! Посчитали, спекулянт, хлебом будет спекулировать, продавать. Пять лет дали. Пришёл слепой *оттудова*. Строил Комсомольск-на-Амуре, комсомолец... Ни за что людей увозили да раскулачивали, отобирали всё (...). В тридцать третьем году. Я трёх дней остался от него, только родился, три дня было.

[— А до войны он уже пришёл? — Собир.]

Ну, пришёл он в тридцать седьмом, четыре года просидел — слепого-то держать *коо* его? Бесполезно. Его *сактировали*, отпустили, привязли — слепой-то чё он? Вот и ходили потом дрова пилили *с нём*. Я водил, а он пилил.

[— Он совсем не видел? — Собир.]

Совсем ничё не видел.

[408 (7)]. Записано в 2008 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Григория Ивановича Савватеева (1933 г. р.), с. Паново Кежемского района Красноярского края.

ВМЕСТЯХ, нареч. **Вместе**.

Мне двенадцать лет было, я уже *осеновать* поехала в *Мозговую*, молотить. А пололи мы уже с девяти лет, пололи, поля пололи, вот этот *колёжник* пололи на полях. Мы уехали в эту, *отсюдова* когда едешь, да называется Половинный, между *Мозговой* и *Кежмой*, там жили немцы, одне чистые немцы. Оне там всё выращивали её там, между *Мозговой* и *Кежмой*, Половинной называлась, там двенадцать километров.

А у нас *Марушкова Елань* была в *Мозговой*. Мы без взрослого. Сейчас без взрослого без человека *рази* отправишь? Они *ничё* не сделают. А на нас надеялись. И мы делали. Лошадёнка была, на лошадёнке ездили вот туда на Ангару за шесть километров по воду, парнишки. А мы пололи хлеб. Взрослого никого у нас там не было. Мы там пололи. **Вместях** жили, и ничего плохого не было. С утра рано утром встанешь, с утра и полешь. Этот *колёжник* на руку ложишь, потом его на межу. А *ись* хочется. А там буераки, там же, в *Мозговой*, поля, там чисто *на лбу*, а здесь, когда *сама* деревня *Мозговá*, в *Кежму* едешь, там этот год у нас здесь в чаще тоже буераки. Вот так поля ямами, буерак называется, он и в книге пишется. Не овраг, овраг вот, а это буерак, вроде ямки какй, ямами. Не то что маленькие оне, оне неглубокие, но всё равно неровная поверхность там, а пололи.

И вот там я, ой, *ись* охота, но голодная же, там голодная, что брать-то с собой, а на неделю? Ну и попололи, обедать пошли, я в этот буерак пошла *пучек* порвать. И вот мы здесь покосы подбирали и *пучки* рвём, *ташим* домой. Нарезали их... Вы *счас* будете её, *пучку*, есть, вон, *боришóвник*, *пучка* сама? Нарвёшь её, посолишь, в чашку похлебашь без хлеба, да и опять на работу. Вот так, вот эту зелень. А *колóда* большая, не знай, листовница. А трава же высокая в июне-то, ну, в июне же, в июне пололи, до сенокоса ещё пололи. Только руку-то *на колóду* положила, а там змея лежит. Ой, я как заревела! И бросила эти *пучки*, всё, и побежала. Избушка там, мы **вместях** жили в избушке. *От* вечером ложимся, девчонки-то, пацаны на одне нары, мы на вторы, два окошечка было. Вот оне:

— Ой, медведь идёт! — пугают нас. — Медведь идёт! Медведь идёт!

Мы боимся. Дружно жили. Одне ребяташки. Война!

[423 (7)]. Записано в 1981 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Екатерины Ивановны Сизых (1922 г. р.), с. Кеуль Усть-Илимского района Иркутской области (ИА).

ВОДА. ***ВЫСОКАЯ ВОДА**. Половодье. Ср.: ***БОЛЬШАЯ ВОДА**, ***ВЕШНЯЯ ВОДА**, ***ВОДА В ПРИБЫЛЁ**, ***ДУРНАЯ ВОДА**, ***МАТЁРАЯ ВОДА**, ***ПОЛАЯ ВОДА**.

По островам же жили, бригады по островам жили. Там, где-то пониже, лёд, затор сделается, перекроет, как пойдёт вода, как пойдёт вода, как понесёт всех! Спасали скота и, и всё, и избушки сносит, и людей. *Парёниха* залезла на крышу, её понесло вместе с домом. Но сильно спасали скота. В это время *высокая вода́*, заливало острова все. Остров зальёт водой... Готовились к этому времени. Загон такой был на высоком месте. В этот загон собирали скот. И мама меня отправила искать:

— Иди, *Черну́ху* ишиши, скоро будет *потóпа*, ишиши её, гони домой.

Я пошла, найти не могла её. Ну, готовились, чтобы внезапно не пришла вода. Ничё, потом научились эти заторы убирать. У нас такие тут горы *натóркает* льда на́ берег, что воды не достанешь. Так сильно было! Прёт же! Напирает с одного места и на другое давит.

Это нынче *счас* не стало, как вот ГЭС поставили, <...>, всё, никакой, никаких заторов.

[469 (7)]. *Записано в 2008 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В., Деменковой Г.С., Матюшиной М.А., Соловьёвой М.Р. от Зинаиды Ивановны Плаутиной (1936 г. р.), с. Паново Кежемского района Красноярского края.*

ВОДИТЬ. *ВОДИТЬ ЛОДКУ. Доставлять груз на лодке.

Вот лодку он [муж. — Г. В. А.-М.] мне делал. Семена плавил на острова. На островах же жили-то. А на островах сеяли хлеб. Вот он делал лодку. И вот я в этой лодке, кулей по восемь мешков (мешки-то, знаете, какие, мешки-кули с мукой, и вот я кулей по восемь... с напарницей плавали, семена плавил), и кулей по восемь ложили, и мы *водили лóдку*.

И на себе носили к сёялкам, вытасковали эти лодки, *вёсла* были, кормовое вёсло было. *Вёсла* были. Это он всё сам делал, он всё. *Брундучку* сам делал. Он не одну делал, он много *бурундучек-то* делал, продали тоже сколько их. Она лё-о-о-гка! Лёгка, хороша, лёгонька! На них же всё ездили, *на бурундучках*, работали, катеров не было, *никоо*. *Никоо*, моторов не было. И семена возили, коров ездили доили на остров. Увезут коров на остров, приязжали, коров доили.

[493 (7)]. *Записано в 1997 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Клавдии Михеевны Жмуровой (1929 г. р.), с. Кеуль Усть-Илимского района Иркутской области (ЛА).*

ВОЖЖИ. *НА ВОЖЖАХ ХОДИТЬ. Держать вожжи в руках, идя следом за лошастью.

[— А Вы как со своей невестой познакомились? — Собир.]

О-о-о, да я-то... кого это *ешио*... это вот в советско время. Некогда было. Кого? Тогда работали до потери сознания. В пятидесятом на тракторе на прицепе там уже был сутками. Сутками работали. Дали трактор новый, начали, дак мы трое суток без смены работали, и то *ешио* это остановили: на третьи сутки-то он сломался, плуг, наехали на камень. На поле камень — сломался, и то хотели ещё в простой поставить трактор, в счёт...

Некогда было. Да и в летнее время, *кода он* на острову́ работаешь, отгудова не убежишь ведь: на лодке, на лодке переехать там на вёслах, это не *счас* — моторная лодка там — сел да поехал. А *тода* надо грести, два километра примерно ширина реки, грести надо, да обратно, да на работу <...>. Раз поездили, два дня в субботу, в воскресенье, в субботу в баню сюда.

Тут вечером побегали, вечер, ночь, назавтра утром-то надо *к солнцевсходу* на работу. Переехали. Поехали боронить. А боронить — ещё не пускали садиться на лошадь, пяшком ходили за лошастью, за бороной, *на вожжях ходили*, под боро́ну падали. Я под боро́ну упал, на ходу уснул. Две ночи не спал, дак на ходу уснул, упал.

— Давай, давай, — говорю напарнику своёму, — поставим, — я говорю, — выпрягем да уснём маленько.

Выпрягли этих лошадей, поставили, а там ехали шпана, тоже наши же с дальнего там участка, мимо ехали да увидали, что лошади-то стоят, взяли да перевели. А мы проснулись, проснулись, а лошадей-то нету. Давай лошадей искать в соседнем леске, там в *кóлке* нашли их. А те подшутили над нами.

[— В войну трудно было, а всё равно веселились и шутили. — Собир.].

Но дак... Даки люди, конечно... шутки, шутки всегда будут. Как бы ни жил, а шутки-то будут приниматься, *легше* жить с ними, как говорится. Опустить голову-то, как жизнь-то эта, *ещишо* хуже будет житьё, не будешь шутить, веселиться.

[565 (7)]. *Записано в 2008 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Григория Ивановича Савватеева (1933 г. р.), с. Паново Кежемского района Красноярского края.*

ВОЛОСЯ́НКИ, -нок, мн.

2. Рукавицы из конского волоса, применяемые для работы в сырости, в воде. Ср.: ВОДЯ́НКИ.

[— Вот это *прéслица* с конским волосом, взятым из гривы. Вот так делали *волося́нки* или *кря́потки*, да? — Собир.].

Так делали, я пряду *на волося́нки* и с неё вяжу. *На самопря́хе* вяжу с неё.

[— А когда стригли лошадей для того, чтобы сделать *кря́потки*? — Собир.].

В апреле, в мае. Вот сейчас. Мы вчера постригли. На остров повязли когда. Они на остров вязутся, должна лошадка быть чистая, без гривы, то ей жарко будет. Да и некрасиво она сама себе смотрится. Вот мы её весной стригём. Постригём, и я шерсть тереблю эту гриву, шинкúю, всю её прошинкúю это гриву и *выпряда́ю*. Пряду эту гриву и вяжу *волося́нки, кря́потки. Кря́потки* и рукавицы. Я научилась вязать рукавицы, *кода* мы рыбачили. А зимой холодно, а оне — хлопну так — оне опять сухие, и руки тёплые, *нёвод* таскать. *Невод* таскать, руки режет, а я *в волося́нках*.

[— А *волося́нки* — это рукавицы? — Собир.].

Но. Рукавицы, ага. А *кря́потки* — это на ноги.

[113 (8)]. *Записано в 1989 г. Афанасьевой-Медведевой Г. В. от Клавдии Михеевны Жмуровой (1929 г. р.), с. Кеуль Усть-Илимского района Иркутской области (ИА).*

ВОРОБЬЁВО. Топоним. Название села в Усть-Илимском районе Иркутской области (затоплено в связи со строительством Усть-Илимской ГЭС).

А земли-то какие там были, *в Воробьёвой-то!* Воткни палку — *зацветёт!* <...>.

[— А какие там названия пашен, *в Воробьёвой?*.. — Собир.].

Там много было. У нас там пашни и *на матерé* были и на островах. Больше-то по островам были. Остров был семь километров, на острову́. *Чегорина* вот (*счас-то* вода там, затопило), потом *Давыдово, Железные поля* были, покосы по речке *по Эдучанке*, там покосы и пашня была. *Поско́тина* была, там пашни были. Тоже по речке там была, как коровья ферма стояла. Сразу выпускают, и оне прямо сверху ходили *в поско́тину*. Но а конный двор был, он был в деревне. Лошадей уже мало было в то время, когда топить стали.

[— *Стрелка* была, кладбище-то. — Слуш.].

Но. Там если в сторону *Ери́овой в Воробье́во* поехать, называлась дорога *на Стрёлку*. *Стрёлка* была такая. Ангара, и там бугор, там *Эдучанка* в Ангаре *падала*. И вот эта вот *Стрёлка* так и называли, где-то километров семь она тянулась.

[289 (8)]. Записано в 1996 г. Афанасьевой-Медведевой Г. В. от Иллариона Иннокентьевича Зарубина (1924 г. р.), с. Эдучанка Усть-Илимского района Иркутской области (ЛА).

ВО́СТРОВ, -а, м. **Остров**.

Деревни-то всё **на вóстровах** были. Вот этот прямо нас Лиственничный **вóстров**, а тот Óна. А сáвинский называется Сосновый, Привали́хинский — **вóстров** Петухов, сюда называют как.

[— То есть Савино, деревня, на острове под названием Петухов? — Собир.].

Сосновый **вóстров**. А Привалихина стояла, называлось Петухов, остров Петухов. Сюда, сюда когда вы идёте, остров вот по параллели, а дальше от Сáвиной — Ело́вик **востров**. А туда как этот Петухов идёт, Петухов идёт скрозь до Фроло́вского **вóстров**. Там протока, Фролы́. **Вóстров** называется Бурна́уль. А сюда покос, опять едете сюда, вот сюда остров, усольски косят и фроло́вски, — Букóшин **вóстров** (...). Потом Сергу́шкин прямо против Усольцево, большой **вóстров**.

А там уже, там до Селенги́ной Селенги́нский **вóстров**, **вóстров** Ани́кин, а сюда Сосновый **вóстров**. Опять и с Усольцевой едешь, где грибы-то рожалися. А там в Панóвой-то какие острова-то были? Курéйный, Басковóй, Ело́вик, а потом идёт сюда <...> Сидóнча — там **вóстров**, там ниже. На этом острову́, на Сидóнче на нём держали, скота принимали всего и держали на Либга́нче. И забивали его, в Ке́жме же колбасная была, в самой в Ке́жме. Ну, на Малой Иринда́ или там, и вот держали.

[— Либга́нча, да? — Собир.].

Да. И Малая Иринда́ ещё. Так, и держали скота. Им, сколько надо на этот, на забой, оне забивают, остальное опять остаётся, чтоб мясо не портилось.

[— А Бурна́уль остров, это Фроловский остров? — Собир.].

Фроловский. А Букóшин с покосом у них, сюда вот. А сюда, по-моему, Сухой, прямо Сергу́шкина, вот на эту, к этим ездили, а там <...>. Панóвски-то острова какие, как их называют? Курéйна, Ани́кин, Курéйна, Басковóй, потом Ело́вик, потом Тунгусский и Малая Иринда́. Речка прямо — Чири́да. Речка Чири́да, это едешь восемь километров от Мозговóй сюда. Там была Мозговска́я мельница, и там был покос, от этой от Чири́ды.

И вот эти ке́жемские, мы У Истока называли, прямо Мозговóй — Истока. Раньше же дома, таки же дома у хозяев построены, оне со скотом весновáли и осеновáли, потому что там посевная была и сено косили там. Осенью увозили, как шугу́ несёт, скота, а потом по дороге чтоб сено и солому лишнюю не возить, там и кормили, и весной туда тоже увозили. Там же отава, там и кормили, там и держали, называлось — У Истока, прямо Мозговóй.

А два километра, всего два километра пониже, — Су́здалев Бор. Там, от на этом острову́, был высокое место ке́жемский, вот за десять километров перед Мозговóй, два километра не доезжая Мозговóй — Су́здалев Бор. Не было возвышенности, потому что затопит. Вот этот назывался Су́здалев Бор.

И вот когда я осеновáла там, там ке́жемские, ну, молодёжь, молотили мы, бра́тка бригадиром был, и оне тоже молотили. Молодёжь все, цыганка там была, ой, утром встанешь, свяжет всех вместе, кому-то привяжет на передне место заячий хвостик, в саже

кого-то вымажет. Утром встают — хохотни! А каждый, сам себя-то не видишь, хохочет. И собрались (темно утром, света нету), побежали, на работу надо было.

Но молодёжь своё брали. А вот у них был, у кежмарей, Сúzдалев Бор, а в Мозговой У Истока назывался.

[449 (8)]. *Записано в 1983 г. Афанасьевой-Медведевой Г. В. от Ефросиньи Ивановны Сизых (1932 г. р.), с. Ёдорма Усть-Илимского района Иркутской области (ЛА).*

Мы уже вот в одиннадцать лет *весновáli*. Вот на острова, он называется так *Сосновый*, а звали его тогда *Мартыново*. Там как деревня была, несколько домов жило. Потом оне все переехали сюда. И вот на этот, там была пашня, и вот *на* этот *вóстров* возили. А рядом *Сенной востров*, *на ём* рыбачили опять. Ездили туда рыбачить тоже. Тоже *весновáli*. Ездили рыбу добывали. Рыбы много было.

[— А ещё вот какие острова есть? — Собир.]

Здесь *ешио* вот *Еловый*, *Каменный*, вот, туда вот дальше как вот от...

[— Ниже? — Собир.]

Ниже, ниже сюда идёт, вот. Сразу идёт *Еловый вóстров*, *Сенной*, *Мартыново*, это потом *Каменный востров*. Вот это, эти *кэульски востровá*.

[— Прасковья Иннокентьевна, и вот на всех островах что-то делали? — Собир.]

Да, на всех островах делали. На каждом...

[— А поля были на каких островах? — Собир.]

А поля были вот *на Мартыновом*.

[— Большой был остров, да? — Собир.]

Нет, он не большой. Он два километра, это длина. Ширина, я не знаю, *сколь*. И всё, он полностью был весь разделанный под пашню. Весь распаханый был, только кромки вот были не-множко от берега, и всё. Берега вот эти тоже косили.

[450 (8)]. *Записано в 1985 г. Афанасьевой-Медведевой Г. В. от Прасковьи Иннокентьевны Анкудиновой (1937 г. р.), с. Кеуль Усть-Илимского района Иркутской области (ЛА).*

А оне как-то острова-то совсем близко друг к другу по *проточкам*, *проточки меж ими*, неширокая Ангара. Вот у нас вот в *Тушáме* тут, широко *на Сенной* переедешь, *на Сосновый* — не сильно широкая. А с *Соснового кабы* на правый берег — там широко.

[— Здесь ещё какие острова были? *Сенной остров*, да? Ещё? — Собир.]

Но. *Сенной вóстров* вот против нашей *Тушáмы*, *Сосновый* наш. Туда *вверх от нас* называли *вóстров Овёшник*. *Каменный Овёшник*, овцев всё время возили. Это уже в сороковых годах уже, однако, овцев не было у нас в *Тушáме*. *Ешио* Липа тут как-то у меня была, говорит, увезёшь туда, оне лето-то там прогуляют... А чё, тихо было — никто не ловил, никто не убивал ничего. И там есть пещера, *камя*. Мы их туда, *гыт*, загоняли, чтоб поймать-то. Загона-то никакого не было. Дак вот в эту, *гыт*, пещеру. Поймаешь — оне мяконьки, чисты.

А сейчас по посёлку посмотришь, какие эти овцы, да эту шерсть, не то её остригать и нести домой, из неё ничё не выйдет. Мне дочка, вот на площадке ей соседка давала. Я сижу, терблю, время теряю, пряду её. Свяжешь — недели не проносил, и изорвалось! Потому что она *изгорéвшая* шерсть-то.

[— Изгоревшая, да? — Собир.]

Да, *оне* в навозе, в мокрѣ. Овечка же любит сухое, прохладное помещение. Вон и в *Кѣжме* была у сестры, дак она с соседом тут... Сосед ей помогал, она ему помогала. У него большой такой двор, и к двору пристроена как бы *стаечка* прохладная. И там, которые не беременные, таки молоденькие, и там *оне* находятся. Дак *оне* чистые! И где это беременные-то были дак, тут коровы и она, дак ей отгорожено, тоже сухо, хорошо. Овечки...

[— Тоже требуют уход, да? — Собир.]

Да, да, прохладную надо эту, хижину. Так называли.

[— Вот ещё какой? *Овешный, Каменный, Овешник*. Ещё какие острова там были? — Собир.]

Потом *Под Быком, Под Быком* островок назывался так. Там быстрое место, вроде бы как водопадом так река-то идёт. А потом *после Быка-то Скопырь, Каменный* опять. *Каменный Алтынов* называли. *Медвѣдков. Медвѣдков* — небольшой островок, *зарод* хороший вставал сена. Так вроде бы скала *ешио* там на нём, на этом *на Медвѣдковом-то*, с обеих сторон. В Ангаре-то в самой-то перекааты, ставили *замѣты*, добывали красну рыбу, осетров. А теперь и ельца-то не видим.

[— Потом ещё какие острова были? — Собир.]

Берёзов востров. Берёзов он напололам уже с *нёвонскими*. Половина *Берёзова* наш, а половина *нёвонский*. И так от этого *Берёзова* *скрозь до Избушкиной. Нёвонская Избушка*. Это *Избушкиной* называлось место. И там у них *Нижный остров* назывался в *Нёвоне*. Вот этот *востров* *Нижный*. И против самой *Невоной Талóвик* назывался. Вот на нём был аэропорт, там садились самолёты, площадочка сделанная. И как какá беда, с человеком плохо — самолётом вызывают, и вот на лодке перевозят.

А потом уж на своей стороне сделали. Дак эти *востровá-то* старые, это люди до нас *ешио*. Все пахали, пахали, и сеяли, и косили, а потом уж в этих, в сороковых забросили.

[— Но они сейчас, эти острова-то, ещё есть? — Собир.]

Но. *Повывáливали* лес на их, на нашем *Сосновом!* Вот какой лес! Там девяносто с лишним гектар было пашни! Он двенадцать километров. *Сосновый*. А *Сенной востров* — пять. Он как *от Ершóвой чѣстки* и дальше *Тушáмы*. *От Тушáмы-то* идут через *проточки*, как их называют-то, *талóвики*. Там кислицы много, черёмухи. *На одном талóвике-то* всё время косили его... ну, там чѣ-то плохая трава, всё песок, да эти муравьи...

[— *Талóвик* — это такие маленькие острова? — Собир.]

Маленькие *востровóчки* называются *талóвиками*.

[— А это где было? Рядом с какими островами были *талóвики*? — Собир.]

Талóвики рядом в *Сеннóм*. Вот так *Сенной востров* кончатся, *проточка* так это текёт. Хорошая *проточка* была. Ельцов много было в *ей*, а теперь всё измыло, всё... То намыло гряды, проехать нельзя, песок. То опять вымыло, *быстроту* сделало, глубину. Всяко река течёт, а теперь чѣ она, река-то. Те-то годы как река замерзала-то! Не было *ешио* этой ГЭС, река замёрзнет — и по ней ездили и трактора, и всё...

[— А потом что, перестали ездить, что ли, трактора, да? — Собир.]

Дак она не замерзает теперь. Она не замерзат весь год. Она всю зиму открытая! Уж большой-большой мороз — её *слѣпит, слѣпит* на неделю *наскрóзь*, и — раз! — оно обратно растает всё.

[451 (8)]. Записано в 1999 г. Афанасьевой-Медведевой Г. В. от Зинаиды Петровны Бобровниковой (1940 г. р.), с. Кеуль Усть-Илимского района Иркутской области (ЛА).

ВОСТРОВÓК, -вкá, м. Уменьш.-ласк. к **ВÓСТРОВ**.

[— А там, бабушка, острова-то какие напротив *Кéуля*, как называются? — Собир.].

У нас здесь много **востровкóв**: и *Сенной*, и есть тама-ка этот, как его, *востров Каменной*, вот, *востровá*. Суда ниже тоже есть острова: и *Каменной*, и эти, *Мартыново*. Ой, полно, полно *востровóв*. Я уж забыла их. Всё **по востровкám** по нашим: и траву косили тама-ка, и скота там держали, перевозили всё, коров, и телят, и всё.

[— А хлеб выращивали где? — Собир.].

А хлеб выращивали в деревне, поля были большия. И *на востровáх* тоже есть, были поля тоже.

[— А земля там вот в огородах-то хорошая была? — Собир.].

Ну, там, конечно, лучше была. А мы в войну-то, у нас и отца-то убили *кода*, у нас у матери-то было нас шестеро, *шепта*-то девчонка померла, нас пятеро осталось. И мы *в Сизово* уезжали, *туды* выше. А там народ *ешио* лучше был.

[— А *Сизóво*, она на острове деревня? — Собир.].

На вóстрове, *роднá*. Там народ хороший был. А у нас ничё не было *поисть*, *голодкóм сидели*. И мы же тоже помогали. Когда белить будут к празднику, просят, пойдём да и... *Полы*-то некрашены были, раньше же некрашены были. И *вымоем*, и *выскребем*, и всё. И люди-то давали нам, кто муку, мясо, рыбу. Вот так и жили мы. *По людýм ходили*, помогать *с белéнки*.

[— А *Сизово*-то это был большой остров, да? — Собир.].

Большо-о-ой, большо-о-ой, большой *вóстров*.

[— Там деревня где находилась, *в верхней изголови* или где? Вверху или внизу деревня была? — Собир.].

Внизу, внизу.

[— В нижней, да? *В Сизóвой* вы долго жили? — Собир.].

А мы *в Сизóвой* жили сколько, как тебе сказать, года, *нако*, четыре.

[— После войны уже, да? — Собир.].

Ага, ага, года четыре жили там, потом переехали обратно *в Кéуль*, вот так.

[454 (8)]. Записано в 1996 г. Афанасьевой-Медведевой Г. В. от Таусии Васильевны Карнауховой (1923 г. р.), п. Кеуль Усть-Илимского района Иркутской области (ЛА).

ВОСТРОВÓЧЕК, -чка, м. Уменьш.-ласк. к **ВОСТРОВÓК**.

Ну, мы *на востровóчках*. Река же ставала, но сено возили на *кóняф*, но. Косили, возили косилки, кони возили, были *карбáзья*, деревянные *карбáзья* сделают, косилки загоняшь, *кóней ставишь* — и поехал *на вóстров*, и косили там *на востровú*. Ну, *на Березóвом* там как жили, а вот *на матерóй* косили, *вóстров* был *на Каменным*, *потома-ка Конный*, *Елóвый*, *Бурмáк*, да-да, это всё сенокос наш был. *Ярскóй* был, *Ярскóй вóстров*, *Ельник* назывался, *потома-ка у Крестов* были покосы, вот это всё там.

[— Это были покосы на острове *Березóвом*? — Собир.]

Нет. *На Каменном*.

[— И покосы *на Каменном*? — Собир.]

Да-да-да! Да все *по востровóчкам* были. *На вóсень, на вóсень* возили в *ка́рбазе*. *На вóсень* перевозили и с *матерóй* сюда на *вóстров*. Но зимой мы на *ко́няф* возили опять.

[— *Весновáли?* — Собир.]

Ну, *весновáли* мы, вот когда вот весной, *на Елóвом весновáли*, на пашне, вот когда пашешь и сеешь, вот *весновáли на двух востровóчках*.

[— А *на Каменном* люди жили постоянно? — Собир.]

На Каменном? Не-не-не! <...>. Там *токо* покосы, уберём покосы, и всё.

[— А пашни где были? — Собир.]

В Березóвой было двести гектар, *на Елóвым* где-то гектар двести, и *на Пашне* тридцать гектар было.

[— *Еловый и Пашня* — это пашни были или острова? Острова? — Собир.]

Еловый вóстров, а *Пашня* — *матерá*, вот *матерá* вот здесь, десять кило́метров отсюда.

[— Бабушка или дедушка рассказывали, как эти пашни разрабатывали? — Собир.]

Ну, мой *тятя*, дед мой *еишо* разрабатывал. Дедушкин отец разрабатывал. Деревянные топоры, ими рубили, потом деревянну соху делали, коня запрягали в однуё соху и ходили топором сёкли, а конём *потома-ка* проезжали, вот, и всё отворачивали. Лес валили всё тут, коренья, всё сжигали, вот так у *их* и получалось. *Оне*, видишь, руками всё делали, а *чичас* трактора такие — всё запустили. *В Кéуле* вон землю дали *елиф*, дом стоит, дак *оне* уж замотали, что вот эту землю-то выкупи, а то кто-то выкупит, значит, тебя с домом выбросят здесь. А везде всё *запушишено* (...).

Пары пахали трéхрядные, три раз пахали: сразу посевна, пары вспашется, потом вторы, перед *вóсенью* уже третьи пары пахали, конями пахали *от*. Одну полосу засею́т, а втору паря́т, *от*. А там не гéктар, не два было гéктаров, у каждого по десятку-то было, побольше. Сеяли пшеницу, сеяли руками, говорит. Были такие *торсучки́*, в *их* насыпали, одевали, вот, и шли, вот так хлопали, а потом конями это всё заборáнивали.

[456 (8)]. *Записано в 2001 г. Афанасьевой-Медведевой Г. В. от Николая Александровича Анкудинова (1939 г. р.), с. Ёдорма Усть-Илимского района Иркутской области (ИА).*

ВЫПАШЬ, -и, ж. *Земледел. Давно не паханная, заросшая, заброшенная земля.*

Как колхоз объединили, и всё разъехалось. Все острова, все острова до одного, все засевались, и покосы, а сейчас... А *счас-то* какй поля?! Одна *выпашь*, всё заброшено, лес уж растёт, трава. Всё *запустили*. *Счас от* взять, в *Кéуле* сколько труда ушло, все поля разрабатывались. Всё *запустили*. Всё развалилось — смотреть жуть. Вот едешь *счас*...

Я всю жизнь в деревне прожила, едешь — везде на каждом острову́ живое: там сенокос, там народ, там поют, *жнитвó*, всё... А *счас* всё пусто, тоска! Едешь на лодке — тоска! И по лесу едешь — всё *повывалили*. Мы всю жизнь здесь прожили. Жуть берёт. Куда Россия-то? Всё-то *вывалили*. Что оставляют-то? Пишут же в газете, что Сахара́ будет, пески. Оно к этому идёт. Ангару всю изуродовали, речка вон, в этом году речка шла, посередине прошла, даже льдинки на берегу не было. Воды-то нету, они высыхают всё <...>. И никто не заботится.

Лишь бы деньги! Деньги-то эти, деньги раньше, водку продавали, водку продавали — деньги-то государству. А *счас* лес-то частный, но лес-то весь наш, государство-то — мы! Мы с тобой народ, государство — мы.

Деньги-то все государству должны идти, а не в частны руки. Эти миллиардеры, у

них красивая жизнь. А он заработал? Где Абрамович шестнадцать миллиардов заработал, где, ну, где он заработал? Где Прохоров пятнадцать миллиардов?купаются, своих подружек возят, в шампанском купают. Я всю жизнь проработала, и ни одних, от чистой души скажу, ни одних сапог не износила. Мы за что прожили-то?! Совесть была у людей, народ не такой был, как *счас*, совесть была!

[491 (9)]. Записано в 2001 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Евдокии Михайловны Сизых (1927 г.р.), с. Кеуль Усть-Илимского района Иркутской области (ЛА).

ГОВОРИТЬ. *ГÓВОРОМ ГОВОРИТЬ. О дребезжании оконных стёкол в домах прибрежных селений, когда начинается ледоход на р. Ангаре. Ср.: *ГОВОРКОМ ГОВОРИТЬ, *ГÓВОРКОМ ГОВОРИТЬ.

На *весну́шку* ездили на острова. Коней туды забросят, река пойдёт, и всё — и борони, и паши, сей... А коней по льду *ешио* заводили, и семена по льду завозили, и всё. На санях. Там жили. Там *амбáрья* были, там *избушки* были, всё. Хлеба там напекут, всё, продукты возьмёшь, и всё, там живёшь, *поку́ль* река не пройдёт. А другой раз река-то пойдёт если *ф*, где *залóмит-то* её, дак а вода-то распират, и всё, топит острова-то. Боялися.

[— Если реку *залóмит*, да? — Собир.].

А *потома-ка* вода-то подыматся, острова-то затоплят.

[— А вы как там на островах? — Собир.].

А мы на этом, *тама-ка* высоко, нас-то не затоплят, *избушки-то*. А поля-то низкие — затоплят. *Сенной* тоже низкий, *Сосновый* низкий. Затопляло. Даже лёд шёл по полям. Потом рубили, чтоб скорее всё таяло. А река-то шла?! Как лёд её пихнёт, так, *христóвы мои родные*, окошки в избе *гóвором говорят!* *Ажно* всё — у-у-у! О-о-о! Ангара пошла! А гудит-то как, ох ты, *белый свет!* А лёд-то ворочит! У-у-у! На речку вся *Тушáма* бегат:

— О-о-о! Ангара пошла! О-о-о, Ангара пошла!

[558 (10)]. Записано в 1985 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Анны Сергеевны Карнауховой (1921 г.р.), с. Кеуль Усть-Илимского района Иркутской области (ЛА).

ГОДОВАТЬ, годую, годуешь; несов., неперех. Проживать где-либо в течение года.

[— Евгения Ивановна, а как Вы замуж выходили? — Собир.].

Ума не было, дак...

[— Долго дружили? — Собир.].

Но ходили мы, мы долго время ходили *с ём*. Получилось так, мы... там на острову́ были тоже бараки, мы там *годовáли*, жили там девками. Там и семьи жили, но мало семьи-то жили. Но и он забрасывал как продукты, и мы всю ночь с подружкой прохохотали. Он-то ляжал уже, не знаю, он спал не спал, как будто *над ём* смеялся. Смеялись, смеялись! И он утром стал:

— Но, — *гыт*, — девки.

Я говорю:

— Давай поешь.

Но и какой-то смешинка попалося нам с ней (...). Но и он поел и уехал, уехал сюды, в *Кéжму*. Потом коров перегнали на остров. Я же *дóйкой* была, коров перегнали на остров. И его, как *весновáть* начали тут, на тот же остров. Но оне жили там, у истока, за четыре километра, а мы тут на бору жили, потому что у нас коровы на бору были, там же *маслодёл* было, и всё, там и телята маленькие, там дворы, а там-то никого не было, в *Мозговóй-то*. Но и ездить стал. А потом... у нас была *маслодéла* немка, Маргарита Ивановна (переселенцев

же много было по Ангаре, немцев-то). Но и он с одной ходил, с Фанкой он ходил. Но и потом она и говорит:

— Чё-то, — *гыт*, — мне не нравится, что он с ней ходит. Что это, пара, чё ли? Это не пара.

А потом сразу переменяла она на русской и говорит:

— *Куды сейчас* полетит рукавица, на этой койке ты должен спать *сёдня*.

Она на моёго. И она кинула на мою это, койка. Она же договорилась по-немецкому-то. Но.

— А ты ложись ко мне.

Но и вот, я ночь проночевала. А у меня так койка стояла, а у ней вот так стояла (деревянны эти коечки), но и вот. Смех-смех-смех-смех! И мы, *шшитай*, *настоко* сдружились с ём.

Но и потом он перебросил... *Посявнá* кончилась, опять *суды* приехали они, этот Володька. Но потом коров перебросили опять *суды*, этим островам. Но и вот. Со смехом, со смехом, *шшитай*, и мы сдружились... трое детей. А потом осенью красноармейцы освобождаются же, призыв-то кончается, новы берут, а мы жили как в общежитии. Ой, мне никак не забыть! Но и вот, в общежитии как жили. И там много холостых ребят пришли. Но хорошие ребята. Но наши девки своих ребят все бросили и кинулись на этих ребят. *Оне панóвски, селенгíнски*, пока... *суды* самолётом их привезли, а потом по точкам должны, там же больши самолёты-то не садились. И наши девки скрутились.

[— А здесь был сборный пункт? — Собир.]

Но. Большие же самолёты-то прилетают *суды*, а там-то ведь порт, таких-то вот нету там.

[— А куда парней-то собирали? — Собир.]

Их, *оне* уже из армии идут, да, уже призыв-то новый брали, а этих призыв уже кончилось. Но наши-то, конечно, скрутились эти девки в общежитии-то, *шшитай*, ужас. А я ни *со* с кем, хохочем, и всё. И там... но, думаю: «На́ фиг их, они уедут, а чё толку-то». *Оне* голодны как волки приехали. И мой Володька, *шшитай*, и мы с ним полгода не ходили, он-то подумал, что я тоже скрутилась: раз все девки там скрутились, и я тоже скрутилась. Мы так друг дружке видимся, а разговаривать мы с *нём* не разговаривали, всё — я его не знаю, он меня не знает. Потом эти ребята все разъехались все, и он заходит вечером. *Я грю*:

— А ты *пошто* пришёл? — ему говорю.

Он *гыт*:

— Ваши девки все скрутились, ты *токо* одна не скрутилась.

Стало быть, он сведенья собрал. Но я *грю*:

— Но и чё что? Не ходил и не надо. А я без тебя, — я говорю, — найду. Уеду, — я говорю, — в Казахстан уеду и там найду себе немца. Вот так.

Вот так немца нашла. Прожила я тут. Потом этот, как его, дом застроили.

[— А он что, не отпустил? Вы сказали: «Уеду». Он-то что? — Собир.]

Но дак... А он чё может сказать? Он говорит:

— Мы с тобой сойдёмся да и жить будем.

Но и так <...>. Так и мы с ём прожили всю жизнь, трое детей нажили, *шшитай*».

[8 (11)]. Записано в 1986 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Евгении Ивановны Лушиковой (1933 г.р.), пос. Кежма Кежемского района Красноярского края (ЛА).

ГОЛОДКОМ. *ГОЛОДКОМ СИДЕТЬ. *Экспр. Жить впроголодь, голодать.* Ср.: *ГОЛОДКОМ ЖИТЬ.

[— ...А там, бабушка, острова-то какие напротив *Кёуля*, как называются? — Собир.]

У нас здесь много *востровков*: и *Сенной*, и есть тама-ка этот, как его, *востров Каменной*, вот, *вострова*. Суда ниже тоже есть *вострова*: и *Каменной*, и эти, *Мартыново*. Ой, полно, полно *востровов*! Я уж забыла их. Всё *по востровкам* по нашим: и траву косили тама-ка, и скота там держали, перевозили всё, коров, и телят, и всё.

[— А хлеб выращивали где? — Собир.]

А хлеб выращивали в деревне, поля были большия. И *на востровах* тоже есть, были поля тоже.

[— А земля там вот в огородах-то хорошая была? — Собир.]

Ну, там, конечно, *лучче* была. А мы в войну-то, у нас и отца-то убили *кода*, у нас у матери-то было нас шестеро, *шешта*-то девчонка померла, нас пятеро осталось. И мы *в Сизово* уезжали, *туда* выше. А там народ *ешшо* *лучче* был.

[— А *Сизово*, она на острове, деревня? — Собир.]

На вострове, родна. Там народ хороший был. А у нас ничё не было *поисть, голодком сидели*. И мы же тоже помогали. Когда белить будут к празднику, просят, пойдём да и... *Полы-то* некрашены были, раньше же некрашены были. И *вымоем*, и *выскребем*, и всё. И люди-то давали нам, кто муку, мясо, рыбу. Вот так и жили мы. *По людям ходили*, помогать *с белёнки*.

[— А *Сизово-то* это был большой остров, да? — Собир.]

Большо-о-ой, большо-о-ой, большой *востров*.

[— Там деревня где находилась, *в верхней изголови* или где? Вверху или внизу деревня была? — Собир.]

Внизу, внизу.

[— В нижней, да? *В Сизовой* вы долго жили? — Собир.]

А мы *в Сизовой* жили сколько, как тебе сказать, года, *нако*, четыре.

[— После войны уже, да? — Собир.]

Ага, ага, года четыре жили там, потом переехали обратно *в Кёуль*, вот так.

[138 (II)]. *Записано в 1996 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Таусии Васильевны Карнауховой (1923 г. р.), пос. Кеуль Усть-Илимского района Иркутской области (ЛА).*

ГОЛОДРА́ЕНЕЦ, -нца, м. **Голодранец (оборванец, нищий, бедняк).**

Ну, тут раскулачивание началось вот это. Везде же было. Приезжали представители, отсюда, с Иркутска, с Братска — отовсюду, возглавляли вот это раскулачивание. Ну, был у них, *гыт*, один тут *винокуришиик* Иван, который нигде не работал, ничё, ходил просто так по найму.

Я *грю*, вот как вот моёго деда раскулачивали? За что? У него двадцать ребятишек было своих, детей *нарождённых*. Шесть человек только в войну погибли сыновей. И вот сколько дочерей оставалось у него. Ну, остальные там умирали...

[— Ещё в ту войну, первую? — Собир.]

Да. Ну и он [Иван. — Г.В. А.-М.] ходил вот, нанимался. Ходил, ничё не делал, *трёс*

лохмотья. Ему всё говорили:

— Ну что ты?! Люди сохой пахали, возделывали поля.

Вот которые *счас* затоплять собираются. Ведь все острова были разделаны. Для меня вот это вот *счас* самое — это осквернение памяти моих дедов.

[— Потому что тут же всё своими руками? — Собир.].

Всё своими. Вы понимаете, не было техники, ничего! Были лошади и соха деревянная. И вот этими сохами пахали, возделывали. А *счас* с такой техникой вон все поля запустили. <...>. Видите?

[— И расчищали же от леса сначала? — Собир.].

Да, от леса и... Ну, нормальные мужики были. И вот он [дед. — Г.В. А.-М.] попал под раскулачивание. А что он имел? Три коровы у него было. Так это такую ораву прокормить надо! Да и корову прокормить надо, каждую. Это сколько сена надо было заготовить! Ну и он-то... у *его*... Оне *голодрáенцев* этих, бедняков, брали с собой раскулачивать. И вот его [Ивана. — Г.В. А.-М.] взяли. А у него что? Ни грамоты, ничего. Оне все безграмотны.

[— Ленился работать? — Собир.].

Да, просто лежал, ходил. Придёт, наймётся там, где дадут ему кусок хлеба. Ну и вот, когда раскулачили, ему взяли отдали ключи все от амбара, этому *голодрáенцу*. И вот он ходил по деревне. Вы знаете, как это действовало? Ходил хлопал:

— Были ваши — стали наши!

А как это людей возмущало! Ведь вон весь хлеб выгребли. Ну и, видимо, в одно прекрасное время народ не выдержал — и он исчез. Убили, видимо.

[— А как деда раскулачивали? Может, рассказывали, вот как они там пришли, что они описали? — Собир.].

Заходили, требовали сразу добровольно сдать хлеб, скот.

[— А как дальше жить, да? — Собир.].

Да. Ну, он сразу говорил, *гыт*:

— Вы посмотрите, у меня какая орава детей. Я работников не держал. У меня оне выйдут: кто постарше, косили, кто помладше, руками теребили.

Мать вот говорит:

— Выйдем все — *всё поле в ребятишках!*

Все работали. Сдавали мясо, масло, картошку сушили, ну, вот такое, все продукты. А зерно само собой (...).

Ну, он *гыт*:

— Ну что вы делаете? У меня, — *гыт*, — лишнего нет. Хлеб вон — тоже лишнего нет. На посев оставил да вот до весны продержаться, прокормить семью.

Ну, в то время не разговаривали. Раз! — выгребли всё, свозили в один склад, и всё. Корову забрали. Оставили одну корову, одну лошадь.

[— Владимир Сергеевич, но из дома-то не выгнали же? — Собир.].

Нет, из дома не выгнали. Никуда не сослали. Просто раскулачили, и всё. Там держал бы работников... Там вся деревня, все работали — там нет работников.

Кто к кому пойдёт? Вот такой только один был, *винокúришиш*ик, ничего не делал. А это люди все, вся деревня работала. Все кулаки были. Всех раскулачивали.

[— Добрались до острова, да? Уж, кажется, остров, никому не мешает... — Собир.].

Дак он в стороне! Не знаю, как Колчак сюда попал. Ведь нашёл, по Ангаре, видимо, пришёл.

[— В стороне, в отдалении уж, кажется, да? — Собир.].

Да. Ну, мать у меня она родилась как раз в семнадцатом году. Оне и не знали, что и революция произошла, что и чё творится в России. Ни газет, ни журналов, ни радио — ничего здесь не было.

[149 (11)]. Записано в 1999 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Владимира Сергеевича Сизых (1934 г.р.), с. Кеуль Усть-Илимского района Иркутской области (ЛА).

ГОРЯЧКА². Бран. Присловье конкретного человека, выражающее его крайнее (сильное) недовольство чем-либо, гнев. Ср.: ГОРЯНКА².

Свёкр да свекровка мои *пастушили* овец первый год... На острову *на Домашний*. И сено косили. Я говорю:

— Мам, меня возьмите с собой на покос.

— О-о-о, ты кого там делать-то будешь?

Тятя:

— Ну, *пушишай* едет, хоть ягод поберёт.

Я приехала, оне сено косят для своего скота. *Тятя* мне даёт *литóвочку* маленькую, как будто я дома не косила. Я стою вот так, он меня за эти места-то взял, *литóвку-то* я вот так держу, а он меня как ведёт эдак-то, я говорю:

— *Тятя!*

— Чего?

Я говорю:

— Отпустите меня.

— А чё такое, *горячка?* О-о-о, *горячка!* — это он уже ругался *мáтерно*.

Я ложу эту *литóвочку*, говорю:

— Возьмите её себе, *тятя* родной мой. Не обижайся, *тятя*, это себе возьмите, а я вашу возьму *литóвочку*.

А мама идёт косит и косит. Я взяла его *литóвку*.

— О-о-о, *горячка!* О-о-о, *горячка!* Наташа!

— Чего?

— Погляди хоть, чего делает! Она тебя скоро догонит.

Я говорю:

— *Тятя*, я у бабы была, на нас не смотрели. У нас, — говорю, — у мамы *шешнадцать* человек было, — я говорю, — мы косили. Я всё знаю, я даже, — говорю, — жать могу.

— Ты чё, *горячка?!*

Я говорю:

— Во! Мне, — говорю, — когда я жала, и серпом по руке.

Он говорит:

— Вот это да! Вот это да!

[— Это свёкр так сказал? — Собир.].

Свёкр, да.

[— А свекровь звали? — Собир.].

Наталья Егоровна.

[— «Горячка» чуть не матерна была? — Слуш.].

Ага. «Горячка» говорил. А это как мат быдто был ругательный (...). А *счас* через слово мат. Народ-то совсем *оскорюжился*, молодёжь-то.

[468 (11)]. Записано в 1985 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Нины Григорьевны Рукосуевой (1917 г.р.), с. Заледеево Кежемского района Красноярского края (ЛА).

ГРЭБИ². *НА ГРЭБИ СТОЯТЬ. Грести, сгребать сено в копны.

Вот мы с сестрой, я любила *на грэби стоять*. Вот гребём, *валкóв* десять сделам, сядем отдыхать и зачинам — только барак *колется!* Балалайка у нас! Да играл Ларька, настроит не так, что бряк-бряк, а там *аж выговáриват!* *Выговáриват* целиком! И вот только шум стоит в бараке.

И у всех нитки, крючки [кружево вязать. — Г.В. А.-М.]. *Снопы* кидам на телегу. У нас фартучки, крючок... и эти. Фартучек эдак. Снопы накидали на телегу мужику. Он поехал *скирдóу* делать, там, где ток молотить. Пока он ездит, мы уже вяжем, вытаскиваем и опять кружево вяжем.

Вечером жнём, когда *снопы* вяжем, месяц уж выйдет. Ох, разработася! Глядишь: ряд *суслóнов* стоит! Душа радуется! Я любила *убóрошну до тюку!* Прямо душа болит! Глядишь: ряд стоит! Но чтоб ни колоска не потерять, всё следили за нам. И мы сами аккуратно делали всё.

Приходим, *поужнали*. *Еишо* все *гуртóm*. Вот Надежда, подруга моя, все садимся и опять вяжем, *еишо* повяжем. До солнца нас поднимают. Вот *еишо* *накóсисся*, потом солнце взойдёт.

Но у нас мама раньше до колхоза, *остров* тут *Берёзовый*, вот такие были, будить не надо было. Мы, *гыт*, *накосимся*, уйдём, на острове. Потом только в деревне, *гыт*, печки затопятся. Они пока по росе и легче. *Накосимся*, потом жара, *отдыхам*, если *грэби* нету. А уж *грэбь*... Вот таки шесты, подбирашь *валки* эти, и как копёшки таки *накладывали*. *Кóней* жалели, и *туды* за реку (надо жалеть лошадей), и вот эти *кóпны* на себе. И пол-острова *пол-Травяно́го тятя* с мамой *выкосят* <...>. *Остров Берёзовый*, а за им через протоку *Травяно́й* назывался, остров *Травяно́й*. Там тоже колхоз косили. Бригада ездит баб всё лето *косят* это. А оне вдвоём. Пото-о-ом *токо* печки... А уж жара, если *грэби* нет, *отдыхам*.

[— Всё работали и работали. И даже не было возможности отдыхать? — Собир.].

Праздники.

[— Пока мужчины везут, Вы должны были отдыхать, а Вы ещё вяжете сидите? — Собир.].

У нас силы хватало. И нам ведь это, я считаю, нам пригодилось. Мы ведь не боимся *счас* ни холода. Мы ко всему привычны.

[2 (12)]. Записано в 1983 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Екатерины Ивановны Ростовицковой (1926 г.р.), с. Манзя Богучанского района Красноярского края (ЛА).

ГРЭБЯХ. *НА ГРЭБЯХ. На вёслах. Ср.: *В ГРЕБÍ, *В ГРЭБИ, *В ГРЭБЯХ, *В ГРЕБЯ́Х, *НА ГРЕБА́Х, *НА ГРЭБИ, *НА ГРЕБЯ́Х.

Тятя в колхозе работал, вот на этом острову сторожил от колхоза овец и телят. А нас вот эти ж, с братишкой брал с собой для *весёлля*. И мы *с нём* там, на острову *с нём* жили. Вот поедem... вот полтора метра глубины вот на этой стороне острова, *размётаны* эти *перемёты* (*счас* уж *самоло́вы мечут*. *Елиф* то мечет кто *еишо*). Ну и поедem. Он бросат, бросат, бросат в лодку (деревянны лодки), этой красной рыбы в лодку, ага, мы там *на грэбях* сидим, оне начинают нас *шлэпать* хвостами — оне же живы. Мы заплачем:

— *Тятя*, нас рыбы *бьют!*

— *Счас*, ребятишки, *съездим* — *выбросам!*

А там *избушка*, ну, *полуземляночка*, и огорожена *огородам*. Он разбросит *брезент*,

стаскám мы эту рыбу, поедем досматривать. Ну, это *столь* рыбы было — *тошно!* Вот помню... Чиста же Ангара была. Красная рыба чисту любит воду, *от*. Где чего, знат, она уж не будет водиться.

[42 (12)]. Записано в 1999 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Василисы Александровны Рынгин (1928 г.р.), пос. Пинчуга Богучанского района Красноярского края (ЛА).

[— Так там же на островах косили, наверно? — Собир.].

У нас один остров, двадцать километров, на нём чё *токо* нету! Двадцать километров.

[— Как называется? — Собир.].

Большой остров. Вниз. Там и косили, и хлеб сеяли. Там и избы наставлены были. Всё было.

[— А тут перевозили-то всё? — Собир.].

О-ой, раньше *на грёбах!* Он же рядом с *Кёжмой*, рядом, наша была Нижна. На вёслах. А *счас он*, как стали моторки-то, дак на моторках. Там и со скотом были *дóйки*.

[— А скот как туда перевозили? — Собир.].

А делали большие *перевóзни*. Скота загоняли десятка два, *от*, и перевозили.

[— Десятка два входило в *перевóзню*? — Собир.].

В перевóзню. И таки больши, раньше-то, до моторок-то, *от* такие были большие-то вёсла, но, в конце там руль. На одном острове, вот остров-то *Соснóвик*, там с телятами жили. Да, *на Соснóвике*. На откормку. И всё лето там, с людьми. Там жили, там избы. Там и жили эти люди. Там скот молодняк был, *на Соснóвике*.

[— А где коровы уже доились? — Собир.].

Те коровы, которы были *дóйны*, оне отдельно, *от* у нас дома там этот, в колхозе было так: дойные коровы, там было шестнадцать, семнадцать *дóек*. Оне утром рано, называется «за ряку» поедут, против *Кёжмы* был *Сенной остров*, там был частный скот. И *Сенной* этот остров, и *перевóзня* большая, большая *перевóзня*, там у каждой доярки было пятнадцать, шестнадцать коров, восемнадцать, у каждой доярки. Жили хорошо. *От* так *от*.

[— Ручная же была. — Собир.].

Ручна, ручна. Все *дóйки* вручную. Дак у нас баба Маша Кокорина, у них прозвишие *Демьянковых*, она у нас в Москве была. Она отработала пятьдесят лет дояркой, вот у ней дети там, *в Кóдинке* живут, две дочери. Да, она пятьдесят лет отработала *дóйкой*.

[— Прасковья Ивановна, а рано же вставали доярки, да? — Собир.].

В четыре часа. В четыре часа утром едут. Так это *ўтрешня* дойка. Утром в четыре часа, *от* это. Но пока до места добярутся. А дойка вторая начинатся в пять часов, ну, в пять часов *де-то* опять дойка, летно время, опять едут, вторая дойка начинатся. Но остров-то рядом там, *на грёбах*, *перевозня* большая.

[— Так они ж должны молоко привезти ещё? — Собир.].

Да. На коромыслах бабы эти вёдры и стаскивают. Потом эти баки были, фляги, подъезжает там этот, который специально молоко отвозил, и там была уж молоканка, и там эта женщина на молоканке, это молоко литры опускают, большой сепаратор стоял.

[— Доили-то на острове? — Собир.].

Конечно. Молоко привозили суда. Подъезжает... там фляги, этот мужчина-рабочий подъезжат. Ставят эти фляги и на молоканку и перепускают это молоко. Всё. Масло делают и всё делают. Был свой продукт. Всё своё было. И мясо, и масло, и всё было. Наоборот, отсюда увозили. *Илимки* загрузивали маслом *тóпленным* (...). И каждую зиму по полной машине *на Кёжму* увозили мясо. *С Дворца*. Мясо вот. Приёмный пункт там был, *в Кёжме*, мясо туда свозили все, *от*. И вот я три года каждую зиму (вот плохо жили, да?!) полную машину мяса набивают мне, и я туда вязу. Сдавали государству все. Дак он был рубль шестьдесят, свинина была рубль восемьдесят — два рубля, *счас* попробуй его возьми.

[— Так это вы частное мясо возили? — Собир.].

Зачем? Колхозное. Там принимали, а там я, куда они его... Куда они его там? В Красноярск увозили или куда? Но факт то, что своё, всё своё было. Увозили сдавали туда.

[43 (12)]. Записано в 1998 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Прасковьи Ивановны Зарубиной (1931 г.р.), с. Фролово Кежемского района Красноярского края (ЛА).

ГРЕБЯ́Х. *НА ГРЕБЯ́Х. На вёслах. Ср.: *В ГРЕ́БИ, *В ГРЕБÍ, *В ГРЕ́БЯХ, *В ГРЕБЯ́Х, *НА ГРЕБА́Х, *НА ГРЕ́БИ, *НА ГРЕ́БЯХ.

А в Березо́вой-то у нас острова, там много их: *Ко́нный остров, Ка́менный остров, Медве́дкин остров. Березо́во, она же не Березо́во была раньше, а Ша́моргино. Рыбы-то навалом было в то время. Вода рядом, плавай токо. Моторок не было раньше, на гребя́х. Деревянная лóточка — гребни, родна́!*

[57 (12)]. Записано в 1998 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Анны Ивановны Черных (1939 г.р.), пос. Невон Усть-Илимского района Иркутской области (ЛА).

ГРОМОБО́Й, -я, м. 1. Сильная, страшная гроза; гроза, ставшая причиной несчастных случаев. Ср.: ГРОЗОБО́Й.

А тут опять у нас *в громобóй* мужика убило грозой.

[— Да как же это так-то, Ефим Михайлович?! Какое несчастье. — Собир.].

Гроза была, а мы на покосе же жили. Но этот дожжсей-то не было, вот как *чичас, столь* время дожжсей нету. Ну и остров убрали, перешли на другой остров, и нету дожжса. А в баню просимся. Но бригадир не отпускает. Потом согласовали.

— Ну, поедемте в баню.

В баню приезжаем, баню затопили, всё эту, ну, днём, правда. Выходит туча, гром загремел. Ай! А мужик у нас, две девки у него четырёх годов (*счас живут в Заледёевой, живы*). Стоял у нас двухэтажный дом, такой же, как *чичас* тот дом, *ешио* побольше был, ну, вот здесь по этой улице-то тут, в проулок сразу, и в проулке туды он стоял (*счас маленький домик стоит на том месте*), и вот оне в этом дому́ жили. Вот приехали в баню, он сял, а окошки, как у меня же, окошки-то, он сял *в полустёнок*.

[— Между окошками? — Собир.].

Но. *Меж* окошками. И закурил (он трубку курил). Гром вот так грянул! А сын его на вторым этаже в сёнях спал. Он *пахал пары́* в сёнях спал, его *оттудова* выбросило на улицу. На улицу выбросило. А когда момент-то, *громобóй-то*, в это время стояла женишина у двери, дак её выбросило. А этого — *как жéребьем*.

[— *Жéребьем?* — Собир.].

Ну. Ну, как пулей. *С князька́, оттудова* по стене вот такая полоса. Полоса!

[— Это как полоса? Как молния, что ли? — Собир.].

Ну, молнией, молнией, полоса. Вот такая полоса, значит, всю по брёвнам, ну, примерно, вот так, сантиметра три, наверно, глубиной вырвало. И в него угадала. *Причи́нное место* оторвало, убило сразу. Ну, сразу *тúдака* в землю закопали его: ну, может отойти, бывают, что отходят, рассказывали тут вот. Ничего не вышло. Как почернел весь сразу — всё, чёрный! Погиб <...>.

[— Молния пошла *по полустёнку*, да, Ефим Михайлович? — Собир.].

Да, да! Вот этот дом *чичас*, где он, потом после этого разворочали и убавили верхний этаж сняли, там дом поставили другой. Он был колхозный дом-то, его купил наш колхозник. *Счас* этот дом стоит, половина дома пустует тоже. Хозяин помер. Я говорю же, я *на скольких смертя́х был*, и до сих пор живу. Если бы я не *вочевíдец* был, дак я бы не рассказывал/

[205 (12)]. Записано в 1998 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Ефима Михайловича Рукосуева (1932 г.р.), с. Климино Кежемского района Красноярского края (ЛА).

ГУЛЯТЬ. *НАРО́ДОМ ГУЛЯТЬ. О традиции отмечать годовые праздники дружно, всей деревней, совершая обрядовые действия и компаниями переходя из дому в дом. Ср.: *ГУЛЯТЬ ИЗ ДО́МА В ДОМ, *ГУЛЯТЬ КОМПА́НИЯМИ, *ГУЛЯТЬ КУМПА́НИЯМИ, *ГУЛЯТЬ ПО ДВОРА́М, *ГУЛЯТЬ ПОЛЮ́ДНО, *НАРО́ДОМ ГУЛЯТЬ.

А Троицу тоже *наро́дом гуля́ли*. Варили кашу, ездили, как вот колхоз, возили на остров этих коров, и там свои, вот доярки собираются:

— *Сёдня*, девки, кашу будем варить. Ты моих коров доишь сегодня, я — твоих, назавтра ты — моих.

Вот там соберёмся три-четыре *туезка́* (вёдер не было коров доить), и на острову́.

— Я муки возьму.

— А я маслица возьму.

— Ну а я молока налью.

Вот собираются, *обиший* котёл, *на таганке́* такой на костре варят кашу. Это на Троицу.

[— А раньше в старину-то на Троицу берёзки, наверное, ставили? — Собр.]

Берёзки под окошко, помню, вот мы рубили в детстве, ставили, вкапывали.

[— *В Кодэ*, да? — Собр.]

В Кодэ. И вот в таких деревнях, и в *Ча́добце*.

[— А почему было так, что ты моих коров подоишь, а я твоих? — Собр.]

А потому что каждый-то день на остров одному-то ездить тяжело, моторов не было, надо же было грести вёслами. Вот пять человек в лодку садятся, там пять-шесть человек соберутся.

Кто доит каждый день этих коров, кто через день чередуются. Там надо дома управиться и на работу в колхоз бежать, а тут и на остров надо съездить подоить. Это надо вставать рано. Да хоть по очереди, вот и соблюдали. Договаривались. Так и доили.

[456 (12)]. *Записано в 2007 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Анны Фёдоровны Чесноковой (1938 г.р.), с. Чадобец Кежемского района Красноярского края (ЛА).*

ГУ́СЕВКА. *Топоним.* Название населённого пункта, расположенного на острове Тургенев на реке Ангаре (Кежемский район Красноярского края).

[— А бабушка Ваша откуда? — Собр.]

Она *гу́севка*. *Гу́севка* на острову́ была (остров Тургенев), там три деревни было: *Алёшкина* была, *Гу́севка* была, *Займка* была. Дак вот между *Алёшкиной* и *Займкой-то Гу́севка* была, вот тут три километра *от Займки*, вот здесь *Гу́севка*, где *Гу́севка* была, потом их соединили.

[506 (12)]. *Записано в 1995 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Николая Терентьевича Заборцева (1928 г.р.), с. Недокуры Кежемского района Красноярского края (ЛА).*

На одном острове, вот *на Тургене́ве*, было три деревни у нас. На одной стороне была *Займка*, а на другой стороне-то *Алёшкино*. И *от* между ними *Гу́севка*, а там местность — *Дедушкин*, туда ездили по смородину (...). И вот было небольшое озеро *Затопу́чий*, там коноплѣ мочили. Раньше коноплѣ же сеяли.

Вот мы с мамой, помню, эти *сусло́ны-то*, *снопы́ от* эти она вязала, это коноплѣ, и осенью опускали в озеро. И когда уже покрывалось это озеро-то льдом, оно, видимо, там становилось как мягче, стержень-то. Раньше же его потом рубили, были таки деревянная *мялка*, *от*, вот этот пучок-то клали в эту *мялку*, длинная была палка была, и мяли его, прижимали, чтоб оно было мягче. Эти ткали же, ткали этот холст, полотно. Мы ж носили, сарафаны нам шили, сумки, штаны, *от* это я ещё *это место* захватила. *Затопу́чий* назывался. Потом там дальше как место, *Запрото́чка* у нас. В сторону раньше был... Потом *Запрото́чка*. *Затопу́чий*, *Запрото́чка*, *от* это, ага, *Дедушкин* <...>. И *от* в сторону туда, *Дедушкин* как проедешь, мы ездили по ягоды, по смородину, а там было место — *Камешек*,

уже ближе как к *Алёшикино*, *Камешкин* туда, собирали больше, было много рыжиков, собирали рыжики *от алёшинские* и *мы, займские*.

Гусевка была у нас. Раньше там жили, деревня была, сеяли зерно, держали скота, коров доили, доярки там жили, *Гусевка*, три километра *от Займки*.

[507 (12)]. Записано в 2004 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Татьяны Ивановны Сизых (1938 г.р.), с. Паново Кежемского района Красноярского края (ЛА).

У нас на острову, остров вот *Тургенев*, у нас там было три деревни: *Гусевка*, *Займка* и *Алёшикино*, дак каждый участок имел своё название. И всё это было корчёвано топором и пилой, да. Всё старики сами, своими семьями.

[— Как назывались эти участки земли? — Собир.]

И вот как начнёшь *по Кежемской матерой*, значит, перва *Юрточка* была, *Юрточка*, *У Юрточки*, говорили, — видимо, там юрта была, и называли *У Юрточки*. Там пашня была, пахота там была, да. *Юрточка*, потом *Согра*, потом *Берямба*, потом *Сухая*, потом *Карыба*. На острову: *У Соснового*, *У Ручьёв*, *На Ширё*. Ой, да всё не перечислишь!

[— А вот *Карыба* — это что такое? — Собир.]

А это *счас* там Таёжный стоит. Это речка, по речке. *От Карыба* и *Берямба*, а речка *Берямба* (...). Ну, покосы-то больше на островах были. На островах, острова, по Ангаре-то островов полно ведь. Да затопило этой ГЭС. Мы-то помним, что ГЭСов ещё не было.... Мы ещё захватили, когда ледоход-то был свободный, лёд-то свободно по Ангаре-то шёл. А *счас-то* ведь нигде ледохода никакого нет...

[511 (12)]. Записано в 2001 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Анны Михайловны Сизых (1936 г.р.), с. Недокуры Кежемского района Красноярского края (ЛА).

ГУСЕВОЙ², -ого, м. **Работник, в обязанности которого входило сгонять диких гусей с суслонов на поле в период уборки урожая.**

И на *чекурах* охотились. Когда гусей вот много было здесь, много было гусей на Ангаре, иногда вот так на десять метров друг с другом разговаривать нельзя было — вот такой гам стоял.

И вот сорок первый, сорок второй, и до войны ещё, и особенно в войну, остров *Букóшин*, и когда *снопы*, *суслоны* эти понаставят, специально выделяли одного старичка — *гусево́го*, — вот он с этой плёткой с длинной на лошадь — и гонял гусей *с суслонов*, чтоб хлеб не поедали <...>. А он с одного поля их угонит — они на другой прилетят.

[— Так их что, не добывали здесь, Владимир Ильич, да?.. — Собир.]

А добывать-то сильно их не добывали, потому что времени не было стрелять. Во-первых, все на войне были мужчины, самые настоящие охотники (остались одни старики да подростки), и пороха не было, и дороги не были — ничего не было.

[515 (12)]. Записано в 1998 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Владимира Ильича Привалихина (1929 г.р.), с. Простихино Кежемского района Красноярского края (ЛА).

ДЕКАТЬСЯ, -ается; *прош.* декалось; *безл., несов.* **Казаться, мерещиться, чудиться, представляться в воображении.** Ср.: **БЛАЗНИТЬ, БЛÁЗНИТЬ, БЛАЗНИТЬСЯ.**

Это *декалось* или *въявь* было. Тётя Пана рассказывала, и мама рассказывала. Ну, тётя Пана-то, Царство Небёсное, тоже уже это... Ну и оне, *гыт*, за коровами бязим. Бязим, *гыт*, бязим, и где, говорит, это... Рано же поднимались-то. А чё?! *В девках* же, надявать некого. *Чирки́*, говорит, если наденешь, на бóсу ногу, а по росе, рано утром-то по росе-то, *гыт*, холодно. И вот, *гыт*, подождёшь, *гыт*, ноги-то, говорит, и посикают, и ноги-то погреваются *в чирка́х-то*, *саки-то* набягут туда, *в чирки́-то*, и погреваются ноги-то. И опеть, *гыт*, бязим за коровами-то. Бязим, *грит*, бязим за коровами-то. Как собирать их будем? И, *грит*, бязит с нам Анна. Я, *гыт*, говорю:

— Симка, дак а Анна-то, — *гыт*, — дома была. А она, — *гыт*, — с чего бязит-то?

А у ней волосы, *гыт*, длинные, она, *гыт*, *от* так распустила, *гыт*, их. Это совсем не она. Она-то дома осталась, тама в избушке, а оне побяжали за коровами. Она говорит, *гыт*, распустила вот так косы-то, *гыт*, в платье, *гыт*, и бяжит, *гыт*, стороной от нас. А я, *гыт*, говорю, мама-то говорит:

— Анна, дак ты с чего там стороной-то бяжишь? Ты, — *гыт*, — к нам, — *гыт*, — иди. — (Бяжит, — *гыт*, — стороной). — Ты чё, — *гыт*, — ладно ли? Бяжишь-то стороной-то. Ты, — *гыт*, — к нам подбгай-то.

А она, *гыт*, бяжит, говорит, и мы, *гыт*, её сюда рвяём-то, *гыт*, коров-то обгонять сюда, а она, *гыт*, стороной бяжит. Ой! Я, *гыт*, у Параньки спрашиваю:

— Паранька, — *говрю*, — ты рвя́и-ка, — говорит, — она, — *грит*, — может, меня-то не слышит, — *гыт*, — рвя́и ты!

Вот рвяёт:

— Анна, дак а ты с чё, — говорит, — стороной-то бяжишь?

А она бяжит. Пришли, *грит*, в избушку, пригнали, заходим в избушку. Анна-то, *грит*, сидит на нарах-то.

— Дак ты, — *грит*, — никуда не ходила?

— А куда, — *грит*, — я?

Она, *гыт*, волосья расчесыват. А волосья, *гыт*, длинные.

— Дак ты, — говорит, — *счас*... Мы, — *гыт*, — тебя *счас* видели, — говорит, — с нами, — *гыт*, — коров гонишь стороной.

Она *гыт*:

— Я *счас* только встала, — говорит.

И кто, *гыт*, был, сами, *гыт*, не знаем. Уж тут-то, *гыт*, не то что спали, а *в вид*, говорит, *видели*. И кто бяжал, говорит, не знам, кто бяжал. А думали, *гыт*, Анна. Вот тако бывало. И потом-то мама-то боялась, страшно боялась, вот когда *это место-то*. Так будто боявая была, а вот боялась, *де дэкалось-то*. Параньке *гыт*:

— Я больше, — *гыт*, — не пойду за коровами рано.

[— А где *дэкалось*? — Собир.].

Это на *Букóшине*, на острову́. Там они *весновáли*, жили там и пахали, там и сеяли. И *от* там *имя́м* как вроде *дэкалось*.

[416 (13)]. Записано в 2001 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Зои Михайловны Быковой (1951 г.р.), с. Усольцево Кежемского района Красноярского края (ЛА).

ДАВО́К, -вкá, м. 4. Груз, предмет, предназначенный для придавливания чего-либо; гнёт. Ср.: ДАВУ́ШКА во 2-м знач.

До двадцать пятого августа никто не имел права ехать ни за какой ягодой. Была *запрета*. Но украдкой за день, за два мы с девчонками поедем на остров у нас *Пáрта*, от деревни туда вверх. Не знай, *сколь* кило́метров, но далековато, много маленьких *шивёрок*. И вот мы три-четыре девчонки поедем туда, по эту, по смородину. Приедем поздно уже, темно.

Потом по бруснику в *Гу́севку* бегали тоже. Три нас подружки собирали за день, за два, *от* и украдкой. А так, если найдут, что до срока собрала, у тебя ягоду выбрасывали и топтали на берегу ли где-то ли. Это было запрещено <...>. Ну, за день, бывало, за два и всё равно украдёшь.

[— А за этим следил-то колхоз? — Собир.].

Председатель сельсовета ли там ещё его окружённые какие, там у него были, кого он выделял.

[— Этот обычай, Татьяна Ивановна, он же ещё со старины?.. — Собир.].

А я не знаю, как он, дак много лет, видимо, было всё это, у стариков. Дак раньше чё, сахару-ту шибко и вдоволь-то и на что купить-то не было <...>. А вот именно чтоб ждали.

Да и, а когда собирать-то? Были на работе, работали. Когда собирать-то? Это не *счас*, что мы едем, ягода чуть котора покраснела, оне *без ума* едут собирать. Было запрещено, да, это было.

Не было холодильников, а вот это и сахару мало было, а заливали в бочки и водой и делали *давóк*, придавлили там дощечкой или чем-то ли и сверху груз делали.

[— В бочки и груз, так она же вся подавится? — Слуш.]

Нет. Но так, не сильно *давóк* чтоб, так, а сверху чтоб ягоду прикрыть, а не то чтоб рассол был наверху, как у рыбы, так. Потом приходишь черпашь поварёшкой ли ложкой. До весны хранилось. А вот смородину собирали когда, мама её как-то в печи вялила, в печи сушила, подсушивала, и потом кисель варили зимой, из брусники, и из этой. Голубицу тоже так же, в *туеске* хранили, немножечко там пересыпешь сахаром <...>. Но собирали такое количество ягод, чтоб можно было её не испортить, а израсходовать за зиму, до лета, до весны.

[50 (13)]. Записано в 2001 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Татьяны Ивановны Сизых (1938 г.р.), с. Паново Кежемского района Красноярского края (ЛА).

ДЕВЯТОЧКА. *ТРИ ДЕВЯТОЧКИ ВЫВОДИТЬ. *Народ. медиц.* В народной медицине: проводить три раза по девять лечебных сеансов посредством заговора и магических действий.

Мужик-то мой утонул, похоронили, всё, и он ходить стал. Ходил, ходил, вот за этого-то я и связалась с другим: боялася, он ходил больше года. Меня вылечила старуха, здесь наговаривала. Если бы не старуха, он бы, может, и увёл бы меня. Хоть и мама была, и ходила каждый день ночевать ко мне, и он всё равно ходил. И там, уже на острову, стали работать, ходил. Я шибко тосковала *об нём*, и он ходил. Вот сижу или работаю, и *тоскнóу*, и *тоскнóу*, и *тоскнóу*. И вот телятнице говорю:

— Полинка, вон, вишь, Ваня едет.

Он же шофёр был на машине.

— Он откуда возьмётся? Он же похороненный, — станет говорить. — Откуда?

А потом думаю: «Откуда?» Мы в старой избе жили. А вот года три там сгорели. И сгорели от проводки, чё-то получилось, и вот мы в эту дедушкину избу, пришла я. Так вот и живу сейчас. Ходил. Лягу... Известно, на работу стала ходить, ребятишки маленькие, мама ночевала, ходила. Придёт, как машина едет, приехала машина, стала стукаться:

— Аннушка, ну-ка, открывай!

Я соскочу:

— Мама, Ваня приехал. Видишь, машина.

Ой, она:

— Он откуда возьмётся?

Она начнёт мне:

— Он откуда?

Потом думаю: «Он откуда придёт?». А мне казалось, что приедет. Там, на острову жили (тогда-то пасли-то коров сами, пастухов же не было, по два человека), говорю:

— Полинка, вон, видишь, Ванька, давай вместе уедем на машине.

А потом стали замечать, что с головой у меня чё-то неладно. Полинка стала бояться.

— Тётя Лена, мне боязно с ней ходить.

На звук куда-то всё иду, там, дескать, машина, и Ваня меня зовёт всё. А потом мама стала, старуху из *Усольцевой* привезли, и вот уже старушка меня наговаривала. Первый раз она меня позвала в баню, и эта старуха облила меня водой, и у меня сразу *свет скрыла*, сляпая стала. Минут десять, может, света не было, а потом всё. И вот эта старушка меня вылечила. Но она долго ходила наговаривала, *три девяточки выводила, три девяточки выводила*. Месяц одну *девяточку выводила*, месяц — другу. И вот потом отошла.

[347 (13)]. Записано в 1989 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Анны Алексеевны Усольцевой (1925 г.р.), с. Паново Кежемского района Красноярского края (ЛА).

ДЕДУШКИН. *Микротопоним. Название местности в Кежемском районе Красноярского края.*

[— Татьяна Ивановна, а ягоду эту раньше как хранили? Вот сахару-то не было? — Собир.].

А сахару-то... Так вот спелую-то и брали. В основном брали бруснику. Она же ведь не требует сахара, она всю зиму хранится. А если брали смородину, то её сушили. Вот помню, мама у нас на листьях. Тоже *в вольный жар*, она засохнет, и потом кисель с ней варили. Кипятком заварить, вместе с киселём... с крахмал-то делали свой, картошку тёрли и делали кисель.

[— А смородина-то у вас какая росла? — Собир.].

Чёрная смородина. Нет-нет! Дикая, дикая! На острове *на Тургёневе*, там у нас граница между *Алёшкиной* и *Заимкой*, называлось *Дёдушкин*. Место *Дёдушкин*. Место это, *грань* как вроде разделяла.

[— Там два села же вроде было. — Слуш.].

Да. На одной стороне *Заимка* вот так стояла, поперёк острова, а вдоль, на другом конце *Тургенева*, — *Алёшкино* <...>. Вот там мы брали смородину.

[398 (13)]. *Записано в 2003 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Татьяны Ивановны Сизых (1938 г.р.), с. Паново Кежемского района Красноярского края (ЛА).*

ДЕНЬ. *ЖИВОЙ ДЕНЬ. *Конкретный (световой) день, в течение которого требовалось осуществить какое-либо важное дело.*

Раньше же на каждую ягоду был *бой*. Вот *брусницу* брали *токо* после *Ивановы дни*. Когда картошки копать начинали, тогда и *брусницу* брали. Это *счас* её *белобокую* вытаскуют и *багреть* не дадут. А раньше *токо* перед *Ивановым днём* брали, перед картошками.

Раньше все в одно время. Всем *бой* был в одно время. А черёмуху брали, когда уже половина сенокоса. *За живой день* — кто куда! Кто заранее приглядит.

А тут недалёко *Каменный* [остров. — Г.В. А.-М.] был. А на этом на острову ягода рожалась, *брюшница*, вот в августе этот остров начинат *багреть* — о-о-ой! Как сукно, красно! Всё время собирали. Вот мы немножко-то были, *ешио* не работали, собьёмся в лодку: я, Михаил, брат, Иван и *ешио* кто-нибудь с нам, набьём *яшики*, ведра — и *на гребях*. Моторов-то не было раньше, и туды, на этот *на Каменный*. Там ночуем, огонь разожгём и ночуем. Насобираем во *всюё* посуду — и домой. Дома *опростаем* и опеть идём.

А *чичас* кака ягода?! Её *зеленюм бьют*, всю утаскывают. У ней вкус-то какой, она же *добром-то* не поспет. А в неё сахару-то валить-то надо — ой-ё-ёй! А раньше же сахару не было, её никогда не варили, не засыпали <...>. *Токо* голубицу, в бочки её насыпешь и засыпешь её сахаром. Вот и всё. И она стоит.

[497 (13)]. *Записано в 1993 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В., Соловьёвой М.Р. от Таисии Васильевны Карнауковой (1923 г.р.), с. Кеуль Усть-Илимского района Иркутской области (ФА ИГПУ).*

ДЕРЕВНЯ. *ДЕРЕВНЯ ОСТРОВНАЯ. *Деревня, расположенная на острове.*

Вот наша *Черно́ва* она же *островная деревня*. Кругом её Ангара. Остров наш, он семнадцать километров длиной. У нас лес там был, бóльшая половина леса, а тут поля были: хлеб сеяли, пшеницу, овёс сеяли. А через реку остров *Каменный*, там много лесу, там избушки были, на покосы ездили, сено косить ездили туда. И сеяли пшеницу там, и вот там люди жили в избушках. Но постоянно не жили там. Зимой не жили, *в деревне* своей жили *в островной*. А на нашем острову тоже были поля, пшеницу садили, овёс, и в самом конце острова там можно было покосить, косили. Ну, это уже кто старше стали, не могут ехать на другой остров, поближе. Покосы были.

[— На самом острове охотилась, да? — Собир.].

В петли ловили зайцев зимой, куропатки были, а потом их не стало. И куропаток стреляли. Куропатка как курица, только белая. Зимой белая, потому что прячется. Если видит, что кто-то есть, прячется прямо в сугроб. Соболя добывали, белку.

У нас хорошее место было. Но вот видите, как сложилось, что люди все повыехали. А знаете, такая деревня... У нас улица была одна длинная, а вторая чуть-чуть с краю, там несколько домов, наверно, дома четыре, магазин и такой вот рúчей был. Через рúчей перейдёшь, там уже как бы соединяется, опять одна улица получаются. И вот старые никому не разрешали ездить ни на лошади чтоб там, ни на телеге — нет! Раньше же у нас машин там не было. Трактора и комбайны — вот и весь транспорт. И лошадь ещё. Сани и телега была для лошади. Старые люди запрещали, ругались, не дай Бог, кто с трактористов если выедет на улицу...

А улица зелёная, вся в травочке, только посреди улицы тропинка, где ходили, вытоптали, вот протоптали одну тропиночку, и вот от каждого дома на эту тропиночку тоже тропинка. И зелень кругом. *Браво!* В детстве дождик пройдёт, босиком бежишь по лужам. Оно, знаете, зелень чистая, дождиком обмоет, глаз радуется всему. А дорога была для трактора, для комбайна за деревней. Там уже — пожалуйста, езжай! Встанет, если ему остановиться, домой пришёл, пообедал там или за запчастями или за чем, и всё, и так же ушёл. Пешком. Он к дому не подъедет. За деревней трактор ставит. И никто не топтал в деревне (...).

[— А лошади где ездили, Мария Сергеевна? На телегах-то? — Слуш.].

А телеги ездили тоже там же ж, за деревней (...). Была заимка, заимка была у нас, такой амбар, и там хранилось зерно колхозное. А мы гулять туда ходили. И там к Ангаре откос такой, и там за деревней всё, потому что люди наработались, отдыхать им надо, а мы будем кричать. Вот мы ходили, за деревней там хорошо было тоже. Смотришь, а через Ангару *остров Каменный* наш, и когда тихо, Ангара спокойная такая, а лес в Ангаре отражается, как в зеркале купается. *Браво* так, чисто, воздух хороший.

А если кто-то есть на рыбалке (на рыбалку ездили на лодках, тогда моторов не было, *на гребях*), дак слышно, как они там или песенку попевают потихоньку или — что вот кто-то едет уже — как вёсла скрипят. Ага, надо бежать бегом домой, потому что едут с рыбалки, а то скажут: «Куда убежали?!». Встречаешь, бежишь на Ангару, встречаешь, помогаешь нести. Когда улов, радуются все. Помогаем рыбу нести, считаем сколько. И красную рыбу, *самолóвы* ставили. То рано надо было вставать, часа в три, наверно, ночи, и ехали, тоже *на гребях*, едешь. Ну, это на глубине большой ставится.

[— А вы сами ставили? — Собир.].

Ставила! С папой. Я помню, попала нам стерлядь большая, папа завалил её себе на плечо, *за шáглы* (жабры) держит — нести-то как? — дак ещё по полу хвост тащился. А папа он где-то метр восемьдесят был.

[— Выше человеческого роста стерлядь! — Собир.].

Да-а-а! И мы почти целое ведро икры с неё набрали. А раньше куда её было? Сколько могли и ели, раздавали по людям (...). Знаете, вот сейчас если б было у меня столько денег, я бы купила эту землю, вот свой остров, купила б землю и развела бы для начала скотину, коровку, чтоб молоко было. А потом бы посмотрела... Можно было и технику какую-то купить, распахать поля, посеять пшеницу, там ещё что-нибудь. Так красиво, остров высоко над Ангарой, и вот когда было всё хорошо, зелень, дома. Неопишуемая картина, особенно когда тихая, спокойная Ангара, не бурлит, волн нет — так красиво! С одной стороны через реку *остров Каменный*, а напротив *матерá* (*матера* называется), *кátская сторона*.

[— *Чернóво* ближе к *кátской стороне*? — Собир.].

Нет. К *Кéулю*. Она, знаете, как вот, как по центру Ангары стоит наш остров, туда взад *Березóво*, а в эту сторону уже просто *матерá*, *катская сторона* идёт. И вот там утёс у нас, и на этом утёсе просто природа как нарисовала как сохатый: прямо вот так мох как-то сделано, и вот как будто бы у него во лбу белое пятёнышко, такое треугольное пятно. Когда весной всё распускается, зеленеет, и вот в июне месяце уже заметно хорошо становится.

Уехали с таких красивых мест!

[527 (13)]. Записано в 1994 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Марии Сергеевны Милинчук (1931 г.р.), с. Кеуль Усть-Илимского района Иркутской области (ЛА).

ДЕРЕВЯШКА¹, -и, ж. Деревянная лодка.

Деревяшки раньше были — *бурунду́чки*. Долблены-то. Куда ты *на ей* уедешь? Здесь долблена не идёт. Отец-то делал.

[— Из какого дерева делали? — Собир.].

Сосна. *Деннице* вытёшивашь и потом эти напиливашь, *боковики́*. Старайся больше её делать, пошире и подлиннее. Раньше же вот с островов хлеб возили, кулей десять — пятнадцать нагрузишь, на свой остров везёшь *на Березовский*, там подходят сани. Выгрузил, и опеть. Вот навозишь полные сани, и трактор пошёл домой — ожидаешь. Там выгрузят, приедут — опеть *на его наваживашь*.

[550 (13)]. Записано в 2003 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Николая Александровича Анкудинова (1939 г.р.), с. Ёдорма Усть-Илимского района Иркутской области (ЛА).

ДИЧА́ТЬ, -аю, -аешь; несов., неперех. **2. Буйно шалить, резвиться, баловаться.**

[— А раньше здесь же *нёвонские* косили... А где ещё их покосы?.. Вниз туда, по Ангаре?.. — Собир.].

А покосы и *на Берёзов* остров сейчас ездят косят. У кого коровы-то, они ездят по островам косят, и везде, и *по Нёвонке*, там участки есть даже, косят ходят. Вот ездили мы косили *на Берёзовом*, там же, где покос. А где там по берегам вот идёт долина, и коси ты её. И даже у нас вот здесь *счас* залито. У нас был *Талóвик* — о-ой! Вот летом ездили *на Талóвик* на этот косили. Он большо-о-ой, *Талóвик*, был. Там знаешь, сколько было *стогóв*! Косишь, косишь... Вот Валин муж первый был, о-о-ой, такой был! Вот косим, косим, жара такая. Вот начнёт *дича́ть*, всех *в оде́же* в воду! Всех искупают. Веселей было раньше <...>.

[— А от чего *дича́л*?.. — Собир.].

Просто играли. Отдыхать *сэдут*, а оне чё:

— Чё сидите? Давайте купаться.

Столкнёт, и друг вот и пойдёт друг дружку. А потом всё, отожмёшься да опеть идёшь работать. То грести, то косить (...).

[— Девки в чисто одевались. Как на праздник же шли на покос-то. — Слуш.].

Да, да, да! Что ты?! Оденешься, платьишко тоненькое оденешь, чтоб тебя... Но раньше-то комары были. Тоже то *личинку*, сетку тюлевую наденешь, то эту... О-ой, *по Иросáмам* ходили, наденешь эту сетку тканую-то, *дыха́ть* нечем <...>. Всё равно в речку купались бегали.

[— *По Иросáмам* ходили?.. — Собир.].

Но. Косили *в Иросáмах*, где вот *Иросáма* — речка.

[120 (14)]. Записано в 2000 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Евдокии Лаврентьевны Анучиной (1927 г.р.), пос. Невон Усть-Илимского района Иркутской области (ЛА).

ДОЁЛКА, -и, ж. **2. Доение, дойка коров.** Ср.: **ДОЁНКА, ДОЁНКА** во 2-м знач.

Коров доили летом-то прямо в Ангаре. Тут и лошади, тут и коровы, и мы купаемся. А коров-то перявозим на остров, вот так брядёшь, выгоняешь их (...).

Мошка́-то навалится — коров-то в реке доишь. Ведро повесишь на шею, сама в воде корову доишь. А корову доить — она же башкой-то бьётся: *мошка́-то*. *Мошка́-то* заедат — оне *брóдом бря́дут*, на ходу успеваешь доить. Доишь *де ни́мо, де...*

Доили на островах (коровы-то там же летом), подоиник вешали на шею и в воде доили, по коленку в воде. А котора ляга́тся, привяжут к забору её, да она *пону́жат*, дак молоко проливали, вёдра проливали с молоком. Вот *доёлка-то* эта.

[197 (14)]. Записано в 2004 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Лукерьи Михайловны Дашкиной (1939 г.р.), пос. Кежма Кежемского района Красноярского края (ЛА).

ДОЁНКА, -и, ж. Доение, дойка коров. Ср.: **ДОЁЛКА** во 2-м знач., **ДОЁНКА** во 2-м знач.

Мы девчонками были как *дóйками* и работали, вроде старались. *Аксёновские*... Там год проработаем — пятнадцать копеек на трудодень, а в *Аксёновой* опять там по двадцать. Рядом коровы: у них *на Ириндáх*, у нас там *на Тунгусском*. Всё на островах же. Мы уедем вечером и там ночуем. Тоже было, то ли издевательство было, то ли надо так было, то ли как ли уж. Уедем туда и там ночуем. Там баки в воду поставим, чтобы молоко не скисло. Утром *на доёнку*, подоим там, потому что на себе *бечевóй*, надо же ехать-то туда на себе и туда грести, хоть это по течению, а всё равно грести на этих *нады*, на *вёслах*. Вот уедем вечером *на доёнку* на эту, там подоим и там останемся. Утром подоим, прямо туда, *на нашу матеру́* переедем и сюда *бечевóй бежим* босиком.

[— А дети ваши где были? — Собир.]

А дети-то дома со старухами оставались. *Кода* я уж за Ваню-то вышла, стала... Дак я уж потом телятницей перешла, когда полно-то было ребятишек-то, уже нарожала-то. Телятницей — что хоть дома. Тут вот к речке туда ездили на этот, за речку там. Телята-то были, да что хоть ночь-то дома, а день-то на работе. Туда уедем утром или вечером, *от* и так и ходили туда-сюда. Сами не видели и ребятишки не видели добра (...). *С Коровóго* поедем мы, и туда поём, и сюда, и плачем, и поём, и всяко было. И в воду убежим <...>. А которы просто трудодни получали, вон как Лидка.

[198 (14)]. Записано в 2004 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Анны Алексеевны Усольцевой (1935 г.р.), с. Паново Кежемского района Красноярского края (ЛА).

Я с четырнадцати лет стала *на доёнке*. Я здорова была такая, и вот пошла в *дóйки* сразу. И всю жизнь, семнадцать лет на животноводстве. У меня стажу-то сорок восемь лет и девять месяцев. Вот я всю жизнь на животноводстве, восемнадцать лет проработала (...).

И вот я в *дóйках* как была, нас шесть человек, *девок* шесть человек: Лиза Ада́мовна, Катя, Наташина мать, Катькина мать. Вот эти вот немки, *оне взáмужем* были. И три девчонки были с ними. *Оне* хорошо с нами.

Всяки же, и *оне* тоже всяки были, немцы-то. Там вот *оне* в рыбалке, здесь бригада была рыбацкая *на Курéйном*, на острову́. В *Курье́* ставили там ловушки всё и добывали окуней. Эта бригада была специальна, эту рыбу давали колхозникам, возили бочками. Так, конечно, заругаются на немцев на этих:

— Э-э-э, вы фашисты! Надо было вас давно уж убить!

Мало ли бывает вот так. А у нас в *дóйках* хорошо *девки* с нами, хорошо относились, и мы к ним. Раз *оне* хорошо, а зачем мы будем к ним лезти-то, езди они хорошо. У нас Катя *дóйкой* была старшей, мы её как-то слушались, и ничего, что и девчонками были. Она умела с нам как-то разговаривать. Чё, мы *ешио* девчоночками, *коо*, и поиграть охота, и поспать, и убягали, и всяко тоже было, что неохота было *на турнёп* идти. **На доёнку-то** ходили, боялись.

А ездили *на гребя́х* на себе, *на Коровóй* надо ехать, на остров-то. Съездим, а в серёдку день надо идти. То убяжим куда-нибудь, то *коо*... То там стога были, оставались, мы туда лягем отдыхать-то охота), а она нас подымат-подымат:

— Идите, *девки*, идите!

А мы тоже, ну чё, известно тоже, и она понимала, что тяжело, всё равно — куда дываться-то? Заплачет, а нам опять её жалко станет. Она не знат, кого сделать-то, она заплачет. А нам жалко её станет, мы опять пойдём, опять работаем, ладно-неладно. А так хорошо она с нами относилась, тётя Катя вот была там, она хорошо.

[199 (14)]. Записано в 1999 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Анны Алексеевны Усольцевой (1935 г.р.), с. Паново Кежемского района Красноярского края (ЛА).

ДОЙКА ¹, -и, ж. **Доярка**.

И на *весно́вку*, и *осенова́ли*, и *весно́вали*, Галя, тоже. Там бараки у нас на *Курейном* были, *дойки* жили. Вот там *осенова́ли*. Коров загоним в эти во дворы, доили коров. Сепаратор там был у нас, и всё. Вот и жили. Еды туда с собой набярём. Ряка пока не пройдёт. Ряка пройдёт, мы домой переезжаем. Потом на *плашкоте* опять ездили коров доили.

[— Рано вставали, да?.. — Собир.].

В чатыре часа, полчатвёртого, ты что! *Ели* я дежурная, двенадцать *доек*, надо всех перебегать ведь, всю *Панову*. Вот и встаёшь в чатыре или пол-третьего и *оббега́шь* всю *Панову*, чтоб *плашкóт-то*... эти *дойки-то* не опоздали, мы.

[— На *плашкóт*? — Собир.].

На *плашкóт*. На *плашкóт*, ну, молоко возили.

[— А вы-то почему должны оббежать? — Собир.].

А я *сёдня* дежурная, завтра твоя очередь — ты завтра оббега́й.

[— А *весно́вка-то* когда это происходила? — Собир.].

Вясной, вясной. Ну, ряка пока стоит. Это, однако, в мае и перевозимся мы. В мае перевезёмся туда. Набрём туда... Ой, Троица! Там избушки, там эти, полушалки *бравые*! Ой, там зелень у нас! Бараки стоят, а тут в логу́ у нас коровы доились. Бани, всё прямо. Ой, там же весело, весёлле там у нас было, весёлле, весёлле.

[259 (14)]. Записано в 1992 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Лукерьи Михайловны Дашкиной (1939 г.р.), пос. Кежма Кежемского района Красноярского края (ЛА).

ДОРО́ГА. *РУ́БЛЕНАЯ ДОРО́ГА. Дорога, проложенная по льду замёрзшей реки; ледовая дорога. Ср.: *БЕ́ЛАЯ ДОРО́ГА, ДОРО́ГА ТОРОСНА́Я.

Ну а в декабре уже *рубленые доро́ги*, *руб́или* же раньше *доро́ги-то*. По всёй Ангаре рубили. Каждая деревня свою половину рубила, от половины до половины. Уже знали кому. Допустим, в *Карапчанку* мы до *Толстого мыса* доходили, *нёвонские*. До *Толстого мыса* десять кило́метров. А там уже *Карапчанка* рубила дальше. А потом от *Карапчанки*. Вверх потом рубила. Мы на низ рубили, к *Тушáме*. Половина-то приходишь <...>. Вот остров *Берёзов* у нас, от у нас тут половина.

[— Остров *Берёзов*, половину вы сделали, а туда кто половину делал? — Собир.].

А там *Тушáма* уже делала. Сюда половина и туда половина.

[— Вениамин Иванович, а *нёвонские* как собирались раньше? — Слуш.].

А это весь народ отправляли <...>.

[— Мужчины?.. — Собир.].

Мужчины и женщины, дак все ездили, рубили.

[— А как чистили? — Собир.].

Топором рубили. *Торосá* были же, и рубили топорами, лёд рубили. Там таки горы нагораживало. И вперёд идёт проводник, выбирает, где поменьше *торосу*. А за нём уже идут и *рубят доро́гу*. Лошади идут. Ты прорубишь, дойдёшь десять кило́метров. *Отту́ль* чё, пешком домой пойдёшь? Садись на лошадей, ну, *след-то* надо *давать*. Ставили вехи, чтоб видно было, где дорога идёт.

[— А колотые как? — Собир.].

Ну, как вот? *Тешá* [обтёсанная круглая жердь. — Г.В. А.-М.] она сосновая, ставили её. *Элив* воткнуть нельзя, значит, льдом обкладывали, и чтоб она стояла, прижимали.

[— Вот пришли мы, там торос. Кто? Мужики сильные сначала рубили торос? — Слуш.].

Ну, изрубаешь, чтоб больших *тороси́н-то* не было... Сани-то можно переломать. Оне же... там лёд-то чё ж? Изрубали, мелко делали. Измельчишь, а потом постепенно снегом заваливат, и натаптываются, и всё.

[— Примерно какая ширина была дороги? — Собир.].

Ну, *де-то*, как тебе, метра два, может <...>.

[— Вениамин Иванович, а рубили в декабре же? — Собир.].

Да. Уже в начале декабря рубишь <...>. Все ангарские деревни рубили. Кругом же **рубленные доро́ги**.

[— Такой обычаем, стариковский был обычай. — Слуш.].

Да. Ну а как ездить-то? *На Берёзовом* пашня была.

[— *Берёзовый остров*. Пашня была? — Собир.].

Пашня. Сеяли. Там у нас корма были, их возить надо было *оттудова*. На остров *Нижний* — сенокосные угодья были, сено косили. Его скоту-то надо тоже возить. Дак *по торосам* же прыгать не будешь, с возом сена. И рубили поэтому.

[— И женщины и мужчины? — Собир.].

Все. Всех выгоняли, всех.

[— На целый день уезжали? — Собир.].

Да. *Покуда* не кончат всю, *покуль* не закончат.

[— За день сколько могли сделать... километров? — Слуш.].

Ну, *всяко*. Где смотря. Если гладко где стоял, выбирали, *торосу* нету, дак можно за день *до Берёзового* доехать, ну, двадцать километров. Бывает, просто гладко замёрзнет, *гололядкой*, прихватило морозом его сразу, и он замёрз, да и всё и... Там рубить-то не надо. Садись на сани и пошёл на лошадях.

[— Вениамин Иванович, а там, наверно, потом и обедали все вместе? — Собир.].

Нет. Не обедали. Я сколько ездил, ну, кусок кто-то заберёт в пазуху, *элив исть* захочешь, и всё. А так никакой обед никто там не устраивал. Нет. *На выдержку* всё делали.

[458 (14)]. Записано в 1997 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Вениамина Ивановича Карнаухова (1930 г.р.), пос. Невон Усть-Илимского района Иркутской области (ЛА).

ДО́ЧКА. Зооним. Кличка коровы.

На острове *на Курейный* там коров держали. Вот на этом *Курейном* мы приезжали на лодке и доили этих коров. Выйдем *на угорчик*, а там была пригорка такая, и залив был, заходил в этот островок. Вот пристанем до залива на лодке этой, бежим *на угорчик*, надо покричать коров-ту. У меня там *До́чка* была, хорошая корова, *бесхвостая*. Она два телёнка мне приносила в год, вот эта коровочка *До́чка*, чёрная. А хвост она оставила в лесу. По лесу-ту ходили и как-то оторвала его в лесу. Приехали мы *на Еловый* доить коров, она пришла вся в кровё. Тут чё? Забинтовали, она ходила целый месяц, бедная коровочка. Отелится, восемнадцать дней пройдёт, она опять запросит быка. Вот два раз телилась в год <...>.

Я *до́йкой* была десять лет. Шали были раньше, такие шали, в шальях ходили больших с кистями. Шали большие, клетчатые. Ну и чё, и дали эту шаль мне, премия. Что я выпоила, выкормила этих телят. А срок дадут, *сколь* коров держишь, *столь* и телят выпоить. А она телилась два раз, *До́чка* моя. Я ж лишнего телёнка скормлю. Пока телится, четыре раз доишь, четверо суток четыре раз доишь её, и телёнка поишь. А потом три раз, переходишь, пятнадцать дней — и сдаёшь в телятник.

[503 (14)]. Записано в 1997 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Людмилы Фёдоровны Пановой (1920 г.р.), г. Усть-Илимск Усть-Илимского района Иркутской области (ЛА).

ЕВДОКІ́Я-КАПЛЮ́ЖНИЦА. *Народ. календ.* В православном календаре: 1 марта по ст. ст. (14 марта по нов. ст.). День памяти Евдокии Илиопольской, игумении, преподобномученицы. Начало весны. Ср.: **АВДОКЕ́И, АВДОКЕ́И-КАПЛЮ́ЖНИЦЫ, АВДОКЕ́ИН ДЕНЬ, АВДОКЕ́Я-КАПЛЮ́ЖНИЦА, АВДОКІ́И, АВДОКІ́И ДЕНЬ, АВДОКІ́И-КАПЛЮ́ЖНИЦЫ, АВДОКІ́И-ПЛЕЩУ́ХИ, АВДОКІ́И-ПЛЮЩИ́ХИ, АВДОКІ́Я, АВДОКІ́Я-ВЕСНО́ВКА, АВДОКІ́Я-КАПЛЮ́ЖНИЦА, АВДОКІ́Я-ПЛЮЩИ́ХА, ЕВДОКЕ́Я, ЕВДОКЕ́Я-КАПЛЮ́ЖНИЦА, ЕВДОКЕ́Я-ПЛЮЩИ́ХА, ЕВДОКІ́Я.**

На острову́, на *Большом острову́*, жили там, *весновáли* (...).

А так-то мы на *матерé* жили, а на *весно́вке* там жили. И вот я там родилась на *Большом острову́*. Там избушка была, поля распахали там. Хозяйство своё держали. И вот весной *весновáли* там, туда уезжают, пока лёд ещё на Ангаре, по льду уезжают и выезжают только уже осенью.

И вот я родилась там, на острову́, на *Пáршиных*, там место такое на острову́. А старшая сестра моя жила у тётки Домны. И она жила там, училась в школе. Евдокия, Дуня звали её. А я родилась первого марта. Первого марта по-старому, а четырнадцатого — это по-новому. А они же жили по старинке, мама с папой, да и все тогда жили по старинке. И вот когда Ангара *открылась*, папа поехал на *матеру́*, а мама говорит:

— Ты девчонку-то запиши в сельсовете.

— Ладно.

А как раз первого или четырнадцатого марта *Евдоки́ин день, Евдоки́я-Капли́жница*. И всё. Он поехал, пришёл в сельсовет:

— Вот девчонку мне надо записать.

— Как назовёте?

— Дак Дунькой назовём.

И так и записали. Приехал, мама говорит:

— Ну, чё, записал девчонку-то?

— Записал.

— Как записал?

— Дунька.

— Ты чё, чёрт с тобой. У нас же уже есть Дунька-то. Ты куда её записал?

[— А Дунька уже была? — Собир.].

Да. Старшая-то училась там в школе.

[— Дак он что, почему так сделал? Забыл, что ли? — Собир.].

<...>. Ну, раз в *Евдоки́ю, Евдоки́ю-Капли́жницу* раз родилась она...

[— И записали Дунькой. — Слуш.].

Да, и всё. И так и росли: Дуня маленькая и Дуня большая.

[— Я вам рассказывала: у меня у дедушки в семье было трое Шур. — Слуш.].

[— Много же детей было раньше. *Закружáшь* здесь. — Слуш.].

Ну а тут же я родилась в *Евдоки́ю*. Его спрашивают:

— Когда родилась?

Он *грит*:

— Первого марта.

— Первого марта, а раз *Евдоки́я*, — говорит, — как назовём? Дунька, раз в *Евдоки́ю* родилась. И всё. И я теперь и в паспорте первого марта.

[— А вы какая по счёту-то были, тётка Дуся?... — Слуш.].

Шестая. До сих пор родственники мои, и дети, и внуки всё: «Дак, баба, когда у тебя день рождения?». Так они придут и первого, и ещё и четырнадцатого.

[367 (15)]. *Записано в 1998 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Евдокии Кузьминичны Рукоусевой (1932 г.р.), с. Кежма Кежемского района Красноярского края (ЛА).*

ЭЛИШНЫЙ. *ЭЛИШНЫЙ СУЧОК. Самодельный барометр из елового сучка (бокового отростка от ствола ели). Ср.: ЕЛІНКА, ЕЛУШКА во 2-м знач.

[— Екатерина Павловна, а как раньше на Ангаре узнавали погоду?.. По приметам, может?.. — Собир.].

А *элишний сучок* был. Его приколачивали к стенке в улицу где-нибудь. Прибьют к забору там, у дома или в снях. И если к плохой погоде, он поворачивается-поворачивается, этот *элишний сучок*, ага, а к хорошей погоде он прямо стоит. Если снизу тянет, ветер сюда, как вверх, сюда быдто, вверх, эта *низовка-то*, *низовка* тянет, то погода хороша будет. А если сверху Ангары, оттуда, погода плоха будет, ненастная, всё — это уж жди *дожж*. Или зимой снег жди. Это всегда так.

Как мы раньше *он* на покосах косили, в покос-то раньше везде на островах-то жили (Ангара-то она вся в островах же), *житьём жили*. Как *верховá* потянула, скорé, бригадир: — Скорé давайте!

Грести сено там, *подмётывать*, в *зародья метать* скорé, что будет ненастье, *дожж* будет, всё. Вот тут торопишься, до тьма, до ночи *вóшкашься*, работаешь. Мы же сено гребли-то, траву-то, мы-то в *кóпны*. В *кóпны*, а потом *зарод мечешь*. *Зароды* большие *вымётывашь*. Но. *Зародья*. Вот и скорé *мечешь*, скорé: погода плохая будет, сверху идёт ветер. И вот это *по верхóвке*.

[488 (15)]. Записано в 2000 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Екатерины Павловны Волошиной (1926 г.р.), с. Заледеево Кежемского района Красноярского края (ЛА).

ЕЛÓВИК. Микротопоним. Название острова на реке Ангаре, находящегося в пользовании жителей села Панóво Кежемского района Красноярского края (до затопления в связи с пуском Богучанской ГЭС).

У нас *на Елóвике*, на острову, были овечки все. Весь остров *Елóвик* под овечек был, овечий остров, овец там держали, и колхозны там были, и частников. И вот наповадила рысь. Рысь давила, и медведи ходили, да много *давили* (...).

Ну, на этом *на Елóвике* мой *тятя* наш был сторожем. Мало было ещё дома работы, дак сторожил *ешио* там. Собаки были хорошие, охотничьи. Собаки прибежали, а он у лодки делал кого-то, *туесóчки* делали (надо было ко крышкам *рúчечки* делать), прибежали собаки, а одна-то собака такая шершавая такая, *гыт*. *Тятя* мне говорит:

— Вот ты сегодня осторожней там, ведь сегодня Мишка-то Якимов *дóбыли* ведь медведя-то.

А мы доили на этом *на Курéйном*, а от *Курéйного-то на Елóвик-то* небольшая проточка-то была, коровы-то плавали взад-вперёд. *Дóбыли* <...>. Прямо он поплыл *на матеру*, оне прямо с берега его убили.

А рыси были! Рыси как собаки, овец *давили*.

[492 (15)]. Записано в 1982 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Евдокии Фёдоровны Пановой (1922 г.р.), с. Недокуры Кежемского района Красноярского края (ЛА).

На Ангаре же много островов было: *Сосновый остров*, *Берёзов*, *Пáхотный*, *Елóвик*, там овечек всё держали. *Конный* был остров. Это всё *займские*, вокруг острова *Тургенева*. Остров *Тургенев*. Ну, *Гусевский островок* назывался, *Медвежий остров*. Ну, там у *Алёшкиной* были свои острова. У *Займки* были, у деревни <...>. *Медвежий остров*, но он

был как и *займский* половина, и половина *алёшкинский*.

[493 (15)]. Записано в 2003 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Николая Иннокентьевича Заборцева (1926 г.р.), с. Недокура Кежемского района Красноярского края (ЛА).

ЕЛО́ВИЧЕК. *Микротопоним.* Название острова на реке Ангаре, находящегося в пользовании жителей села Панóво Кежемского района Красноярского края (до затопления в связи с пуском Богучанской ГЭС).

По ягоды когда поедем, на Курéйном жили там, на острову́, уедем туда, чарёмуха там, брусника тут, на островах там, за Курéйным там островок есть, туда ездили по кислицу.

[— Анна Алексеевна, а как он называется? — Собир.]

Ело́вичек. На Ело́вичке...

[495 (15)]. Записано в 2000 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Анны Алексеевны Усольцевой (1935 г.р.), с. Паново Кежемского района Красноярского края (ЛА).

ЕРШО́ВА ЧИ́СТКА. *Микротопоним.* Название поля (в прошлом — пашни), находившегося близ деревни Туша́ма Усть-Илимского района Иркутской области (ныне эта территория затоплена в связи с пуском Богучанской ГЭС).

Там у нас у каждого — названия — *чи́стки* были: *Петряна́ чи́стка*, *Еришо́ва чи́стка* там... *Чи́стки* назывались.

[— Еще какие *чи́стки*? — Собир.]

Значит, *Сило́хины* там *чи́стки* есть: там, значить, *Парфёновы* там есть, такая, потом *Киселёва*, *Полио́новских*. Вот дедушка мой *Полио́н* — *Полио́новски* там. Раньше нас на острова́ перевозили [зерновые сеять. — Г.В. А.-М.], вот на *Сосновый́*, там сто гéктар, а — по́ льду. Ангара стоит, значит, — туда зерно завозим, там амбары есть. Завозят туда всё, лошадей туда перегоняют, перевозят всё это по́ льду и переезжают... бригада целая туда. Пахаря <...>, и все. И там, значит, *весну́ют*, пока Ангара... Она проходила где-то в мае, числа, может, десятого мая *токо*. Речка вперёд проходила [ледоход на реках, впадающих в Ангару, начинался раньше, чем на Ангаре. — Г.В. А.-М.], вот эта *Туша́ма* проходила, а там Ангара стояла. Вот и на островах — более-менее быстрее там это — и земля сохнет, она песчаная там.

[571 (15)]. Записано в 1993 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Григория Васильевича Еманова (1930 г.р.), д. Тушама Усть-Илимского района Иркутской области (ФА ИПТУ).

ЕРШО́ВСКИЙ ПОРО́Г. *Микротопоним.* Название порога, находившегося на реке Ангаре ниже деревни Подъелáнки и выше села Воробьево и существовавшего до затопления в связи с пуском Усть-Илимской ГЭС (Усть-Илимский район Иркутской области). Ср.: ЕРШО́ВСКИЕ ПОРО́ГИ.

Вот этот *Ершо́вский поро́г*, он же страшный был. Там *Ушкáник* и *Тунгусский острова*, и вот между ними *Боя́рские ворота*. Там не дай Бог в них было попасть! Вон тётя Дуся рассказыват. Они с острова... На островах были поля. Хлеб кончился — что-то они делали, вот как раз вот поставило лёд. Ну, встало... Встал порог, и это... И они выбрали (хлеба нет) всё и решили идти. И вот мы, *гыт*, идём. Она *гыт*, идём, а он... посмотрим — вдалеке льдины ставит, ломает и ставит, ломает и ставит. Ну, стена пятиэтажного дома, такая льдина, он выламывает её. И они бегом бежали. А вот который не успел бежать — всё вот, и концы

пришли. Ну, вот они переходили с острова *на матеру́*, в деревню шли.

[588 (15)]. Записано в 1987 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Кирилла Назаровича Сизых (1926 г.р.), с. Ершово Усть-Илимского района Иркутской области (ЛА).

ЖИТЬ. *ЖИТЬ ЖИТЬЁМ. Жить, долго находиться в каком-либо месте.

Селенгино́ он же большой остров. А пашни-то и на той стороне, *матерá* на той стороне, пахали, сеяли *на матерé* там. И на островах сеяли. А *весновáли*, *осеновáли* на *Сергу́шкином*, вот там и *жи́ли житьём*. Он недалеко, остров *Сергу́шкин*. Весной завозили нас по льду по весеннему. Уже вот-вот лёд должно пронести. Ну а перевозили сначала лошадей. Ну а потом, когда вот лёд уже совсем рыхлый, ставили сани, на сани ставили лодку и вот толкали, бежали, чтобы *эзли́в* лёд где провалится, дак чтобы не провалиться, за лодку держались. Вот так перебегали через реку Ангару.

[— А что на *Сергу́шкином* делали? Собир.].

Ну а там чё?! Пахали, боронили, сеяли там, пока вот *весновáли* там.

[— И до какого времени? — Собир.].

А реку пронесёт, и всё. Потом как отсеются. А отсеялись, и сразу домой. *Весновáли*, пока пашню пахали. Вот с мая месяца там и боронили, и пахали. А потом домой. А летом снова заезжали, жали. Сожнут, *скирды́* сделают, этот хлеб сложат, снопы. А зимой возили нас на лошадях, трактор-колёсник и то, что *мака́* назывались. А потом там же жили, молотили.

[— Что называлось? — Собир.].

Мака́. Вот это, где прицепляли к трактору ремень одевали-ка, и трактор работает, и вот это хлеб, который молотил на зерно, снопы в барабан, и в барабан спускали, и вот...

[— Не поняла.... Что такое *мака́*?.. — Собир.].

Ну, вот комбайн идёт, он сам жнёт, сам жнёт и пшеницу ссыпает, а здесь... Там *кода* привозят эти снопы, набрасывают, и стоят пять человек, трактор вот *мака́*, вот такая машина стоит, трактор заводят, колёсник, широкий такой ремень и одеют, и она начинат работать, и *от* точно так же он, как комбайн, только он не ходит. И нарезаешь эти снопы, в барабан пускает туда и солома выходит, и мякина выходит, и пшеница. И пожалуйста, и солому отгребают, и мякину отгребают, отвозят, и кули подставляют, пшеница куда идёт. Но она *токо* она вот стоит, работает от трактора, ремнём. А комбайн он чё, идёт, собирает. А эта как вот называется, называли *мака́*.

[— А осенью? — Собир.].

А осень, осенью жали — тоже *жи́ли житьём*. Или бы уезжали жали на лошадях. Лошади вот идут и хлеб и жнут. Ну а за лошадьёю несколько так идёшь. Хорошо *эли́в* хороший хлеб и *несорни́стый*, его в *сусло́ны* вяжешь. А но-ка, *эли́в* когда *жабрéй*, вот эта трава колючая-то, *жабрéй*, дак руки все ведь искалывашь. Вот и вязали хлеб.

[280 (16)]. Записано в 2003 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Анны Селифонтьевны Звездовой (1933 г.р.), пос. Кежда Кежемского района Красноярского края (ЛА).

Но хлеб-то жали. Там через Ангару переедут на остров. Как *Мозговá*, а там остров. Мы там снопы вязали, *житьём* тоже *жи́ли*. Там баня, бараки, там всё, там *анба́ры* под зерно, там всё было. Но были столы-то, повар был у нас там. Молодёжь вся там. Большие столы стояли, длинные. А она наредится, *ашеу́льница* была, эта Нинка-то, наредится, оденет

лохмотья какие-то, *наздеёт* на себя, ага. И без штанов, *никоо* не стесняются.

А мы все сидим, ребята, девки — *полно́* там. Она тут как встанет, у стола, и начнёт вертеться по столам, начнёт вертеться по столам, через голову, через голову, а жопа-то голая остаётся. Ой, да так хохотались мы над ней! Такая *ашеульница* была! Всё время *шучила* она. А мы хохотали. То *наденется* старичонком, *наредится*, *бьжит*, всё наголе у ней, *бьжит*. Старичонком *наредится*, ага, *бьжит* голая. *Токо* жопа сверкат.

<...>. Мы же *каждый* день работали, *каждый*, на работе с ночи до ночи. Вот *токо* ночью успевали, *шучили*. Лампочки горели, лампы горели такие, зажигалки эти, зажигали керосинные. Но. Вот там успевали.

[— ...Её как звали?.. — Собир.].

Нина. Захряпина *фамиль* у неё.

[— ...Фамилия-то *мозговская*, да? — Собир.].

Но.

[281 (16)]. Записано в 1987 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Екатерины Павловны Волошиной (1926 г.р.), с. Заледеево Кежемского района Красноярского края (ЛА).

ЗАВЕРШИВАТЬ, -аю, -аешь; *несов., перех.* (см.: *сов. ЗАВЕРШИТЬ*). **Заканчивать** укладку стога сена, зарода, скирды и т. п.; **заканчивать**, **доводить доверху** (стог, зарод и т. п.). Ср.: **ВЕРШИТЬ**.

Барна́уль остров или по-другому *Бурначо́к*. Он небольшой. Весной заезжали *на Марты́ново* пахать и сеять. Мы пахать-то уезжали, когда дома посеем, а потом уж туды весной едем. А семена-то там оставляем, там сторож находится. Косили *кóсами*. В *Марты́новой* там у нас тоже был этот участок. Потом были *суэбни*, вот там распахано всё уже, назывались *суэбни*. Это всё моя бригада! А потом у нас *Бурна́уль* был, *Бурначо́к* (ниже *Берёзовой* деревни, за тридцать километров), вот этот островок мы ездили тоже косили. Вот такую даль! Вот раньше чей-то был он, этот *Бурначо́к*, и его, наш когда колхоз организовался, забрали, и так мы тоже ездили его косили. Он *небольшенький* был. Но травянистый был, травы много *тама-ка*. А зимой вывозили на лошадях. Делали *зарóды*.

Я сама стояла *на зарóде*. Я стою *на зарóде*... Вот *напримерно* такой ширины *зарóд*, вот такой длинный, как вот этот мой дом. Я стою *на зарóде*, с той стороны и с другой бросают мне вилами сено.

И вот бросают, я топчу, идёт широкий, широкий, когда выше начинают, я его суживаю. А потом начинаю *завёршивать* (...).

[— А как *завёршивать*? — Собир.].

А *завёршивать* уже конусом, чтоб вода скатывалась. А подпоры делали снизу *на бадага́х*. Рубили сосновы *бадаги́* и *на бадаги́* поднимали, чтоб он не качался, не упал. Ну, *езлиф дождж* льёт, мочит, тогда осину в серёдку подтыкаешь, чтоб не гнило.

[465 (16)]. Записано в 1988 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Валентины Терентьевны Анкудиновой (1926 г.р.), п. Невон Усть-Илимского района Иркутской области (ЛА).

ЗАЙМКА. *Топоним*. **Название населённого пункта, находившегося в Кежемском районе Красноярского края (до затопления в связи с пуском Богучанской ГЭС).**

А эта *Займка*, деревня-то, она на острове *Тургенев*. Пятьдесят километров *от Кéжмы*

<...>.

[— Расскажите, какие у вас покосы были, *в Займке*, какие помните? — Собир.]

Ну, *Пахотный*, самый большой остров был, *Пахотный*, он и *счас* ещё живой. А вот *счас* вы пристали, вот сюда, на нашу *матеру́*, а напротив-то это остров. *По-за* нему *ешио* река небольшая, и по-за этой, и *Тургенев* — там *ешио* река, там *ешио* островки. Если бы тут не было *от* этих островов, *Тургенев* и *Пахотна*, тут, наверно, километров пять ширина бы Ангара была, если островов бы не было.

[— Пять-то нет. — Слуш.]

Бу-у-удет, Михайловна! Ну, вот где эта *Пахотна*, да там эта узкая река, да шириной...

[— Да самое широкое место у нас вот здесь. — Слуш.]

Да. Остров *Тургенёв*. Ещё *Берёзов*, ещё *Сосновый*. Это острова, это уже там, вот *от Таёжного* <...>.

[— А *Пахотный*? — Собир.]

Пахотный-то вот напротив, где вы пристали, через реку, там *Пахотный*, вот там самые большие покосы были. А вот этот *Пахотный*, он большой, *от Гли́нки* и вот туда, семь километров. Его разделят *Курья́*. Вот та *верхня сторона* была *займская*, как *Пахотный*, *займски* там они косили, там и коров держали. А *от Курьи́* и вот эта часть — *недоку́рская* часть была опять.

[— А *Курья́* — это речка? — Собир.]

Это речечка такая. Ну, между островами протоки бывают, а то такая же, как протока называется, только она с одного конца. Там-то у ней нету течения, там она *глухая*, ну, как вот такая вот полоска воды. Она глубокая, там рыбы было полно. *По большой воде-то* она выходит. Но когда вода-то уж маленька, дак она весной, начала-то есть и рыбу добывают там. А *счас* зарастат всё.

[12 (17)]. Записано в 1999 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Анны Михайловны Сизых (1936 г.р.), с. Недокуры Кежемского района Красноярского края (ЛА).

Займка-то она *счас-то* снесена, несколько лет тому подряд было прощание *с Займкой*. По зоне затопления. Ну, съезжались все, кто раньше проживал в деревне, а потом кто-то уехал там в Красноярск, кто-то в другие деревни: *в Ке́жму*, *в Таёжный*, в лесопромхозы, *Недоку́ра*. И вот в восемьдесят девятом году было прощание с Ангарой, *с Займкой* с нашей. Её уже нет, как там жителей уже много не живёт, там несколько человек. Дали квартиры, получили по зоне затопления *в Ко́динске*.

[— *Займка* — это на берегу? — Собир.]

Нет. На острове *Тургенев*. А на другой стороне острова деревня *Алёшкина* была. Её тоже уже всю сожгли как по зоне затопления. А вот эта деревня у нас *Паново* ещё она держится вроде. Нет такого разрушения, как в других.

[— А *в Займке-то* сколько было дворов? — Собир.]

Большая тоже была деревня. Это вторая уже была *Займка*, первая сгорела. А вот эта уже вторая была *Займка*.

[— Эта первая была деревня там же? — Собир.]

Там же, на этом же месте, сгоревшая. Был пожар, и вся почти деревня сгорела.

[— Ну, дворов-то сколько было: двадцать или сколько? — Собир.].

Дворов, наверно, до ста было. Вот такая же деревня, как *Панóво*. Да, большая-большая была деревня <...>.

[— А остров *Тургенев-то*? — Собир.].

Остров *Тургенев*. Большой остров.

[16 (17)]. Записано в 1999 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Татьяны Ивановны Сизых (1938 г.р.), с. Паново Кежемского района Красноярского края (ЛА).

[— А бабушка жила тоже *в Займке*? — Собир.].

Да. *В* этой *Займке*. Мужа у ней расстреляли — ей было тридцать три года. Вот шли тогда белые, красные, Колчак вот в это время когда шёл, и тоже в деревне-то *ить* друг друга продавали и расстреливали. И вот она осталась с тремя детьми <...>. А ну, они были победнее, их не раскулачивали. Бедно они, бедненько жили. Ну, мужа у ней расстреляли. Что она там одна будет с детьми? Да в каждой деревне здесь было такая история.

[— Бабушка была по маме? — Собир.].

По отцу. Вот их три брата остались, как три сына у матери. Она воспитывала их с деверем их. А по маме тоже много — это многодетная была семья: четыре брата было, четыре сестры.

[— Они тоже *в Займке*? — Собир.].

Тоже *в Займке* (...).

[— А *в Займке* раньше-то вот как были, какие уголья, где хлеб сеяли? — Собир.].

А хлеб сеяли прямо в самой деревне, разрабатывали поля.

[— Прямо на острове, да? — Собир.].

На острове. Вот у нас *в Панóво* на островах сеют: *Курéйный*, *Басковóй*. А там прямо у нас в самой деревне. У нас не было островных посевов.

[17 (17)]. Записано в 1997 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Татьяны Ивановны Сизых (1938 г.р.), с. Паново Кежемского района Красноярского края (ЛА).

ЗАЙМСКАЯ ШИВЕРÁ. *Гидроним.* Название порога (каменистого мелководного участка русла), находившегося близ острова Тургенев (на котором была расположена деревня Займка) на реке Ангаре до затопления в связи с пуском Богучанской ГЭС.

[— Валентин Григорьевич, вот про рыбалку, водные пути-то мы не спросили вас вчера. Ваш же дедушка, вы говорили, водил катера... — Слуш.].

Но <...>. А я-то недалеко ездил. Ну, до *Займки*, там *Займская шиверá-то*, ездешь. Я тут крутился. Доярок возил, сено возил. В четыре утра встаёшь, и к двенадцати ночи являешься. В четыре встаёшь, в пятом доярок надо везти на *Большой остров*, от *Кежмы* туда, где *Большой остров*. Они доят где-то часов до одиннадцати дня. Домой их привозишь — с одиннадцати где-то до трёх часов. В четыре опять надо везти. У всех семьи, у доярок, у всех огороды. И каждый день без выходных — что у меня, что у них — всё лето. В воскресенье или в субботу едешь, везёшь *дóек*, смотришь: эти все едут на рыбалки, по

грибы, все отдыхают. Думаешь: «Господи, у них *счас* пенсия повышенная, а у нас, у работяг...».

[— А вот, когда катера не было, доярки же всё равно там на острове? — Собир.].

Раньше, так *на гребях* опять. Вёсла. Погребки-ка! На каждое весло по три человека. Вёсла же большие, тяжёлые. Три человека берутся за весло, и тут три человека. А если не выходит, так *ешишо* там добавляют, верёвку привязывают, помогают верёвкой!

[— А лодка как называлась сама, на чём плыли *на гребях* доярки? — Собир.].

Перевозня.

[— *Перевозня*? Большая такая, да? — Собир.].

Да. Ну, метров, наверное, десять длина. Больше, наверное, больше. И ширина метра два-три.

[— Ну, как лодка, да? — Собир.].

Ну, облегчённую делают для доярок, облегчённую делают.

[— И скот-то на острове, да? — Собир.].

Большинство на островах, *на выпасах*.

[— И они туда ездили доить? — Собир.].

Да. *На Сенном*, прямо у *Кежмы* остров *Сенной*. Потом *на Большом острове* их держали. *На Большом острове* перегораживали: одна половина *ростится* трава, не пускают скот, а на одной пасут. Когда там уже подсобьют, подьедят, скот-то, перегоняют на другую сторону.

[— Ой, деточки, вы-то милые мои, вы не знаете, какая вода-то чистая чистая в Ангаре! Хрусталь! — Слуш.].

Ну, как *зерькало*. Три-четыре метра все камушки видно!

[22 (17)]. Записано в 1999 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Михаила Елизаровича Лушниковца (1929 г.р.), с. Яркино Кежемского района Красноярского края (ЛА).

ЗАЛОМ³, -а, м. Торосы, нагромождение льдин на реке в период ледохода, скопление льда на берегу реки в период половодья.

[— А вот Ангара когда вставала, торосы же, говорят, были, да большие?.. Дорогу сами чистили? — Собир.].

Дороги ледовые чистили, чистили *на матеру*, топорами и этими... как же её... такая, долбят... *пешня*. Вот лом, *пешня*, топоры. Тороса́ большие, о-о-о! Тогда же ведь река-то шла когда, дак, не так, как *счас*. Всё как-то под лёд, под воду. А тогда, о-о-о! — такие тороса́. Прочистят и *на матеру* вот *на пановскую*, и по материку уже там выехать надо на сушу, *на саму матеру* <...>.

[— Вы не помните, когда трогается лёд, только вот река пошла, люди на берег не ходили? — Собир.].

Ой, все ходили смотрели. Шум! Она ворочает лёд-то, Ангара-то, такие горы! И где *заломы* делаются и вода заливается на острова, вот уезжают *весновать*, скот колхозный кормить там. Корма вот в деревне уже кончатся, а где покосы, там ещё сохраняются: вот где *зарод* сена стоял, или трава плохо выкошена может быть. Корма́ есть, и вот скот этот

перевозят.

Даκ вот, наш отец животноводом был там, и было такое наводнение, заторы вот, *аж* по самому острову вода-то разливалась, и скот поднимали на дворы, *на верх*, на крышу. Вот как её? Крыши-то, видимо, такой не было, она прямая, видимо, была у них, прямая, вот такая, и скот поднимали туда. Петухов, куриц понесёт. И всё затопляло, и избушки, всё.

[173 (17)]. *Записано в 1999 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Валентины Петровны Привалихиной (1936 г.р.), с. Паново Кежемского района Красноярского края (ЛА).*

ЗЕЛІ́НДОВСКИЙ О́СТРОВ. *Топоним.* Название острова на реке Ангаре, находившегося ниже села Ке́уля в Усть-Илимском районе Иркутской области (до затопления в связи с пуском Богучанской ГЭС).

[— А это *Мартыново-то*, это где было, *Мартыново*? — Собир.]

А *от* ниже, ниже *Мартыново Ке́уля*. Востров вот, она на острову́. Тама-ка, тама-ка и, моя, сено косили, тама-ка и хлеб убирали, там и молотили, и там жили рыбаки, рыбачили. Там же засолка была и всё было тама-ка. От этой *от Мартыновой* сюды маленько опеть *Сенно́й*, тут скот жил, вот так *на Сенно́м* на этом.

[— Даκ вот этот дом-то всё-таки *маячил*, да? — Собир.]

Ну а *счас* его давно уж сожгли уж на дрова. От этого опеть дома через реку преедешь, тама-ка опеть *Зелі́ндовский остров*. Ну, востров *Зелі́ндовский* <...>. *Зелі́нда*. Вот там тоже большой востров-то, тоже тама-ка сеяли хлеб, вот так, убирали.

[642 (17)]. *Записано в 1982 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Таусии Васильевны Карнауховой (1923 г.р.), с. Кеуль Усть-Илимского района Иркутской области (ЛА).*

ЗЕМЛЯ́. *ТЯЖЁЛАЯ ЗЕМЛЯ́. *Земледел.* Тяжёлая суглинистая почва; пахотная земля, которую трудно обрабатывать.

Здесь сеяли на островах, туда перевозили. Вот *Сосновый остров*, там сто гектар. А по льду перевозили. Ангара стоит, значит, туда. Зерно завозят туда, там *анба́ры* стоят, лошадей туда перегоняют, плуга перевозят, всё туда по льду. И переезжат туда пахаря́, се́яльшишки и там *весну́ют*, пока Ангара... А она у нас проходила где-то в мае, числа, может, десятого мая *токо*. Речка вперёд проходила, вот эта *Туша́ма* проходила. А там Ангара стояла. На островах быстрее земля сохнет, она песчаная там. И у нас в *Туша́ме*, она поправлялася раньше всех. Ну а уполномоченные же ходят:

— Надо в *Ке́уль*.

А в *Ке́уле тяжёлая земля́*. Кони наши там, оттуда кое-как пригоняют. Там она хоть *чёрная*, а она такая как суглинистая, она вроде *чёрная* такая. Оттуда там, помогали тоже. Куда денешься? Всё распоряжались. А надо, может, своё дело. Уполномоченный говорит:

— Не будете, значит, председатель, мы тебя посóдим. Ну, раз ты не хочешь...

Но

[11 (18)]. *Записано в 1993 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Григория Васильевича Еманова (1930 г.р.), д. Тушама Усть-Илимского района Иркутской области (ЛА).*

ИГРА́ТЬ. *РЕКА́ ИГРА́ЕТ. О весеннем разливе реки при таянии снега и вскрытии ото льда; о половодье.

[— Владимир Степанович, а нам рассказывали, говорили, *весновáли* на островах... *Весно́вка* — это что значит? — Собир.]

Весно́вка, ну, пока *река́ игра́ет*, нас на остров перевозят сеять, мы там и живём, домой

уже не ездим. Река, *покамест река не отыграет*.

[— *Река не отыграет?..* — Собир.].

Но. Не пройдёт. Ну, там готовим пашню, потом мы начинаем сеять. Ну а *коды* река прошла, к нам едет уже председатель колхоза, бригадир.

— *Сколь* вы там посеяли?

Ну, у нас там жил специальный человек, *групповод* будто бы был.

[— *Групповод?* — Собир.].

Да, он самый старший был, над нами руководил.

[— *И когда вы возвращались?* — Собир.].

Ну, может быть, как посеем на острову, значит, и через месяц — через полмесяца, вот так. Ну, вот у нас было один год, как войне кончиться, мы девятого мая посевну закончили. Девятого мая мы посевну закончили, в сорок пятом году <...>.

[— Владимир Степанович, вы говорите, *река́ игрáет*... — Собир.].

Но. Вот половодье-то весённое, вот и говорят, *река́ игрáет*.

[456 (18)]. Записано в 1999 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Владимира Степановича Привалихина (1931 г.р.), пос. Кежма Кежемского района Красноярского края (ЛА).

ИЗБУ́ШКА, -и, ж. 2. Небольшая жилая постройка, расположенная вдалеке от дома, на займке (на земельном участке, находящемся вдали от других пахотных земель или сенокосных угодий). Ср.: **ЗИМО́ВЬЕ** во 2-м знач., **ЗИМОВЬЁ** во 2-м знач.

На острову на *Курейном* много названий. Тут *Араповы* были, где бригада жила. Вот *Араповские избушки*, там были там *ихние избушки*, там уже *ихняя* бригада живёт, работают на покосе, на уборочной или сеют, и всё. Туда едут *весновать*. Едем и живём там, пока не посеют, там пашут ребята и там живут. Там покосы были на *нижней изголови*, *Курья*, *речка Курья*. За *Курей* у нас коровы были, мы туда пяшком бегали коров доить. Ну, километра два.

А там, на *Курейном*, всё время жили. Там *ешишо*, когда частные жили, вот эта была *Юрчиных избушка*, как мама говорила, это *Юрчиных избушка*, а вот эта *Шутиных изба*. Оне здесь жили, на *матерé*, а *избушки* у них были на острову.

[521 (18)]. Записано в 1989 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Анны Алексеевны Усольцевой (1925 г.р.), с. Паново Кежемского района Красноярского края (ЛА).

...Там *избушки*, на острову-то, да, *весновали*. Мы туда муку завозим, всё. Настряпаем и там *веснуём*, пока не посеем хлеб, пока река не пройдёт <...>. На острову жили, *весновали*, зерно мололи, дрова заготовливали. А потом мама всё (уже последний год войны), мама всё (у нас совсем голод был, совсем *исть* нечего было), мама всё поменяла в *Седанову* вот в эту. В *Седановой* урожай был. *К имьям* ездили. А не все же честны были. *Омманывали* которы. Привезёшь зерно, а там наполовину льда. Вот оттаешь да на печке высушишь, а потом на мельницу ташиишь.

А на мельницу тоже надо три километра идти, чтоб смолоть этот хлеб. Мы же на острову жили, *река-то портилась* рано, а хлеб-то не успевали, и на сани нагужишь (на лошадях уже ездить нельзя было, запретили), на сани нагужишь, и по три-четыре человека в сани запрягася и ташиишь вот эти три километра. Там вытаскашь хлеб, оттудова стаскашь опять мешки (*тода* же кулей не было, в мешках, *портяные* тканые мешки были), на сани, и опеть *вобратно* ташиишь домой. Пока потом река *распалится*, пока эти берега очистятся. На лодке же не можно будет ехать. Вот эдак жили.

Нам всех труднее было жить на острову. *Аникина* деревня на острову же: всё надо было на себе, всё на себе. Дрова тоже пилить пойдёшь — эти *забереги-то*, лёд-то выломатся, — вот спустися, вот так перебрёшь, на лёд вылезешь, отожмёшь эти свои *портянтишки-то* и бежишь восемьсот метров. Там прибежишь, спустися, перебрёшь, и потом в лес, и костёр разожгёшь, подсушися да и весь день пилишь опеть. Месяц апрель. Холодно! А река-то не ждёт! Вот мы на острове кто жил, *весновал*, нам всех труднее было. Какой же

год-то был?.. Чё-то забыла уж, в каком году-то, не успели мы пораньше *на заимку-то* перебраться. В апреле месяце уже уезжашь из дома, и всё. Ну, вот переташишился сюды, здесь перевезли нас на лодке через *зábерегу-то*. Туда мы *на нáрточках* приташишили свои шмутки-то, хлеб-то да всё, да продукты-то. Одних перевезли, а остальные остались *ешиш* на берегу, и реку — раз! — разорвало и понесло. Оне на льду остались. Но их потом уже, ниже туда деревни-то, на лодке забрали, перевезли.

Трудно было нам, нам на нашем... в нашей деревне жить. С *заимки* приедешь вечером поздно, надо всё это, плуги́, всё надо туды на остров перевезти, *кода* закончишь тут пахоту́-то всё-то. И вот и всю ночь и грузисся, возишь лошадей, да плуги, да бороны, да всё. Никаких ни вечеринок и никакого *весельства* не было: некогда было веселиться и вечеринки устраивать...

[522 (18)]. Записано в 1990 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Татьяны Васильевны Ведерниковой (1921 г.р.), с. Подъеланка Усть-Илимского района Иркутской области (ЛА).

Там *весно́вки*, на острову́, *Ела́нь* называлася остров, восемь кило́метров, там *избу́шки* были, вот там жили. С телятами там, кто так. Там хлеб чистили. Крутили *вэялки-то* эти, *треера́* эти, отобивали хлеб, чтоб чистый был. Хлеб, а тогда в заготовки плавили, хлеб сдавали же *ить*. Люди работали, день и ночь работали.

[523 (18)]. Записано в 2003 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Лидии Кирилловны Привалихиной (1940 г.р.), пос. Кежма Кежемского района Красноярского края (ЛА).

ИЗБУ́ШКИНО. Микротопоним. Название острова, находившегося на реке Ангаре ниже по течению от села Кеуль Усть-Илимского района Иркутской области (до затопления в связи с пуском Богучанской ГЭС).

Там остров *Берёзовый*, он двадцать пять кило́метров туда ниже *Кеуля*. Он *бравый* такой! А *о́кругом* него-то там же ещё острова, большие и маленькие: *Конный* остров, *Ка́менный* остров там, *Ело́вый*, *Избу́шкино*, а против — остров *Черно́во*, там тоже народ жил <...>. В шестьдесят девятом году уже там никого не стало, все переехали, с *Берёзова*. Большой остров-то был, дороги были, пересекали остров: Тракторная была, Боровая. Кирпичная, Чертёжная была. У каждой дороги своё было назначенье: по Чертёжной ходили туда веники ломать, а по Кирпичной — ходили за глиной (*печки* глиняны *били* же раньше). Она была хорошая, дорога. И по Тракторной там технику перевозили на другие острова <...>.

А *Берёзова-то* она славная деревня-то была, на втором *уго́ре* стояла, на правой стороне острова. А там вправо от деревни — *верхняя изго́ловь*, там поля были, они отсечены были боярышником от реки и черёмухой (...). А осенью-то всё красно́ было от боярышника от этого — как всё равно ковром устлано! А по берегам там рос лук. И вот когда ледоход прошёл, мы уже всё, бежали рвали этот лук береговой <...>. А по левую сторону от деревни — там лес стоял. Там и грибы в ельнике, и земляника, и брусника, да всё было. За земляникой, я помню, мы в июне бегали, она уж к этому времени поспела (она рано спела, к *Петрову дню* мы брали её). Рано утром пойдёшь, а к обеду были уже дома, придёшь с полными чашками. А душиста-то какая была! И вот когда хороший урожай, дак в остров за брусникой ходили, знашь, как по́ воду, с вёдрами на коромысле! А луг... На лугу там огороды были на три-четыре хозяина, *поско́тина* была, бани. Мы там играли, на лугу <...>.

Вот остров *Берёзовый* хороший был. А там как цветочек он, остров *Берёзовый*, а *о́кругом* вот эти острова: вот это *Ело́вый*, *Избу́шкино* (там ягоды хороши были), потом *Конный* остров, *Ка́менный* остров там, а напротив-то тоже же остров, остров *Черно́во*.

[526 (18)]. Записано в 2003 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Галины Михайловны Жмуровой (1952 г.р.), с. Кеуль Усть-Илимского района Иркутской области (ЛА).

И́ЗГОЛОВЬ, -и, ж. Оконечность (верхняя или нижняя) вытянутого вдоль русла реки острова. Ср.: ИЗГОЛÓВОК.

Сизóво-то на острову́. На острову́. Летом остров богатый был. Если бы только грунт-то

туды выше подошёл, и он бы остался живой, остров-то. Его... любовались просто над ним, ага, его бы оставили, куда там. Но грунт не подошёл под эту, под плотину-то, там, выше-то *от*. Это *от* от нас-то до *Бадáрмы* десять, и там до устья двенадцать, и потом там километра четыре *ешио* по Ангаре, и вот такие с обеих сторон, горы такие как бы, горы такі, не сильно высокие, вот как эти, *быкі-то*, а тоже горы оне. И *шиоки* их называли. Ага, *шиоки*. Здесь оне напротив вот так-*от* были *де*, и *от* тут-то и хотели её построить. Тогда бы и *Илім* весь остался живой бы, не затопило, и остров наш, ну, и суда ниже.

[— То есть это хотели выше *Иліма* сделать чуть-чуть? — Собир.]

Да, выше *Иліма*. Четыре или шесть. Ну, не шесть, однако, четыре. А грунт там не подошёл, грунт. *Сколь* его бурили, и он как тесто там, *гыт*, идёт, дно-то такое было. А *от* тут-то бурили — тут, *гыт*, идёт камень-сплошняк, и всё. Вот тут-то. Грунт тут хороший. Так и получилось, что вот затопили-то.

[— *На Сизóво*, говорят, поля сеяли. Там, говорят, хватало даже вот самого острова?.. Поля ещё были где и в других местах, кроме острова, да?.. — Слуш.]

Не, не, не, не! Земли у нас *ешио* хоть разрабатывай! Там он же такой, широкий, здоровый был остров. Там такой лес был! Вот сам остров высокий, вот самая его *ізголь-то* была, *вёрхняя-то*. Мы-то как-то бы посередине жили, наша деревня-то *Сизóво* была как бы посередине *ешио*. Там оставалось и суда. И от нас до *верхней* было шесть километров. И он, знаете, такой высокий был, красный такой *яр* такой был, ага, красивый! Идёшь, как мы *от* там по *угóру* идёшь — и как вот почва-то такая, сосны такие стоят, и сосны здоровые. И когда вот дальше плывёшь или даже едешь потом *от* зимой — как взглянешь на *его*, *христовай*, так он это, ну, *браво* стоит.

Это же такой красавец был! Такой красавец был остров. И всё-*от* затопили. И только, как он... *Чёрновскáй камень* назывался, он почему-то... Вот опять вот так было с этой стороны. На этой стороне вот на... *Бадáрминска* мы её называем, ну вот, вот это эта сторона, на ней был *Чёрновскáй* это *камень* вот такой *высокай*. Его *Чёрновским камнем* звали. И с этой стороны, вот с той, не с которой мы жили, а с другой стороны это острова, так и тоже такой же был. И оне тоже напротив почему-то были, вот эти камни-то, *Чёрновски камни*, ага. И он, *грит*, когда его затопило всё вот, и только, *гыт*, у *Чёрновского кáмня-то* вот верхушечка, *гыт*, маленько. Вот такá глыбина! Такой он *высокай* был!

[— Это *Чёрновский камень* на самом острове был? — Собир.]

Но. И не с той стороны, с которой деревня-то, а с глухой, с другой стороны он был, ага. С другой стороны он, этот *Чёрновскáй камень* был. И на *той* же стороне такая же скала. И оне были вот так напротив. *Шииоки-то*. И только вот на нашей-то, на острову-то вот этот, *гыт*, верхушка камня-то у этого осталась. И такой он *высокай* был! О-о-о! Любовались, и жалко его было затоплять. Но там грунт ни за что не подошёл. Его бы вырвало из такого грунта. Не подошёл он, и всё. И вот только тут. А тут, *гыт*, как стали бурить, он, *гыт*, без конца идёт этот, без конца идёт...

[558 (18)]. Записано в 1998 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Капиталины Александровны Москвиной (1929 г.р.), пос. Невон Усть-Илимского района Иркутской области (ЛА).

[— Анна Алексеевна, а на *Анікином острове* какая деревня была? — Собир.]

А там нету никакой. *Курейный* есть, ну, остров, туда к *Анікиной* туды, где *селенгінски* *избушки* были, туда, к *Анікиной* туды. Оне тоже ранше-то, *селенгінски-то*, жили на нашем же *Курейном*. Мы здесь, в середине у нас коровы, а у них там *на* той *ізголье*, на *вёрхной ізголье*. И у них на *вёрхной ізголье* *Курейного* были *избушки* ихние там. У них тоже там свои... Вот встретятся быки, если где там на покосе, — *бодутся* невыносимо, а *кода потона*, и оне... У нас-то здесь, где мы в середине, у нас-то лучше, повыше, а у них-то весь *Курейный* в воде был. И вот пригонят их, все в один двор сгоним, и даже никто не пошавелится — оне чуяли, что *потона* там, стоят как вкопанные все. Мы *дойками-то* были — часто *потона-то* была. И вот тут на остров-то... пригонят сюда, и *дойки* тут к нам, и коров тут пригоним, в один двор пригоним их — и всё, и оне стоят как всё равно вкопанные.

Боялися *пóлой воды́*, шибко боялися.

[559 (18)]. Записано в 1999 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Анны Алексеевны Усольцевой (1935 г.р.), с. Паново Кежемского района Красноярского края (ЛА).

На *О́на* коров держали, на острову́ там сеяли, пахали, осенью коров держали...

[— Ефросинья Ивановна, сколько километров длина этого острова *О́на*? — Собир.].

Кило́метра, наверно, четыре есть. Там косили *сáвински* и мы косили, сеяли. У нас было девяносто... поля большие, девяносто шесть гектар поле посева было и тридцать семь гектар покоса. На *О́не*. И там, и там половина, а здесь за речкой у нас пятьдесят два. Я всю землю перемеряла: пятьдесят два гектара поле (у нас поля сквозь, никаких закоулков нету), и сорок один гектар, вон видишь, всё покос, и там луг одиннадцать, там у нас двадцать семь гектар. Я всю землю перемеряла. А этот остров *Лиственничный* — это *Ка́тский*, но потом мы всё...

[— *Ка́тский* остров? — Собир.].

Ка́тский. Двадцать семь было покоса по берегу, и луг, и шестьдесят гектар было этого поля — всё одно поле. Всех лучше хлеб стряпался вот с этого острова, с *Лиственничного острова*. А вот я и говорю: а вот почему? Ангара разделила, вот *счас* взять, речка, речка разделила: здесь глина, а за речкой земля чёрная, рассыпчатая. *Счас от* Ангара разделила нас: там песок, а здесь глина. И на островах, ну, острова есть речные, там песчаная земля хорошая. А здесь-то? У нас здесь одна глина.

[— Ефросинья Ивановна, *сáвинские* на *Лиственничном*... А ещё где сеяли?.. — Собир.].

Сáвински... у них своё поле было, и сеяли на *О́не*. У них-то деревня больше была, чем у нас.

[— Это она напротив, да?.. — Собир.].

Вон *Сосновый* остров, вот *Лиственничный*, *О́на*. А вот сюда он остров, так *и́зголовь* *Сáвино*. А там *от Сáвино*, опять *Привали́хинский остров*, четыре километра.

[— А они же на острове? — Собир.].

На острову́. *Фролы́* на острову́, *Соколо́во* на острову́, *Усо́льцево* на острову́, *Селенги́но* на острову́. Потом пошли деревни *по матерé*: пошла эта *Панóва*, *Мозго́ва*, *Кéжма*. Потом на этой стороне... мы зовём *Куторéй*, а пишется по книге *Куторéйские*, на букву «х», *Хуторéйские* хребты. А мы зовём *Куторéя*. Вот сейчас взять, я... все зовут этот, *Угоя́н*. Самая верхняя фактория *по Ка́танге* была *Угоя́н*, а в книге пишется, я читала, *Уоя́н*. Потому что легче говорить — *Угоя́н*.

[560 (18)]. Записано в 1998 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Ефросиньи Ивановны Сизых (1932 г.р.), д. Ёдорма Усть-Илимского района Иркутской области (ЛА).

Ну, вот ещё Толик был когда у меня живой, я его просила:

— Толя, свози меня на родину.

Туда, в *Сáвино*. И вот я весь остров прошла пешком, и он меня высадил *на и́зголови*, там *на нижней*, и я всё... И вот мне кажется, что... ой, под этим кустиком мы косили, на этом кусту я собирала черёмуху, вот на этом кусту землянику собирала. И я добежала до кладбища до самого. Там уже всё провалилось, невозможно было. Поклонилась всем, и всё, и выбегаю к нему *на véрхнюю и́зголовь*. Он *гыт*:

— Ну, что, набегалась, да? Уж тут уж ты довольная.

Я *грю*:

— Толя, вот как будто бы я вот долг большущий отдала.

Это же моя земля, это же моё детство, всё тут. А вот ночевать-то мы никак не остались на этом острову́. Почему-то страшновато. И мы так прямо костёр разожгли, подальше, такой красивый. И я всю ночь просидела и проплакала. Родина есть одна.

[— Домов-то там не осталось? — Собир.].

Там домов уже нет, там всё посажгли. Вот и в *Привали́хино* всё посажгли. Ни в *Сáвино*, ни в *Привали́хино* нет ни одного дома.

[561 (18)]. Записано в 2003 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Валентины Ивановны Тримарёвой (1941 г.р.), пос. Кежма Кежемского района Красноярского края (ЛА).

ИЗРУГАТЬСЯ. *ИЗРУГАТЬСЯ В БОЖЕНЬКУ. Неодобр. Грубо выругаться с использованием нецензурных слов и выражений.

Мама рассказывала. Раньше же, говорит, рано вставали. Они же уезжали-то, там же *весновáli* на островах-то, *веснуют* с коровами и со всем же, уезжали туда. Вот она рассказывала, говорит, раньше же я-то, *гыт*, *отъявна* была.

[— Как была?.. — Слуш.].

Мама-то моя же она *отъявна* была, такая горячая была она же в работе, и всё прямо. И вот, говорит, и *кóней* если там запрягаю, тороплюсь, и всё и... Который раз и изругаюсь. И она же пахала сама на *кóнях*, и боронили, всё же на *кóнях* делали. И вот она говорит, я один раз *изругáлась в Бóженьку*, изругáлась, говорит... Ну, раньше же нельзя *ругаться* было в *Бóженьку*, а она вот так *изругáлась в Бóженьку*, и ей приснилось... Приснилось, и, говорит, я, *гыт*, и спать не спала, и она, говорит, ко мне пришла, *гыт*, женщина вся в белом. Вот похожа, *гыт*, как на Боженьку. Она, *гыт*, подошла ко мне и говорит... А я, говорит, или, *гыт*, заснула на коне. Ну, как? Пахала и *малёньки*, говорит, *воздремнóть*, или я *воздремну́ла*, или *не воздремну́ла*, говорит. Но, говорит, она, *гыт*, ко мне подошла и говорит:

— Девка! Ты, — *гыт*, — смотрю, — *гыт*, — хорошая, — говорит, — в работе, — говорит, — и горячая, но, — *грит*, — в *Бóженьку* больше не ругайся.

И вот с тех пор мама больше... Вот, говорит, хочу изругаться — кулаки, *гыт*, зажму и, говорит, это, стерплю, говорит. Не могу, *гыт*, уже ругаться: боюсь.

[614 (18)]. Записано в 2004 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Зои Михайловны Быковой (1951 г.р.), с. Усольцево Кежемского района Красноярского края (ЛА).

ИРИНДА́. Микротопоним. Название острова, находившегося на реке Ангаре ниже села Панóво Кежемского района Красноярского края (до затопления в связи с пуском Богучанской ГЭС).

Война когда началась, мы жили в *Ванавáре*, и вот и мама вышла *взáмуж-то*, и он говорит:

— Давай выезжать с *Ванавáры*, сюда же завоза никакого не будет, ни продуктов, ничего, и вы тут с голоду умрёте все в этой тайге.

Потому что всех мужиков заберут, и всё. И вот мы оттуда выехали обратно в *Панóво*.

[— Валентина Петровна, а отчима забрали на войну? — Собир.].

Забрали. Убили там одного, ага, убили.

[— А как вы жили? Мама с ребятишками, получается, одна здесь, как вот жили? — Собир.].

Да *поднимали* всяко, как все *поднимались*. Вот тут остров был, *Иринда́* называется, вот от *Панóвой* девять, однако, километров она, и вот *на Иринде́* мама там работала. Там скота сдавали туда все колхозы: и *Усольцево*, *Селенгино́* там, *Фролово*, все, *Панóво*. Колхозный скот сдают туда летом и кормят его до заморозков. Потом, когда дорога будет, замёрзнет река, и этого скота забивают. Вот мама на этом участке работала заведующей участка. Мальчишка, старший брат, учился в *Панóвой*. Он маленько поучился и всё время убегал из школы к маме *на Иринду́*. Мама его повезёт обратно в *Панóву* школу, чуть-чуть отвезёт его:

— Но беги, *счас* уж ты добежишь, уж деревню видно, беги! Мне ведь работать надо, там убирать за скотом, и всё.

Скота же полно́, по триста голов скота было. Он *токо* увидит, что мама заворотилась, чуть скрылась, заорёт:

— Ма-а-а-ама-а-а, ма-а-а-ама-а-а!

И обратно опять к ней бежит, мама опять заворачиват, опять подвезёт его маленько, сколько-нибудь:

— Ну, вот видишь деревню-то, уж *счас* видишь, вот беги, беги!

Он опять вот так же заорёт:

— Ма-а-а-ма, я с тобой, с тобой!

И вот так, ну, довезёт до деревни, оставит. Кого?! Неделю не доучится, а если проучится, дак это хорошо, неделю, — всё равно прибежит. В школу-то не очень пойдёт, а как увидит, кто воду возит или сено, выпросится *с íми*, и всё время на лошадях:

— Давай я тебе помогу!

Там дедушка ли дядя, всё на лошадях и на лошадях. И так ни черта не учился, мало кого-то, три, однако, класса кончил всего, не стал учиться. Так начал работать на забое, там же забивали скота, всегда зимой-то, и он там и работал, помогал там: чё принесёт, отнесёт. Мне уже девять лет было, надо было в школу. Меня тоже не отправляла мама: там же школы-то нету, остров же, и держать — платить же ведь надо. И вот, девять лет и... А потом уж она давай нас *в Кéжму* просить, чтоб перевели её *в Кежму*, и там мы уже все вместе. А *из Кéжмы, в Кéжме* пожил, его опять сюда, *в Панóву*, на работу отправили этого, отца-то. Опять сюда переезжали. Так и с места на место по деревням.

[136 (19)]. Записано в 1999 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Валентины Петровны Привалихиной (1936 г.р.), с. Паново Кежемского района Красноярского края (ЛА).

А мама на острову работала, вот *Иринда́*, остров *Иринда́*, вот на нём. Ну и *счас* когда за ягодами туда ездим... Там лес не валят, его мало совсем, там кустарники только. Сосен-то там, однако, нету, кустарники там, черёмуха, полно её.

[— Там и скота били... — Слуш.].

Но. Скота забивали. Его *в плашко́тах* везли, колхозы все сдавали. «Заготскóт» — заготовительная организация принимала. А *Иринда́*, вот этот остров, как ей вроде принадлежал. Оне принимали скот этот, и он до заморозков, до морозов больших там жил, скот. Там сено заготавливали для них, всё, дворы были, и всё, для рабочих — избушки настроенные. И вот скот этот побудет осень, и как морозы начнутся, начинался убой скота, чтоб мясо-то замерзало. Где его сохранишь? Вот мёрзлое же надо *в Кéжму* увезти сдавать.

[137 (19)]. Записано в 2001 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Валентины Петровны Привалихиной (1936 г.р.), с. Паново Кежемского района Красноярского края (ЛА).

КЛÍМИНСКИЕ ПОКО́СЫ. *Микротопоним.* Название полей (в прошлом — покосов), находящихся на островах по реке Ангаре в Кежемском районе Красноярского края.

Все острова, вот острова, на островах там всё *Клíминские покóсы*, они всё косили. *Кожáн* островок. *Шубáрь*, *Островóк*. Были *Клíминские покóсы*. До соединения. *Шубáрь*. *Токовóй*. Вот этот остров вроде как прямо — *Домáшний* его называют. *Клíмино* зовёт. А *Заледéево* зовёт опять его — *Елóвый*.

[— *Заледéево* зовёт *Елóвый* этот остров... — Собир.].

Да. А мы вот *Домáшний*. Он самый ближний.

[— И на всех этих островах были покосы, да? — Собир.].

Покосы. *Дак* вот эти я острова все знаю, *сколь* гектар. Вот там вот *ешио* остров *заледéевски* косили, всё *Заледéево* косило, он... мы-то зовём его *Большой*, а фактически-то он *Каметкáнов* зовётся.

[— Интересно! Какой остров?.. — Собир.].

Вот этот *Каметкáнов*, по-моему, сто десять гектар. *Кожáн* — девяносто гектар. *Островóк* — шестьдесят гектар. *Шубáрь* — сто тридцать гектар. *Токовóй* — сто двадцать гектар. Я острова-то все знаю, гектарá-то эти. А вот *Большой*, мы называем *Большой*, *Домаишний* — он сто восемьдесят гектар. Самый большой.

[477 (20)]. Записано в 2007 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Ефима Михайловича Рукосуева (1932 г.р.), д. Климино Кежемского района Красноярского края (ЛА).

КОЛЮЖНИК, -а, м., *соби́р*. Сорные колючие растения (осот, чертополох и т. п.). Ср.: **КОЛЮН**, **КОЛЮЧКА**, **КОЛЮЧНИК**, **КОЛЮШНИК**.

Мне двенадцать лет было, я уже *осенова́ть* поехала в *Мозговую*, молотить. А пололи мы уже с девяти лет, поля пололи, вот этот **колю́жник** пололи на полях. Мы уехали в эту, отсюда когда едешь, да, называется Половинный, между *Мозговой* и *Кéжмой*, там двенадцать кило́метров. Там жили немцы, одне чистые немцы. Оне там всё выращивали. А у нас *Ма́рушкова Елань* была в *Мозговой*. Мы без взрослого... *Счас* без взрослого без человека *рази* отправишь? Они ничё не сделают. А на нас надеялись. И мы делали. Лошадёнка была, на лошадёнке ездили вот туда, на Ангару, за шесть кило́метров по воду, парнишки. А мы пололи хлеб. Взрослого никого у нас там не было.

Мы там пололи. *Вместя́х* жили, и ничего плохого не было. С утра рано утром встанешь, с утра и полешь. Этот **колю́жник** на руку ложишь, потом его на межу. А *ись* хочется. А там буераки, там же, в *Мозговой*, поля, на самой поле само *от*, там чисто *на лбу*, а здесь, когда сама деревня *Мозгова́*, в *Кéжму* едешь, там этот год у нас здесь в чаще тоже буераки, вот так поля ямами, буерак называется, он и в книге пишется. Не овраг, овраг вот, а это буерак, вроде ямки каки, ямами. Не то что маленькие оне, оне неглубокие, но всё равно неровная поверхность там, а пололи. И вот там я, ой, *ись* охота, но голодная же, там голодная: что брать-то с собой? А на неделю? Ну и попололи, обедать пошли, я в этот буерак пошла *пучек* порвать. И вот мы здесь *покосы* подбирали и *пучки* рвём, тащим домой. Нарезали их... Вы *счас* будете её, *пучку*, есть, вон, *боришо́вник*, *пучка* сама? Нарвёшь её, посолишь, в чашку похлебашь без хлеба, да и опять на работу. Вот так, вот эту зелень. А *коло́да* большая, не знай, листовница. А трава же высокая в июне-то, трава уже большая, ну, в июне же, в этом, в июне пололи, до сенокоса ещё пололи. Только руку-то *на коло́ду* положила, а там змея лежит. Ой, я как заревела! И бросила эти *пучки*, всё, и побежала. Избушка там, мы *вместя́х* жили в избушке. *От* вечером ложимся, девчонки-то, пацаны на одне нары, мы на вторы, два окошечка было. Вот оне:

— Ой, медведь идёт! — пугают нас. — Медведь идёт! Медведь идёт!

Мы боимся (...). Дружно жили. Одне ребятишки. Война!

[155 (21)]. *Записано в 1998 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Ефросиньи Ивановны Сизых (1932 г. р.), с. Ёдорма Усть-Илимского района Иркутской области (ЛА).*

И жали (...), подскребали. Мы хто были-то, маленькие, ходили, поля-то, это, пололи-то, **колю́жник-то** дёргали. Это *чичас колю́жник*, посмотришь, на полях-то чё делатся! Ни хлеба-то христова не видать, чёрным-чёрно. А раньше попробуй-ка, **колю́жник** на поле увидь-ка бригадир! Вот со взрослыми оне (...). Ну, чё, женщины, ночь-то если, рыбачат, а день-то, надо отдохнуть немножко. А кого отдыхать-то? На работу. Оне поработают, поработают, говорит:

— Ребятишки, вы полите, мы маленько отдохнём.

Там *сколь* минут отдохнут. *Запоны* у нас такие были холщовые. И **колю́жник** нарвём и на межу таскали. Какое поле, на межу всё равно таскали. Всё на межу. Всё чисто было, поля всегда чисты были, всё. *Покосы* подбирали весной. Раньше же покосы затапливались. А *плавнику́-то*, эти коренья, всё же на покосы заливало. А сенокосилка-то пойдёт — это всё *бует* мешать. И всё ребятишки чистили, всё ребятишки чистили! Вот от семи и дальше, ребятишки до пятнадцати лет. Какую-нибудь вот такую женщину постарше, руководила чтобы нами, и мы всё это собирали, всё собирали. Строго! Не таскались, как нынче вот *молодя́тник-то* ходит по деревне-то.

[— А что, все острова прямо затапливало? — Соби́р.]

Затапливало, затапливало.

[159 (21)]. *Записано в 2000 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Анны Ивановны Черных (1939 г. р.), пос. Невон Усть-Илимского района Иркутской области (ЛА).*

КО́ННЫЙ. *Микротопоним.* Название острова на реке Ангаре, находившегося в Кежемском районе Красноярского края (до затопления в связи с пуском Богучанской ГЭС).

[— А названия пашен не помните, в *Займке*, которые ваши деды разделявали? — Собир.].

Ну конечно, разделявали.

[— А названия были у них? — Собир.].

Ну, там острова, но покосы были на островах. Наш остров, *де* косили сено, назывался *Па́хотный*. Потом рядом, ну, недалеко от деревни, ещё ближе, назывался *Ко́нный*. Лошади там жили, коровы жили. Частного сектора как... Каждый, у кого были коровы... Острова так назывались.

[285 (21)]. *Записано в 2001 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Татьяны Ивановны Сизых (1938 г. р.), с. Паново Кежемского района Красноярского края (ЛА).*

КОПНЬЩИК, -а, м. *Земледел.* Тот, кто укладывает сено в копны.

Потом я подросла, я, значит, на покос не стала ездить, а пять было... Пять классов я кончила, в шестой перешла... не перешла, а по математике осталась на осень я. И мама мне сказала (очень было трудно):

— Нина, не ходи в школу, родная, давай работать.

Мама мне сказала. Она совсем безграмотна: раньше не учили людей, ага. И вот, значит, я не пошла в школу и осеннее не пошла сдавать. А до пятого класса я была в ударниках. Математика мне не пошла как-то: алгебра, геометрия в пятом классе не пошло. Трудновато было, и я осталась на осень и так это сдавать не пошла. На этом и шестой класс закончился у меня. Мама говорит:

— Пойдём, Нина, работать.

Я пошла сортировать *на полувиме*, машина такая называется — *полувимь*, она отработывает семена: чистые идут, отходы идут, вот на этот *полувимь*. В *Паново*, значит, отработали все семена, *на Курейный* на остров переехали, все семена отработали с подружкой, и *на Басковой* на остров, это уже третье место. Отработали все *на этом полувиме* семена. Потом, как-то посчитали, что я хорошо работаю, посчитали бригадиры, и говорит:

— Нина, ты в этом году пойдёшь на комбайн *копнильщиком*.

А я крошечна, вот такая вот: и полненькая, и крошечная. Росту-то у меня... вишь, маленький. И я пошла *копнильщиком*. *Жнитво* подошло. Всё уже это, значит, маленько года-то побольше стали, и *жнитво* подошло, и вот мы, значит, жали. Дома концерт в *Паново*, нас не отпускают комбайнёры домой, мы просимся:

— Отпустите на концерт. Приехали, мол, это *из Кежем*, портóвские эти работники.

Нет, нас не отпускают:

— Сегодня эта ночь будет ясная, и мы сорок гектаров выжмем, и то не стоит, мол.

Не отпускали, так строго было.

[— Что не стоит? — Собир.].

Гектарá, *выжатые* гектарá, да, в ночь сорок гектар. И вот я, значит, стояла такую высоту, крошечка. Нажимашь на педаль — *ко́пны* слетают, рядами идут *ко́пны*, рядами. Потом зимой их разгребали и возили скоту, но, *ко́пны* эти. И разгребать, опять же, нас отправляли, *ко́пны* разгребать, чтоб подъехала лошадь и можно было, значит, брать: она уже разгребённая. Но, другие уже подъезжали-то, возчики-то. Другие, не то что мы, мы только разгребали. Вот, сколько, мол, *копён* разгребли? Но мы говорим, что шесть в этом... ну, какого-то дня шесть разгребли, другой день, может, восемь *копён* разгребли. Ну, вот, вот так вот снег — попробуй, ужас. Да, в снегу зимой, скоту возили. С учёбой всё закончилось. Потом, значит, я работала в доярках много лет, десять, наверно, лет, так-*от*. *От*, а потом меня перевели, значит, попросили просто, значит, на ветлечебницу санитаркой меня попросили. Из колхоза, значит, в эту организацию на ветлечебницу санитаркой. Я там двадцать один год проработала санитаркой, оттуда и на пенсию пошла.

[390 (21)]. Записано в 2005 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Нины Васильевны Гафнер (1937 г. р.), с. Паново Кежемского района Красноярского края (ЛА).

КОРА́БЛИК. Микротопоним. Название острова близ села Ершово Усть-Илимского района Иркутской области. Ср.: КОРА́БЛЬ.

[— А там какие острова были, в Ершовой? — Собир.].

У нас *Большой остров* был.

[— Какие названия островов? Вот *Нижник*. Ещё какой остров? — Собир.].

Овёшник был. *Кора́блик*.

[— *Кора́блик* — это вот этот самый? — Собир.].

Вот этот *Кора́блик*, он *ещишо* остался. Но высота-то осталась, всё остальное затопило, а высота-то осталась. А на *Кораблэ* там тоже у нас было... Потом *Берёзов* был, *Ушкánник*. Вот остров был, вот *Большой-то остров*, я уж забыла. *Овёшник*. Он недалёко был от *Большого острова*.

[— А там, на *Овёшнике* овцы, наверное, паслись, да?.. Раньше. — Собир.].

Покосы были раньше, ага, покосы и... А овец на лето увозили *пока́мись*, вот до покосов-то, на остров возили. На *Большой остров* возили овец, овец.

[— А возили на чём их? — Собир.].

На лодках перевозили. У нас *ши́тик* был, большой *ши́тик* — тоже по трое, *грёби*. На *грёбях*. К себе — от себя. *Ши́тик*, он как лодка. Как вот показать? Вот так он примерно был. Борта́ у него, а там... ну, глубока́й вот такой был. С *набо́инами*, ага. *Ши́тик* был, *грёби*, да и всё.

[461 (21)]. Записано в 2011 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Ирины Семёновны Зарубиной (1928 г. р.), с. Ершово Усть-Илимского района Иркутской области (ЛА).

КОРА́БЛЬ. Микротопоним. Название острова близ села Ершово Усть-Илимского района Иркутской области. Ср.: КОРА́БЛИК.

Я косила на *Кораблэ*. Приехала к Григорию Петровичу... Война *ещишо* не кончилась, а меня на остров погнали с мужиками. Гриша Ступин, я, Вася Савельевской (они *счас* все вот *вымерли*, я *ещишо* живу). Я с *имя́* поехала туда, а косила на *Кораблэ*. Ну, поехала одна себе с мужиками. На острове жила, парь́ пахали и посевную сеяли. Вот так.

А весна-то подошла, объявили войну-то, а мы пахали на этом, на *Нижнике*.

[— На *Нижнике*? — Собир.].

Ну, ну, на острове. Там назывался *Нижник*.

[— *Нижник*, ага? — Собир.].

Вот туда как к *избушкам*, а туда — *Нижник* назывался. На *Нижнике* пахали, вот и в *бегову́* оттуда до *избушек* добежали. У меня была *Белогубка*, Кау́рка — ой, таки кони были хорошие! Ну, я всё равно впередé была, у меня кони хорошие были. Я как *женщина* — мне, видать, получче давали лошадей. Каждый свою лошадь знал. Чужую не брали никогда.

[462 (21)]. Записано в 2011 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Ирины Семёновны Зарубиной (1928 г. р.), с. Ершово Усть-Илимского района Иркутской области (ЛА).

КОРОВО́Й. Микротопоним. Название острова, находившегося на реке Ангаре ниже села Паново Кежемского района Красноярского края (до затопления в связи с пуском Богучанской ГЭС).

...А коров возили на *Коровой*, остров. Ну, этот *Коровой*, вот мимо едете. *Коровой*. А овечек — на *Нии́агу*. Вот тут *Нии́ага*. У нас там коровы.

Когда там посеют, станут хлеба всходить на острову́ на *Курейном* (там не загорожено было), оттуда перевозим на *Коровой*. Там уже никаких *пастбишше́в* нету, а только *пастбишше́* коровье. Там ни покосов, никого нету — одни коровы живут.

А овечек увязём *на Нишáгу*. Это колхозное стадо возили. И до колхозов так же. Там и до колхоза избы-то стояли. Оне *поскóтины*, старики-то, *городили*, коров отпустят *вольно*, *поскóтину городили*. Избушки, а поля как будто туда, за бором. *Нишáга*, она и раньше была, овцы там сами пьют, едят. И не воровали. *Мётки* делали на ушах. *Пятна́ли*.

— Давай, — говорит, — *запятна́й* овечку. Иди, — говорит, — *запятна́й* овечку.

Вот у меня правая разрежется, а левая срезается. У кого там внизу, всё, чтобы потом, осенью, не путали. По два обреза делали. На ушах...

[533 (21)]. Записано в 1984 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Анны Алексеевны Усольцевой (1925 г. р.), с. Паново Кежемского района Красноярского края (ЛА).

Ой, Ангара-то, она вся в островах же! Вот *Большой остров*, *Долгай* тут есть, и всё. *Лиственни́шный* в *Панóвой*, *Басковóй*, *Коровóй*, *Нишáга*, да. Тут один *Большой остров*. *Полно́*, *Галя*, *полно́*! И *Долгай*.

[534 (21)]. Записано в 2006 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Лукерьи Михайловны Дашкиной (1939 г. р.), пос. Кежма Кежемского района Красноярского края (ЛА).

Машка тоже говорит, *на Басковом* старик *водил*. Но тоже *от* там сказали, *на Басковом-то* кого? Рядом. Избушки видно, ходил, *водил* её *коло* туда, и всё. Она ночевала. Назавтри уж потом её как-то нашли на острове. Но и рассказывала, что, мол, он меня... потом я, говорит, просила, молила. А мы *на Нишáге*, на острове. Ну, наших личных... там колхозные, личных-то туда не пустят. Там острова, да и сейчас, но сейчас всё *таишат*, везде. Тогда-то не *таишили*, сейчас воруют всё. Никто не брал, никого. И хуже жили.

[— А сейчас не возите коров? — Собир.]

Если мы увязём *на Коровóй*, на остров, сейчас, — обязательно застрелят. А раньше не было такого.

[535 (21)]. Записано в 1983 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Анны Алексеевны Усольцевой (1925 г. р.), с. Паново Кежемского района Красноярского края (ФА ИГПУ).

КОРЧЕВА́ТЬ, -чу́ю, -чу́ешь; *несов., перех.* **Вырывать, удалять из земли вместе с корнями (пни, деревья).**

[— А названия у полей, пашен были? — Собир.]

Но вот *Мозговá*, *Селенгинó*, где ведь у нас... Далёко *от Аксёновой-ту*, *отцель* восемнадцать километров, *от Пановой до Аксёновой-ту*, но она на той стороне. Даже *из Селенгинóй* были у нас, на нашем острову́ *на Ирiнде* был покос, вот люди *отту́ль* ездили (*Селенгинá* девять километров *отсель*, *от Панóвой* восемнадцать — двадцать семь километров они ездили), там *мозговский* покосы. Вот такие *каки́-нидь лоскуткi* — ну, там гектар ли, полтора ли, два ли — вот такими *лоскутка́ми*. Где сразу-*ту* земля-то была *ешишо* вся? Её надо было *подымать*, *но́вую зéмлю*, **корчевáть**, а потом уж садить-*ту*, сеять-*ту* ли. Вот так вот было. А нынче всё везде заросло лесом.

[— А лес же был, как его убирали? — Собир.]

Пилили. Пилили. Поля-*ту* были, *ешишо* мы захватили поля-*ту* эти, на полях-*ту* были пеньки, срезали лес-*ту*, пеньки вот *эки* вышиной были.

[— С метр... — Собир.]

Да. Мы их *выкапывали* — ну, где топором, где лопаткой, где чем-нибудь, — *выкорча́вывали* их из земли-*ту*, вот так чистили. Это мы даже *ешишо* захватили, такие были *тростничкi* маленькие, мы их *выкорча́вывали*, чтоб поле было, чтоб покос был больше и *чишише* (...).

[— А *тростничкi* — это что? — Собир.]

Ну, *тростничкi*... ну, какой-*нидь* прутик растёт — *бярёзовый* ли там, *ли́ственка* ли — вот это назывались *тростничкi*.

[— Молодые. — Слуш.]

Молодые, но-но-но-но. *Бярéзничек* ли там, *ли́ствену́шка* ли там, кто *ешишо*, может, *каки́-*

нибудь — вот это всё руками *выкорчывали*. Мы *ешио* захватили это. А раньше-*ту*?! Ну-ка, лес был такой. Люди-*ту* раньше работали с ночи до ночи, с зари до зари не спали. Старики-*ту*, они крепче были раньше, чем как *счас* народ.

[586 (21)]. Записано в 1987 г. Афанасьевой-Медведевой Г.В. от Натальи Васильевны Брюхановой (1927 г. р.), с. Паново Кежемского района Красноярского края (ЛА).

КОШЕВОЙ. Микротопоним. Название острова на реке Ангаре в Усть-Илимском районе Иркутской области, а также название утёса и заимки на этом острове.

[— А сколько там было деревень-то рядом? — Собир.].

Ой, *Аникино*, *Владимировка*, *Шаманка*, потом... ну, как вот, *Подъеланка* была от нас тут напротив же. Острова были красивые очень. *Ушканий остров*, *Прямой остров*, ну, вот, *Кошевой остров* (...).

А *Кошевой*, потому что на *кошёвках* на этих всё время ездили. *Кошевой*, *Верховой*.

[189 (22)]. Записано в 2001 г. Афанасьевой-Медведевой Г. В. от Марии Егоровны Шаманской (1933 г. р.), с. Седаново Усть-Илимского района Иркутской области (ЛА).

КРАСНОГОЛÓВЕЦ, -вца, м. Гриб подберёзовик.

Была деревня *Закурдаёво* <...>. Там, напротив, был остров, *Сосновый остров*. Там сено косили. Даже с *Седаново* там ездили сено косить, для подсобного хозяйства косили это сено. Все острова здесь, все острова: *Устьински острова*, *Седановски острова*, *Подъелански острова* — все были почти сенокосные. Все сенокосные <...>.

Острова были большие. А такой был остров *Онора!* Здоровый остров был! Он чуть ниже *Седаново* было. Там грибов было очень много. Как август приходит, всё *Седаново*, вся *Подъеланка* на этом острове грибы собирают. *Волнушки*, вот эти **красноголÓвцы** всё. Особенно *волнушек* было, ой-ой! Ну, ведрам возили. Ужас! Едут-едут, и каждый день.

[— А **красноголÓвцы** — это как? — Слуш.].

Ну, подберёзовики их называют. Подосиновики-то — это *обáбка*, а подберёзовики-то, **красноголÓвец** же выходит. Тайга кормила.

[388 (22)]. Записано в 19?? г. Афанасьевой-Медведевой Г. В. от Ивана Матвеевича Бурого (1937 г. р.), с. Седаново Усть-Илимского района Иркутской области (ЛА).

КРÍПОТКИ, -ток, мн. (ед. крÍпоток, -тка, м.) 1. Носки, вязанные из конского волоса. Ср.: ВОЛОСЯНКИ в 1-м знач., *ВОЛОСЯННЫЕ НОСКÍ, *КРÍПОТНЫЕ НОСКÍ, КРÍПОТКИ.

[— Вот это *прéслица* с конским волосом, взятым из гривы. Вот так делали *волосянки* или **крÍпотки**, да? — Собир.].

Так делали. Я пряду на *волосянки* и с неё вяжу. На *самопряхе* вяжу с неё.

[— А когда стригли лошадей для того, чтобы сделать **крÍпотки**? — Собир.].

В апреле, в мае. Вот сейчас. Мы вчера постригли. На остров повязли когда. Они на остров вязутся — должна лошадка быть чистая, без гривы, то ей жарко будет. Да и некрасиво она сама себе смотрится. Вот мы её весной стригём. Постригём, и я шерсть тереблю, эту гриву, *шинкую*, всю её *прошинкую*, эту гриву, и *выпрядаю*. Пряду эту гриву и вяжу *волосянки*, **крÍпотки**. **КрÍпотки** и рукавицы. Я научилась вязать рукавицы, *кода* мы рыбачили. А зимой холодно, а оне — хлопну так! — оне опять сухие, и руки тёплые, *нёвод* таскать. *Нёвод* таскать — руки режет, а я в *волосянках*.

[— А *волосянки* — это рукавицы? — Собир.].

Но. Рукавицы, ага. А **крÍпотки** — это на ноги.

[622 (22)]. Записано в 1989 г. Афанасьевой-Медведевой Г. В. от Клавдии Михеевны Жмуровой (1929 г. р.), с. Кеуль Усть-Илимского района Иркутской области (ЛА).

КРОМКА, -и, ж. 1. Межа, граница участка; опушка леса, роши.

Мы уже вот в одиннадцать лет *весновáли*. Вот на острова, он называется так *Сосновый*, а звали его тогда *Мартыново*. Там как деревня была, несколько домов жило. Потом оне все переехали сюда. И вот на этот... там была пашня, и вот на этот *вóстров* возили <...>.

[— Большой был остров, да? — Собир.].

Нет, он не большой. Он два километра, это длина. Ширина, я не знаю *сколь*. И всё, он полностью был весь разделанный под пашню. Весь распаханый был, только *крóмки* вот были немножко от берега, и всё. Берега вот эти тоже косили.

[84 (23)]. Записано в 1985 г. Афанасьевой-Медведевой Г. В. от Прасковьи Иннокентьевны Анкудиновой (1937 г. р.), с. Кеуль Усть-Илимского района Иркутской области (ЛА).

КУЛТЫШКА, -и, ж. Остаток искалеченной / ампутированной руки или ноги. Ср.: **КУЛЬТЯ** в 1-м знач., **КУЛЬТЯ** в 1-м знач., **КУЛЬЧА**.

У нас два старичка *бескрýшные* жили в *Панóвой*, оне сосланы были. На берегу их подобрали. Оне *бéглые* у нас *шиитались*. По баням жили. Бани протопят, там вымоются, хозяин-то, — оне в тёплой бане ночевали. От одного к другому ходили. У одного были *култышки* — по пальцы обрезанные ноги, видно, отморозил. *Дак* а бегал-то! Мы переехали с *Курéйного*, с острова, *осеновáли* там, коров перевезли. Корова побяжала, и я мимо *их*, и этот как раз был *заулочек*. Я туды. *Дак* он за мной — и *стал* передо мной, фуражку вот так взял и *об* пол:

Фуражка шита,
Об пол не бита.

И мама мне *встрéчу* бязжит, заругала его. Вот он такой был. *Говрели*, он потом с *бéлыми* уходил. И вот он такой был. А потом я не знаю, куда он дьявался. Или его убили, или увязли ли, не знаю, куда дьявался.

[5 (24)]. Записано в 1996 г. Афанасьевой-Медведевой Г. В. от Матрены Тимофеевны Пановой (1925 г. р.), с. Паново Кежемского района Красноярского края (ЛА).

КУРÉЙНЫЙ. Микротопоним. Название острова на реке Ангаре, находившегося в пользовании жителей села Паново Кежемского района Красноярского края (до затопления в связи с пуском Богучанской ГЭС).

У нас же вот первый остров — *Басковóй*, за *Басковым* есть остров *Курéйный*. На *Курéйном* было три дерявушки... оне не дерявушки, *осеновáли*, *весновáли* там, и был этот дерявушка... *Араповы*, потом идут *Федю́нковы* и потом *Еремины* — на острове *Курéйном* было, можно сказать, как три посёлка. У *Араповых* была часовня даже, на всём острову́ была часовня построена, люди ходили молились.

[— А зимой там не жили? — Собир.].

Нет.

[— А там избушки были, да? — Собир.].

Да. Как дерявушки небольшие. Оне весной и осенью на посявную, на хлебоуборку — вот там и жили семьями, семьями сюда приезжали в деревню только на лето как-то. Мы с ребяташками там *весновáли*, с детьми.

[— Пока стоит лёд, скота перегоняют на *Курéйный*? — Собир.].

Да. И доярок туды, и телятнице́в туды, и там мы работаем. И с детьми с грудными, и *зы́бки* с нами, и кровати с нами. И домой ездили — *ряка* прошла, и ездили копать (...), копать землю-то.

[— Река прошла, и вы на лодках приезжали сюда, копали, сажали? — Собир.].

На лодках. И обратно — опять две реки, и опять под коров. По двадцать две коровы! Вот, *родна́*, как жили. Бывало, и *весновáли*, и *осеновáли* тоже. Там в основном поля все. Вот

за *Басковым* — *Курейный*. Вот проточка, а там — *Курейный*. Просвет-то вот, там *Курейный*. Но тут почти восемь километров. Но здесь два километра до *Басковского*. От этого берега и до того. Там же ещё одна река. За этим островом *Ангарá* ещё дальше идёт. До *глухой матери* там всё идёт вода. А *глуhá матерá* вот, где горы. Ну, дальние-то горы вон, вот там *глуhá матерá*. Вот до неё и всё вода идёт — ширина такая. Там ещё два маленьких островка за *Курейным*, а потом уже эта река. Два островка *Еловички*. Два *Еловичка*, за *Курейным* два *Еловичка* там.

[144 (24)]. Записано в 2000 г. Афанасьевой-Медведевой Г. В. от Нины Васильевны Гафнер (1937 г. р.), с. Паново Кежемского района Красноярского края (ЛА).

Варят... не то что *счас* вот на плитках. На острову когда живёшь, на *Курейном*, там костёр, соседи все у этого костра варят, там такой это *таганок* делают и варят. И вот все тут собираются. Мужики тут садятся, как обычно, на *колёнушко*, и *колёнушко* под это место, и всё, и так вот сидят. А женщины приходят, ну, слушают, кому если время есть. У кого вот такого нету большого хозяйства, приходят, слушают. Больше-то ездили молодёжь на остров-то. Старики-то дома...

[— Да ну! Мы всегда всёй семьёй. — Слуш.].

Один остров разделён на три участка. *Курейный*... Там Ерёмины, Федюнькины и Араповы. Вот такой огромный, что вот в колхозе было три бригады. Каждая бригада, вот посевная... Там вот каждый для себя это всё делал: пахал, и сеял, и всё там, косил.

[147 (24)]. Записано в 1988 г. Афанасьевой-Медведевой Г. В. от Валентины Игнатьевны Суздалевой (1923 г. р.), пос. Кежма Кежемского района Красноярского края (ЛА).

Вот мы на *Курейном*... А половодье было, дак затапливало, у избышек прямо, боялися, на лодках переплывали на бор. Бор большой был у нас там был, высокая. А мы прямо... И вот была *шшука*, сороги, всё мы прямо так не шибко-то, дак рыбу хватали, прямо ведрами хватали рыбу. А вот ночь ночуем, она, вода-то, *сбúдет*. Полно рыбы у нас на лугу было, оставалася мёртвая. А нынче рыбы не стало. Мало совсем у нас рыбы-то, мало.

[148 (24)]. Записано в 2001 г. Афанасьевой-Медведевой Г. В. от Татьяны Григорьевны Брюхановой (1933 г. р.), с. Недокура Кежемского района Красноярского края (ЛА).

Остров *Курейный* и *Басковой* — это хлебные острова. Хлебные. Там и *весновáли*, и коров держали там, и рыбачили, и огороды садили. Это *кода* не было моторок, на вёслах люди. Трудно было ездить, Галя. И работали по двенадцать часов каждый день.

[— А *Басковой* больше, чем *Курейный*? — Собир.].

Меньше, но. Он ближе к деревне, к *Пановой*, его с ряки хорошо видно. Длинной тоже будет пять ли шесть, а шириной — полтора, километр ли. Не пахалось на тех островах, только дряжали коров, телят, лошадей, овец. А теперь нигде ничё не держится.

[151 (24)]. Записано в 2008 г. Афанасьевой-Медведевой Г. В. от Анны Алексеевны Усольцевой (1935 г. р.), с. Паново Кежемского района Красноярского края (ЛА).

[— Татьяна Ивановна, а почему вот *Конный остров* так называется?.. — Собир.].

Ну, лошадей... Конь, конь. Лошади паслись — называли *Конный*.

[— А *Пахотный*?.. — Собир.].

Пахотный. Ну, распахивали *пахоту*, значит, сеяли-то когда, распахать надо, и *Пахотный* назывался <...>. Вот. У нас здесь на *Курейном* (уж я сколько здесь живу, сорок три года), тоже на *Курейном* всякие названия: *Штань*, *Орловик*. На самом вот на *Курейном* у нас здесь.

[— *На Курейном?* Что называют? — Собир.].

Ну, отдельная часть острова, такие участки, называются *Орловик, Штаньы*.

[— А *Штаньы* почему? — Собир.].

Ну, видимо, широкая часть, видимо, какого-то. Наверно, так можно сравнить. Ещё, по моему, по-моему, как-то называется... *За курьей*. Протекает там.

[— Речка? — Собир.].

Речка, да. *За курьей* ещё место называется. Потом *Ерёмино*, тоже *на Курейном*.

[— *Ерёмино?* — Собир.].

Ерёмино, да. *Фядюнькины*. *Фядюнькины* — место, где раньше это была дойка. Совхозных коров держали. Вот ещё как-то место называется, забыла. *На Курейном, в Займке*.

[152 (24)]. Записано в 2003 г. Афанасьевой-Медведевой Г. В. от Татьяны Ивановны Сизых (1937 г. р.), с. Паново Кежемского района Красноярского края (ЛА).

КУРЬЯ́. Гидроним. Название небольшой реки в Кежемском районе Красноярского края.

На острову *на Курейном* много названий. Тут *Араповы* были, где бригада жила. Вот *Араповские избушки*, там были там ихние *избушки*, там уже ихняя бригада живёт, работают на покосе, на уборочной или сеют, и всё. Туда едут *весновать*. Едем и живём там, пока не посеют. Там пашут ребята и там живут. Там покосы были *на нижней изголови, Курья́*, речка *Курья́*. *За Курьей* у нас коровы были, мы туда пятачком бегали коров доить. Ну, километра два.

[329 (24)]. Записано в 1989 г. Афанасьевой-Медведевой Г. В. от Анны Алексеевны Усольцевой (1925 г. р.), с. Паново Кежемского района Красноярского края (ЛА).

А эта *Займка*, деревня-то, она на острове *Тургёнев*. Пятьдесят километров *от Кéжмы* <...>.

[— Расскажите, какие у вас покосы были, в *Займке*, какие помните? — Собир.].

Ну, *Пахотный*, самый большой остров был, *Пахотный*, он и *счас* ещё *живой*. А вот *счас* вы пристали, вот сюда, *на нашу матеру́*, а напротив-то это остров. *По-за* нему *ешишо* река небольшая, и *по-за* этой, и *Тургёнев* — там *ешишо* река, там *ешишо* островки. Если бы тут не было *от* этих островов, *Тургёнев* и *Пахотна*, тут, наверно, километров пять ширина бы *Ангарá* была, если островов бы не было.

[— Пять-то нет. — Слуш.].

Бу-у-удет, Михайловна! Ну, вот где эта *Пахотна*, да там эта узкая река, да шириной...

[— Да самое широкое место у нас вот здесь. — Слуш.].

Да. Остров *Тургёнев*. Ещё *Берёзов*, ещё *Сосновый*. Это острова, это уже там, вот *от Таёжного* <...>.

[— А *Пахотный?* — Собир.].

Пахотный-то вот напротив, где вы пристали, через реку, там *Пахотный*, вот там самые большие покосы были. А вот этот *Пахотный*, он большой, *от Гли́нки* и вот туда, семь километров. Его разделят *Курья́*. Вот та верхняя сторона была *займская*, как *Пахотный*, *займски* там они косили, там и коров держали. А *от Курьи́* и вот эта часть — *недокурская* часть была опять.

[— А *Курья́* — это речка? — Собир.].

Это речечка такая. Ну, между островами протоки бывают, а то такая же, как протока называется, только она с одного конца. Там-то у ней нету течения, там она глухая, ну, как вот такая вот полоска воды. Она глубокая, там рыбы было полно́. *По большо́й водé-то* она выходит. Но когда *водá-то* уж *ма́ленька*, *дак* она весной (...), есть и рыбу *добывáют* там. А *счас* зарастат всё.

[330 (24)]. Записано в 1999 г. Афанасьевой-Медведевой Г. В. от Анны Михайловны Сизых (1936 г. р.), с. Недокуры Кежемского района Красноярского края (ЛА).

ЛАДИТЬСЯ, лажусь, ладишься; *несов.* **Стараться, пытаться; намереваться, собираться, готовиться (делать что-либо).**

А весной *на весновке* тоже живёшь на участках опять. Пашут, боронят всё это вот.

[— А *на весновки* когда уходили? По льду? — Собир.].

По льду. По льду уходили, а потом уж оттуда по воде приплывали.

[— Но *весновку-то*, уже как Ангара, переходишь и живёшь уже *на весновке*. *На весновку* уезжали, когда Ангара пока *распалится*. Это весной. — Слуш.].

Но.

[— До распутицы. — Слуш.].

По льду едешь *ладишься*, едешь, а оттуда уже привезёт кто.

[— *По плохой воде* уже. — Слуш.].

Ангару уже пронесёт оттуда уже. На другой там участок. Может, там где-то не закончили ещё посевную, перебрасывают, может, на другой там, другой участок. Вот так вот и жили.

[3 (25)]. Записано в 2001 г. Афанасьевой-Медведевой Г. В. от Нины Васильевны Лимеровой (1934 г. р.), с. Богучаны Богучанского района Красноярского края (ЛА).

ЛИСТВЕННИЧНЫЙ ОСТРОВ. *Микротопоним.* **Название острова на реке Ангаре (Усть-Илимский район Иркутской области).**

Вот у нас земля *на матерé* — глина. А на островах-то земля... Мы не удобряли на островах-то, вроде бы и земля — там Ангара прошла вот рядом, каких-то пять километров, вот *Лиственничный остров-то*, шла земля-то. Природа должна одинаково дать землю-то — это там, примерно, тридцать, сто километров разница должна быть. Вот у нас одна глина, а на острову, он рядом же, *Лиственничный остров*, а там земля песчаная, *чёрная* такая. Едешь, плугом пашешь, так плуг не слышит: она вся по себе разваливается (...). Там чернозём, и есть такой светлый, *суглинок*, а он рассыпается. А здесь глина, вон она, её как вспахаешь, она вот таким... такой *глызняк*. И всех лучше у нас зерно для стряпни было вот *на Лиственничном острове*. Но он сероватый, хлеб-то, был. Но не первый же сорт. Но булки состряпашь — ой, *объеданье!* Они пышные! Дрожжи свои делали, *хмелевые*. *Счас* *Кёуля* привезут хлеб, он в середине какой-то... полежит, как вода какой-то.

[633 (25)]. Записано в 1991 г. Афанасьевой-Медведевой Г. В. от Ефросиньи Ивановны Сизых (1932 г. р.), с. Ёдорма Усть-Илимского района Иркутской области (ЛА).

[— Галина Ивановна, а какие острова назывались *Катскими?*.. *Катские острова?*.. — Собир.].

Катские какие там были? *Сосновый против Каты*, тут устье *скрозь* занимает вон это. Потом *Лиственничный остров* был. Ну, за речкой тут вот как, за речкой этот на устье-то как... Он с той стороны, *от* там это был, *пахотá* была, покосы были. Потом *Ермаки*, где косили, были, косили *в Ермакаф*. Потом, ой... Как же этот-то остров-то?.. Ой, как его называли?.. Забыла, вот *счас* не вспомню. Остров тоже, ездили на *гребяф*, всё на *гребяф* в таку даль, туды, на ту сторону *Ёдормы*. На той стороне этого *Соснового Катского*, туды *Каменной*, *Каменной Катской* там был. Вон и *Черновской*, однако, и *Катской* вместе были, эти *Каменные-то острова*. *На Каменном* на этом косили.

[634 (25)]. Записано в 2000 г. Афанасьевой-Медведевой Г. В. от Галины Ивановны Анучиной (1937 г. р.), с. Кеуль Усть-Илимского района Иркутской области (ЛА).